

83.3(УВел) Л)

ЯЧ7

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. СВИФТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Яковенко

Съ портретомъ Д. Свифта, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ПЕЧАТН. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», в. подъяч., 39

1891.

126911

и/р

1907 р.ф

С В И Ф Т Ъ .

83.3(4Вв)
Я 47

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. СВИФТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

126911

86

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

В. И. Яковенко.

Строфонтретомъ Свифта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 20 КОП.

Съ пересылкой 25 коп.

ПРОВЕРЕНО
1957 г.

1950

СТАВЛЕН
МУГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗД. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39.

1891

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ
біографическая бібліотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ этой бібліотеки войдутъ біографіи слѣдую-
щихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ,
Будда, Р. Вагнеръ. Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей,
Гарибальди, Гарриксъ и представители европейской сцены,
Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гум-
больдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ,
Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Кантъ, Кальвинъ,
Колумбъ, Контъ, Конфуцій, Коперникъ, Кромвель, Кукъ,
Кювье, Лавуазье, Лассаль, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ.
Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ,
Макіавелли, Марксъ, Меттернихъ, Микель-Анджело, Моль-
еръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Моцартъ Наполеонъ I,
Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Пиль (Робертъ)
Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ренанъ, Ротшильдъ и предстawi-
тели капитала, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ,
А. Смитъ, Спиноза, Стенли, Стефенсонъ, Теккерей, Торвальд-
сенъ, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Францискъ Ассизскій,
Фультонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Эдисонъ,
Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аксаковы, Аракчеевъ, Бѣлинскій, Верещагинъ, Глинка,
Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Добролюбовъ,
Зининъ, Каразинъ, Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крам-
ской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Не-
красовъ. Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій,
Пироговъ, Писаревъ, Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ,
Радищевъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ,
Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ
и представители русской сцены, и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается
особая книжка, заключающая въ себѣ около 100 страницъ и
снабженная портретомъ.

Цѣна каждой книжки—20 коп. Все изданіе
будетъ закончено втеченіи двухъ лѣтъ, т. е. до на-
ступленія 1893 года.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Іюня 1890 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Биографическая литература о Свифтѣ	4
Глава I. Введеніе	5
« II. Дѣтство и первые годы возмужалости	10
» III. Варина, Стелла и Венесса	27
» IV. Свифтъ, какъ политич. дѣятель и памфлетистъ	52
» V. Свифтъ, какъ ирландскій патриотъ	77
» VI. Свифтъ, какъ писатель	90
» VII. Послѣдніе годы жизни	103

Русская литература крайне бѣдна по части біографическихъ свѣдѣній о Джонатанѣ Свифтѣ и критической оцѣнки его произведеній. Кромѣ различныхъ руководствъ по исторіи литературы, которыя отводятъ обыкновенно нѣсколько страницъ знаменитому сатирику, я могу указать лишь на слѣдующія статьи:

1) Джеффри, Біографія Свифта (переводъ съ англійскаго), «Библіотека для Чтенія» 1858 г., № 7.

2) А. Веселовскаго: «Дж. Свифтъ, его характеръ и сатира», «Вѣстн. Европы», 1877 г., кн. I.

3) А. Островинской: «Искры Божіи», біографическіе очерки для дѣтей.

4) «Путешествія Гулливера», съ *біографіей* и примѣчаніями Уоллера, изданіе Кушнера.

Затѣмъ имѣется въ переводѣ такая капитальная вещь, какъ: «Развитіе политической и гражданской свободы Англіи въ связи съ развитіемъ литературы», Тэна.

Настоящее жизнеописаніе составлено по слѣдующимъ англійскимъ біографіямъ:

1) «The Life of Jonathan Swift, by Henry Craik. (Крѣкъ воспользовался матеріалами, собранными Форстеромъ для задуманной имъ обширной біографіи Свифта, въ трехъ томахъ, оборвавшейся, къ сожалѣнію, на первомъ томѣ за смертью автора.

2) Swift, by Leslie Stephen (принадлѣжить къ серіи, издаваемой Джономъ Марлеемъ, подъ заглавіемъ: «English Men of Letters»).

3) The leaders of public opinion in Ireland, by Hartpole Lecky.

ГЛАВА I.

В в е д е н і е.

Обычныя сужденія о Свифтѣ. — Портретъ Свифта. — Пылкость и рассудительность. — Надгробная надпись на его могилѣ. — *Saeva indignatio* и *virilis libertas*, какъ основныя черты его характера, дѣятельности, произведеній.

Кто не читалъ, по крайней мѣрѣ въ дни дѣтства и юности, «Путешествій Гулливера» и не сохранилъ о нихъ воспоминаній, какъ о крайне забавной и увеселительной книгѣ, а объ авторѣ ея, Джонатанѣ Свифтѣ, какъ объ остроумномъ рассказчикѣ? Знаемъ мы еще, хотя крайне смутно и неопредѣленно, что Джонатанъ Свифтъ былъ превеликій мизантропъ, человѣконенавистникъ, что онъ загубилъ жизнь двухъ женщинъ, что онъ отличался непостоянствомъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и переходилъ на сторону тѣхъ, кто въ данный моментъ стояли у власти и т. д. Дѣйствительно, вокругъ личности Джонатана Свифта накопилась такая масса всяческихъ вѣроятныхъ и невѣроятныхъ рассказовъ, эпизодовъ, исторій, что англійскіе біографы до сихъ поръ, т. е. спустя почти полтора столѣтія послѣ смерти его, принуждены входить въ детальное разсмотрѣніе и опроверженіе разныхъ сомнительнаго сорта выводовъ, на которые такъ падка всякая ограниченность по отношенію къ истинному величію. Дѣло идетъ собственно не столько о самыхъ фактахъ, сколько о такомъ или иномъ освѣщеніи и сопоставленіи ихъ. Если въ Англій, на родинѣ, жизнь геніальнаго сатирика, его характеръ, внутренніе мотивы его дѣятельности получаютъ разное толкованіе и освѣщеніе, то мы ограничиваемся или полнымъ невѣдѣніемъ, или кое-какими обрывками и принимаемъ съ легкой вѣрой всякіе рассказы о безсердечности, измѣнѣ и т. д. Въ пред-

лагаемой біографіи, конечно, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе и оцѣнку различныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ пользу того или другого мнѣнія. Оставляя все это въ сторонѣ, я обрисую жизнь, характеръ и дѣятельность Джонатана Свифта, какъ они представляются на основаніи позднѣйшихъ англійскихъ работъ, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія. Напомню только, что если великій человѣкъ, будетъ ли это вдохновенный поэтъ, или творецъ новыхъ идей, или безпощадный критикъ отжившаго и борецъ за лучшее будущее, не изъять отъ многихъ людскихъ слабостей и недостатковъ, то не ради этихъ послѣднихъ мы изучаемъ жизнь его. Всѣ они теряются въ безбрежномъ морѣ мыслей и дѣлъ, порождаемыхъ на благо человѣчества истиннымъ гениемъ. А что «золотая середина» съ своимъ пошлымъ мѣриломъ умѣренности и аккуратности не можетъ успокоиться, не измѣривъ въ точности всѣ эти слабости и недостатки, такъ вѣдь иначе и быть не можетъ: ей не подѣ стать безбрежное море и она находитъ болѣе поучительнаго для себя въ грязной лужѣ..

Всмотритесь въ портретъ Свифта въ пору его полного развитія силъ. Необычайная энергія свѣтится въ каждой чертѣ его правильнаго, красиваго лица, энергія нервная, пронизывающая, незнающая ни минуты покоя. Изгибъ губъ, кривизна линий, очерчивающихъ подбородокъ и ноздри, проведены рѣзко, точно высѣчены изъ мрамора; пронизательные голубые глаза, высматривающіе изъ подъ густыхъ бровей, производили въ особенности сильное впечатлѣніе на современниковъ: выраженіе ихъ мнѣнялось какъ бы по произволу и становилось то насмѣшливымъ и мягкимъ, какъ лазурь небесная, то презрительнымъ, негодующимъ, мрачнымъ, какъ туча. Приподнятые кверху углы рта—признакъ тонкаго юмора, живого остроумія; но во всемъ лицѣ нѣтъ и слѣда спокойствія, столь свойственнаго вдохновеннымъ поэтамъ. Все это говоритъ о могучихъ страстяхъ и чувствахъ, двигавшихъ Свифтомъ, но о страстяхъ, сдержанныхъ, укрощенныхъ силою разума и обреченныхъ поэтому искать для себя выхода въ безустанной умственной работѣ и въ безостановочномъ водоворотѣ умственной борьбы.

Среди англичанъ чаще, чѣмъ среди другихъ народовъ, встрѣ-

чаются подобные характеры:—безпредѣльная горячность, пылкость чувства, обуздываемая и сдерживаемая не менѣе могучимъ разумомъ. Поэтому-то произведенія такихъ представителей англо-саксонской расы, какъ Свифтъ, Джонсонъ, Карлейль, носятъ своеобразный, исключительно имъ присущій характеръ, а когда знакомишься съ жизнью этихъ людей, то невольно, несмотря на все неспатичное, часто грубо-эгоистичное, съ чѣмъ встрѣчаешься здѣсь, преклоняешься передъ ихъ энергіею и убѣждаешься воочію, что имѣешь дѣло съ истинными титанами человеческого рода.

На надгробной плитѣ, подъ которой покоится прахъ Свифта, вырѣзана, согласно его собственному желанію, слѣдующая многознаменательная надпись: «*Hic depositum est corpus Jon. Swift et t. d. . . . ubi saeva indignatio ulterius coelacerare nequit. Abi viator et imitare, si poteris strenuum pro virili libertatis vindicem*». Что означаетъ: «Здѣсь покоится тѣло Джоната Свифта и т. д... гдѣ жестокое негодованіе не можетъ уже болѣе терзать сердца. Иди, путникъ, и, если можешь, подражай ревностному поборнику за дѣло мужественной свободы». Даже могила не могла укротить Свифта, и онъ пожелалъ, чтобы изъ мрака ея, какъ вѣчное напоминаніе потомству, слышалась его неумирающая *saeva indignatio* (жестокое негодованіе) по поводу того, что въ мірѣ, покинутомъ имъ теперь на вѣки, нѣтъ *virilis libertas* (мужественная свобода). Этими двумя словами: негодованіе и свобода, Свифтъ самъ опредѣляетъ двѣ главныя точки, около которыхъ вращалась въ дѣйствительности вся его жизнь и вся его дѣятельность. Въ сущности, это даже не двѣ разныя точки, такъ какъ при валичности извѣстныхъ условій онѣ составляютъ одинъ нераздѣльный фокусъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ свободы, тамъ люди сильные и слишкомъ великіе для того, чтобъ склонить свою голову наравнѣ съ массой подъ ярмо рабства, испытываютъ и могутъ испытывать одно только чувство всепоглощающаго негодованія. И наоборотъ, когда негодованіе вырывается бурнымъ потокомъ, не смотря на всѣ преграды, то это значитъ, что достоинство человѣка попрано и свобода его нарушена...

Да, Свифтъ представляетъ собою единственное въ своемъ

родѣ во всей западно-европейской литературѣ воплощеніе «*saeva indignatio*». Какъ это ни странно на первый взглядъ, но жестокое, свирѣпое негодованіе Свифта шло рука объ руку въ его характерѣ съ пылкой чувствительностью; эти два основныя теченія, взаимно сталкиваясь, породили все то таинственное и непонятное въ его жизни, что вызывало и всегда будетъ вызывать особый интересъ къ личности гениальнаго сатирика и памфлетиста. Люди болѣе мелкаго калибра прибѣгаютъ къ разнаго рода компромиссамъ и такъ или иначе устраниваютъ миръ между своею чувствительностью и своимъ негодованіемъ. Но Свифтъ былъ совершенно не способенъ на подобнаго сорта сдѣлки, и *saeva indignatio* прошла, можно сказать, опустошительнымъ вихремъ въ его жизни, сокрушая и уничтожая все на своемъ пути. Она опустошила его личную жизнь, разбила его политическую карьеру, беспощадно осмѣяла политическія дѣла и общественную жизнь горячо любимой имъ Англіи. посягнула на самое челоуѣчество и дерзко пыталась ниспровергнуть его съ пьедестала. Когда, казалось, уже все было разметано и разбросано, тогда она поразила самый организмъ, служившій ей воплощеніемъ, и повергла его въ мучительную и безконечно длившуюся агонію. Та же двойственность его личнаго характера отразилась и на общемъ тонѣ его произведеній: подъ насмѣшливымъ юморомъ, веселымъ смѣхомъ, спокойной, иногда, повидимому, убійственно холодной сатирой, таится самая пылкая страстность, и чѣмъ холоднѣе становятся его разсужденія, тѣмъ сильнѣе даетъ о себѣ знать сдержанная, но благодаря этому лишь удесятирившаяся страсть.

Идея свободы, одушевлявшая Свифта, опредѣляетъ и главное содержаніе его произведеній, получившихъ міровую извѣстность и утвердившихъ за своимъ творцемъ всеобщее признаніе гения; это — беспощадное преслѣдованіе лицемѣрія и насилія во всякихъ его видахъ и образахъ, лицемѣрія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, которое ютится, какъ въ сердцѣ отдѣльнаго челоуѣка, такъ и въ массѣ общественныхъ учрежденій и общественныхъ дѣлъ. Свифтъ принялся за очистку авгіевыхъ конюшенъ и, чѣмъ онъ глубже погружался въ эту работу, тѣмъ отвратительнѣе ему представлялось все это челоуѣчество, утра-

тившее свою первобытную простоту и правдивость и обросшее веpronцаемымъ слоемъ лжи, грязи и мерзости. Такимъ образомъ возникла мизантропія Свифта, и онъ воплотилъ человечество въ презрѣнномъ образѣ *іаху*.

Но обо всемъ этомъ мы узнаемъ въ своемъ мѣстѣ. Вышеприведенными общими замѣчаніями относительно сущности характера Свифта и его произведеній я и ограничусь пока. Я предпосылаю ихъ самой біографіи, такъ какъ считаю цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ такой личностью, какъ Свифтъ, установить предварительно общую точку зрѣнія, которая дала бы возможность разобраться во всѣхъ странностяхъ и противорѣчіяхъ, ассоціированныхъ съ именемъ гениальнаго сатирика.

ГЛАВА II.

Дѣтство и первые годы возмужалости.

Дѣдъ и родная семья Свифта. — Бѣдность. — Невольная поѣздка въ Англію. — Килькенская школа. — Дядя. — Дублинскій университетъ. — Свифтъ вступаетъ въ жизнь. — Вильямъ Темплъ. — Недовольство. — Встрѣча съ Вильгельмомъ III. — Нерѣшительность. — Первые литературные опыты. — Свифтъ становится священникомъ. — Кильрутъ. — Снова у Темпля. — Эссеиръ Джонсонъ. — Смерть Темпля. — «*Витва книгъ*» и «*Сказка о бочкѣ*». — «Рѣшенія».

Джонатанъ Свифтъ происходилъ изъ бѣдной семьи. Его дѣдъ, Томасъ Свифтъ, приходскій священникъ въ Гудричѣ, о которомъ въ особенности любилъ вспоминать Джонатанъ, хотя также не имѣлъ особенныхъ средствъ, но во всякомъ случаѣ жилъ въ достаткѣ, не смотря на свою многочисленную семью. Однако всеобщая смута, постигшая Англію во время гражданскихъ войнъ, не прошла безслѣдно для него. Какъ горячій приверженецъ короля, онъ принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ и оказывалъ содѣйствіе своимъ единомышленникамъ, чѣмъ только могъ. Онъ произносилъ рѣчи ультра-роялистическаго содержанія, зорко слѣдилъ за отрядами войскъ, безпрестанно передвигавшихся съ мѣста на мѣста, увѣдомлялъ своихъ, предупреждая объ угрожавшихъ опасностяхъ, наконецъ жертвовалъ послѣдними своими достатками для поддержанія безнадежнаго дѣла. Вообще онъ проявлялъ большую энергію и дѣятельность. Простой деревенскій народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на своего викарія. Нѣсколько разъ все его достояніе подвергалось, повидимому, полному разграбленію и расхищенію, и однако изъ невѣдомыхъ нѣдръ его обширнаго съ массой всякихъ чулановъ и кладовыхъ дома извлекались все новые запасы. Народъ считалъ его просто колдуномъ.

Однажды, рассказывалъ Свифтъ, его дѣду случилось быть въ городѣ, державшемъ сторону короля; правитель города,

къ которому онъ явился, просилъ его пожертвовать что-либо на пользу общаго дѣла. Викарій снялъ свое верхнее платье и отдалъ его. «Ваше платье—слишкомъ ничтожное пожертвованіе», отвѣтилъ тотъ.—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ викарій, возьмите мою жилетку»... Въ ней оказались зашитыми триста старинныхъ золотыхъ монетъ,—пожертвованіе не маленькое для бѣднаго и притомъ еще вконецъ разореннаго приходскаго священника. Онъ же былъ виновникомъ, какъ утверждала молва, гибели 200 конныхъ мятежниковъ, переправлявшихся черезъ рѣчку и насадившихъ своихъ коней на острые гвозди какой то машины, придуманной викаріемъ и скрытой имъ на днѣ рѣчки. Все это не прошло, конечно, для него безнаказанно. Мѣстный временный комитетъ призналъ его не только безпокойнымъ и подозрительнымъ человѣкомъ, но даже опаснымъ злоумышленникомъ; поэтому онъ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, а его ферма и все его имущество секвестрованы. Съ окончаніемъ междоусобицъ викарій получилъ свободу и снова принялся за возстановленіе своего разореннаго пепелища, но онъ не дожилъ до реставраціи, которая конечно вознаградила бы его щедро за всѣ понесенныя жертвы. Такимъ образомъ Томасъ Свифтъ не оставилъ почти ничего въ наслѣдіе своей многочисленной семьѣ, и члены ея предоставлены были всецѣло собственнымъ своимъ усиліямъ.

Отецъ Свифта по имени также Джонатанъ, шестой или седьмой сынъ знаменитаго викарія, послѣ смерти отца отправился въ Ирландію, гдѣ его старшій братъ Годвинъ успѣлъ уже нажить себѣ порядочное состояніе. Джонатану было тогда всего только 18 лѣтъ; онъ существовалъ разными частными и случайными занятіями, которыя доставлялъ ему братъ. Несмотря на это, онъ вскорѣ женился на Эбигелѣ Прикъ, происходившей изъ старинной Лейчестерской семьи. Затѣмъ получилъ мѣсто управляющаго королевскими отелями въ Дублинѣ, что обезпечивало хотя и небольшія, но вѣрныя средства существованія. При поддержкѣ богатаго и пользовавшагося хорошимъ положеніемъ въ городѣ брата, Джонатанъ разсчитывалъ также современемъ сдѣлать карьеру, однако этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Онъ умеръ, оста-

вивъ женѣ своей съ маленькой дочерью и беременной притомъ вторымъ ребенкомъ самыя ничтожныя средства существованія. Джонатанъ Свифтъ, будущій великій сатирикъ, не зналъ, такимъ образомъ, вовсе своего отца. Онъ родился 30 ноября 1667 года, спустя семь мѣсяцевъ послѣ смерти отца.

Такимъ образомъ Свифтъ увидѣлъ свѣтъ Божій при крайне печальныхъ обстоятельствахъ. Злѣйшій врагъ всей его жизни, которому онъ объявить въ будущемъ жестокою войну, зависимость встрѣтила его на самомъ порогѣ жизни: мать не могла существовать своимъ средствами и ей помогаль Годвинъ.

Вообще, семейныя традиція, играющія немалое значеніе въ умственномъ и нравственномъ развитіи каждаго человѣка, представляли для Свифта мало утѣшительнаго. Одна только фигура энергичнаго дѣда, имѣвшаго, несомнѣнно, кое-что общее съ своимъ внукомъ, рѣзко выдѣлялась изъ сѣрой заурядной жизни, посвященной заботамъ о добываніи средствъ къ существованію и мелкимъ житейскимъ дѣлишкамъ. А непосредственная дѣйствительность была и того хуже. Свифтъ лишился слишкомъ рано также ухода и ласкъ своей матери, женщины доброй, веселой и не безъ нѣкотораго остроумія. Ему былъ всего лишь годъ отъ роду, какъ его самовольнымъ образомъ увезла кормилица къ себѣ на родину, въ Англію. Сдѣлала она это, правда, безъ всякаго злого умысла; напротивъ, она такъ привязалась къ ребенку, что не могла разстаться съ нимъ и потому рѣшилась, когда личныя дѣла потребовали ея присутствія въ Англіи, увезти тайкомъ своего вскормленка. Онъ пробылъ у нея цѣлыхъ три года, такъ какъ мать, отчасти по собственному нездоровью, а отчасти опасаясь за сына, не рѣшалась совершить съ нимъ обратное путешествіе черезъ каналъ и оставила его на рукахъ кормилицы, пока онъ не окрѣпъ. Здѣсь же Свифтъ пріобрѣлъ и первыя познанія въ грамотѣ: когда мать взяла его обратно къ себѣ, то онъ могъ уже читать по складамъ евангеліе.

Возвратившись въ Ирландію, Свифтъ не долго жилъ съ матерью: шести лѣтъ онъ былъ отданъ дядею Годвиномъ въ Килькенскую школу, одну изъ лучшихъ въ то время въ округѣ. Съ этого же момента для Свифта перестаетъ собствен-

но существовать его родная семья, и онъ растеть какъ круглый сирота. Оторванный отъ матери, къ которой онъ питаль глубокую привязанность въ теченіе всей своей жизни, Свифтъ терзался и мучился здѣсь, затаивъ въ своемъ сердцѣ злобу и ненависть къ дядѣ, руководившему теперь его воспитаніемъ. Онъ зналъ, что дядя располагаетъ большимъ состояніемъ, но считаль его жаднымъ и думаль, что онъ неохотно, въ силу лишь необходимости, какъ ближайшій родственникъ, поддерживаль его. Вспоминая о своей школьной жизни, онъ, между прочимъ, говоритъ: «однажды, занимаясь ловлею рыбы, я замѣтилъ, что за крючекъ удочки дергаетъ большая рыба; я сталъ ее тащить и почти уже совсѣмъ было вытащилъ на берегъ, какъ она сорвалась и исчезла въ водѣ; досада мучить меня до сихъ поръ, и я вѣрю, что это было предназначеніе всѣхъ моихъ будущихъ разочарованій»... Несомнѣнно, грядущее, со всею его борьбою, терзаніямъ, разочарованіями и неудачами, лежало уже въ зародышѣ въ сердцѣ озлобленнаго школьника Килькенскаго училища и начинало уже проявлять первые признаки жизни. Четырнадцать лѣтъ Свифтъ поступилъ въ Тринити-колледжъ въ Дублинѣ. Онъ былъ далеко не изъ выдающихся учениковъ. Къ нѣкоторымъ наукамъ, какъ напримѣръ къ метафизикѣ, логикѣ, схоластической конечно въ то время, онъ питаль положительное отвращеніе, отвращеніе весьма характерное для Свифта. Эта складка его мышленія сказалась впоследствии во всѣхъ его работахъ. За то онъ изучаль довольно прилежно классиковъ и прибрѣль въ этомъ отношеніи значительныя познанія. На послѣднемъ курсовомъ испытаніи онъ получилъ, между прочимъ, слѣдующія отмѣтки: изъ физики—скверно, изъ латыни и греческаго—хорошо, за сочиненіе—небрежно. Такія отмѣтки не давали права держать дальнѣйшій экзаменъ на бакалавра, который состоялъ въ схоластическомъ диспутѣ, и Свифту предстояло потерять еще одинъ годъ; но въ то время практиковался обычай допускать въ подобныхъ случаяхъ къ диспуту *specialis gratia*, какъ выражались тогда, т. е. въ видѣ особой милости. Это злополучное *specialis gratia* послужило впоследствии поводомъ для біографовъ обвинять Свифта въ томъ, что онъ

получилъ самую степень бакалавра изъ милости. Однако, въ дѣйствительности, какъ мы видимъ, это было не такъ. Вообще усиленнымъ занятіямъ Свифта въ университетѣ сильно мѣшала полная необезпеченность и тягостное настроеніе, вызываемое мыслями о вѣчной зависимости. Давалъ ли дядя поводъ къ подобнымъ мыслямъ или онѣ возникали просто изъ самолюбія и гордости Свифта, во всякомъ случаѣ ему пришлось считаться съ ними и онъ терзался. Въ пылу негодованія онъ говорилъ, что дядя далъ ему собачье воспитаніе; между тѣмъ какъ къ другимъ родственникамъ онъ относился тепло и сердечно. Надо думать, что были же какія нибудь вышнія обстоятельства, послужившія причиною такого озлобленія. Лишенный тепла, благотворнаго вліянія родной семьи и вполне предоставленный своимъ собственнымъ терзаніямъ, Свифтъ уже здѣсь, въ колледжѣ, позналъ всю цѣну независимости и матеріальной обезпеченности, какъ необходимаго условія первой. Мысль добиться независимаго существованія прочно залегла въ душу юноши и служила рѣшающимъ мотивомъ во многихъ важныхъ случаяхъ дальнѣйшей его жизни. Свифтъ никогда не былъ скупцомъ и скрягой; напротивъ, цѣлой вереницей проходятъ люди, родственники и неродственники, которымъ онъ оказывалъ матеріальную поддержку; но онъ слишкомъ хорошо зналъ цѣну деньгамъ и потому отличался замѣчательною бережливостью и аккуратностью въ своихъ расходахъ.

Однажды, еще въ бытность въ колледжѣ, когда Свифтъ находился въ особенно угнетенномъ настроеніи, такъ какъ даже ненавистный дядя Годвинъ не могъ уже болѣе его поддерживать (онъ разорился, благодаря разнымъ спекуляціямъ), и съ отчаяніемъ думалъ о своемъ будущемъ, онъ замѣтилъ изъ окна какого-то матроса, очевидно иностранца, ходившаго взадъ и впередъ по двору и разыскивавшего кого-то. «А что, если это посланецъ отъ моего двоюроднаго брата Уилауби, подумалъ онъ, и шлетъ меня, чтобы передать подарокъ отъ него»... Предчувствіе не обмануло: мечта оказалась дѣйствительностью. Морякъ вошелъ въ его комнату и подаль ему кошелекъ, плотно набитый деньгами, говоря, что это—подарокъ отъ двоюроднаго брата Уилауби, занимавшагося тогда тор-

говлею въ Лиссабонѣ. Радости Свифта не было предѣла; онъ горячо благодарилъ посланца и предложилъ ему часть денегъ въ вознагражденіе за трудъ, тотъ отказался. Свифтъ поторопился спрятать столь цѣнный для него подарокъ. Это была первая значительная сумма, попавшая въ его руки, но онъ уже зналъ цѣну деньгамъ и проявилъ, не смотря на свои молодые годы, ту расчетливость, которую часто смѣшиваютъ со скупостью. Въ теченіе долгаго времени незабвенный кошелекъ выручалъ его изъ затруднительныхъ случаевъ.

Получивъ степень бакалавра, Свифтъ ревностно принялся за систематическое чтеніе, продолжалъ заниматься классиками и началъ изучать новѣйшую французскую литературу. Онъ готовился къ магистерскому экзамену. Однако вскорѣ ему пришлось измѣнить свои намѣренія. Лишенный всякой поддержки, онъ не могъ долѣе оставаться въ университетѣ. Приходилось уже заботиться не о наукѣ, а о необходимыхъ средствахъ существованія. Подарокъ Уплауби пришелся весьма кстати. Свифтъ рѣшилъ, что это будетъ послѣднее одолженіе, которое онъ принимаетъ отъ родныхъ, и что съ этого момента онъ долженъ стать на собственные ноги и завоевать себѣ положеніе, соотвѣтствующее его непомерному самолюбію. Страстное стремленіе къ независимости воодушевляло его, а могучія силы, таившіяся въ немъ, служили достаточною гарантіею того, что онъ добьется своего; однако для успѣшной борьбы необходима еще извѣстная выдержанность, извѣстная дисциплина, регулирующая и неуклонно направляющая силы человѣка къ одной намѣченной цѣли, и такой-то дисциплины совершенно не доставало Свифту. Но вѣдь она и пріобрѣтается людьми безстрашными и надѣленными пылкимъ темпераментомъ лишь изъ самой жизни и путемъ непосредственной жизни. Медлить было некогда, и Свифтъ вступилъ въ жизнь, чтобы познать всѣ трудности ея и вынести все бремя тяжести, налагаемое демоническимъ гениемъ гнѣва и отрицанія, юношей двадцати одного года. Гений подобнаго рода проявляется обыкновенно въ болѣе зрѣломъ возрастѣ; поэтому на первыхъ порахъ въ жизни Свифта мы замѣчаемъ лишь безпокойное непостоянство, непосѣдливость, рѣзкость и грубость, насмѣшливость и колкость,

гордость и презрительное отношеніе ко всему, что причиняло ему страданія, и одно только ясно сознательное стремленіе — завоевать себѣ, во что бы то ни стало, независимость.

Выходъ Свифта изъ университета совпалъ съ крайне тревожными событіями, главной ареной которыхъ была Ирландія. Іаковъ II бѣжалъ изъ Англіи и искалъ опоры въ преданныхъ ему католикахъ. Ирландцы откликнулись на призывъ своего короля. Снова возгорѣлась междоусобица. Англичанамъ пришлось покинуть свои насиженные мѣста и искать спасенія въ бѣгствѣ. При такихъ условіяхъ Свифту въ Ирландіи также не начто было рассчитывать и онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Прибравъ въ Англію, онъ направился первымъ дѣломъ къ своей матери, жившей въ Лейчестерѣ. Отношенія его къ матери были всегда самыя теплыя и сердечныя; въ послѣдующіе годы своей жизни онъ часто навѣщалъ ее, совершая иногда пѣшкомъ свои путешествія. Но что ему было дѣлать теперь въ Лейчестерѣ? Мать не имѣла никакого положенія, проживая на свои несчастные 20 фунт. (200 р.). Развѣ заниматься любовными интригами? И самъ Свифтъ признается, что онъ повиненъ въ подобныхъ забавахъ, — флиртешахъ, какъ называютъ ихъ въ Англіи, — но что онъ никогда не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ. Еще въ университетѣ, не выходя далѣе полумили отъ воротъ, онъ научился обуздывать свои матримоніальныя стремленія, въ чемъ ему много способствовалъ «холодный темпераментъ». «Одно весьма почтенное лицо въ Ирландіи, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое снизошло до того, чтобъ заглянуть въ мою душу, часто говаривало мнѣ, что моя душа подобна заколдованному духу, который надѣлаетъ бѣдъ, если я не найду ему выхода»... И вотъ онъ, чтобы дать хоть какой нибудь исходъ своимъ беспокойнымъ силамъ, позволялъ себѣ заниматься флиртешами.. Впрочемъ мать его опасалась одно время, чтобъ онъ не увлекся нѣкоей Бетти Джонесъ; но эта послѣдняя избѣжала опасности стать женой геніальнаго человека, вышедши замужъ за содержателя постоялаго двора. Много времени спустя она обращалась за помощью къ Свифту и онъ охотно «пожертвовалъ ей 5 фунтовъ» ради стариннаго знакомства. Такая жизнь не могла однако увлечь Свифта; кромѣ

того приходилось подыскивать себѣ какую нибудь работу. Какъ ни трудно было для такой гордыни, какъ онъ, дѣлать первый шагъ и начинать именно съ той зависимости, которая для него была уже теперь такъ ненавистна, но «судьба» не церемонилась съ нимъ и, въ видѣ перваго испытанія, свела его съ утонченнымъ дипломатомъ-аристократомъ, поставила въ положеніе слуги у отдаленнаго родственника, смотрѣвшаго съ высоты великосвѣтскаго человѣка на грубаго и рѣзкаго студента. Это былъ Вильямъ Темплъ. При Стюартахъ онъ занималъ видное положеніе въ государственной іерархіи, принималъ непосредственное участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ, велъ дипломатическіе переговоры и т. д. Въ эпоху изступленной партійной вражды и дикихъ религіозныхъ преслѣдованій, онъ сохранялъ спокойствіе и хладнокровіе; онъ не былъ вовсе энтузіастомъ въ какомъ бы то нибыло смыслѣ, хотя имѣлъ опредѣленные политическіе взгляды, которые и проводилъ въ своей дѣятельности, но ради которыхъ не согласился бы пожертвовать чѣмъ либо существеннымъ. Среди развращеннаго, предавнаго всякимъ порокамъ и преслѣдующаго самыя низменныя цѣли придворнаго круга того времени, это была, несомнѣнно, свѣтлая, выдающаяся личность. Уже одно то, что онъ былъ честенъ и благоразуменъ, когда всѣ вообще, даже самъ король (Іаковъ II) не гнушались подкупами и ради сегодняшняго дня совершенно забывали о завтрашнемъ, одно уже это въ своемъ родѣ заслуга; кромѣ того, онъ, несомнѣнно, получилъ хорошее образованіе, много читалъ, интересовался литературой. У него былъ ви́шній блескъ и показное величіе, но не было глубокаго сэрдца и сильной мысли и въ этомъ отношеніи онъ представлялъ прямую противоположность Свифту.

Мать Свифта обратилась къ Темплю, какъ къ своему отдаленному родственнику (по женѣ), съ просьбой принять участіе въ судьбѣ ея сына и устроить его. Въ это время онъ уже покинулъ государственную и дипломатическую дѣятельность и проживалъ въ своемъ помѣстьѣ Муръ-Паркъ. Здѣсь его часто навѣщалъ Вильгельмъ и совѣтовался съ нимъ, какъ съ опытнымъ политикомъ. Такимъ образомъ Темплъ продолжалъ занимать слишкомъ видное положеніе. Онъ отозвался на просьбу

и пригласилъ Свифта къ себѣ. По мнѣнію придворнаго вельможи, бѣдный родственникъ долженъ былъ удовлетвориться ролью довѣреннаго слуги при немъ. Дѣйствительно, положеніе Свифта на первыхъ порахъ было крайне незавидное и даже униженное. Онъ читалъ своему патрону, писалъ для него, велъ счетныя книги и вообще исполнялъ всякія обязанности старшаго камердинера. Впослѣдствіи Свифтъ неохотно вспоминалъ объ этомъ своемъ первомъ пребываніи въ Муръ-Паркѣ. «Неестественный» студентъ-юноша съ громаднымъ самолюбіемъ и горделивыми мечтаніями не могъ, конечно, примириться съ положеніемъ слуги. Вѣроятно же всего, онъ мавкировалъ своими обязанностями, неумѣло исполнялъ ихъ, былъ грубъ. Недовольство росло съ обѣихъ сторонъ. Открытый разрывъ становился неизбежнымъ, но врядъ ли онъ былъ желателенъ, какъ для патрона, такъ и для покровительствуемаго имъ родственника. На выручку явился случай: у Свифта обнаружились припадки головокруженія и глухоты, отъ которыхъ онъ страдалъ впослѣдствіи всю жизнь, и врачъ посоветовалъ ему отправиться полечиться на родину. Благодаря этому обстоятельству, отъѣздъ Свифта не только не сопровождался раздоромъ, но Темплъ даже снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ секретарю вице-короля Ирландіи. На родинѣ устроиться ему однако не удалось. Онъ вскорѣ возвратился снова въ Англію, побывалъ у матери и, въ концѣ концовъ, мы находимъ его опять въ Муръ-Паркѣ. И Темплъ, и Свифтъ успѣли за это время болѣе безпристрастно оцѣнить другъ друга. Первый былъ настолько проникателенъ, что не могъ не замѣтить способностей, таившихся еще въ скрытомъ состояніи въ этомъ грубомъ и неопытномъ юношѣ, а второй, въ свою очередь, убѣдился на опытѣ, что общество выдающагося государственнаго дѣятеля—далеко не послѣдняя вещь и что вообще не такъ то легко устроиться и найти соотвѣтствующее своимъ вкусамъ занятіе. На этотъ разъ, однако, положеніе Свифта въ домѣ Темпля было уже совершенно иное. Прежде всего Темплъ оказалъ ему поддержку въ полученіи степени магистра въ Оксфордскомъ университетѣ. Затѣмъ, какъ онъ самъ выражается въ своемъ письмѣ, Темплъ сталъ довѣрять ему дѣла большой

важности. Къ этому же времени относятся встрѣчи и разговоры его съ Вильгельмомъ III, котораго онъ сопровождалъ во время его прогулокъ по саду въ Муръ-Паркъ. Не смотря на такую близость къ королю, Свифтъ все еще не можетъ устроиться сколько нибудь опредѣленнымъ образомъ. Онъ подозрѣвалъ даже, что Темплъ съ умысломъ тормозилъ это дѣло, такъ какъ самъ нуждался теперь въ немъ и боялся, чтобы онъ не оставилъ его. Правда, Вильгельмъ предлагалъ Свифту поступить къ нему въ драгуны, но послѣдній, конечно, не могъ отнестись серьезно къ такому предложенію. Но сознавалъ ли въ это время самъ Свифтъ, чего онъ собственно хочетъ? По-видимому, нѣтъ. Стремленіе къ независимому положенію говорило въ немъ сильно, но нужно было, наконецъ, избрать опредѣленную дорогу. Жизнь у Темпля привела его въ соприкосновеніе съ широкой ареной общественной дѣятельности; предъ нимъ открывались очень заманчивыя перспективы; самолюбіе подталкивало его, а сознаніе собственныхъ силъ поддерживало. Тутъ проходили передъ нимъ люди, руководившіе самымъ ходомъ исторіи въ Европѣ, онъ свободно могъ наблюдать ихъ, изучать ихъ характеры и манеры, убѣждаться въ ихъ дѣйствительныхъ способностяхъ. Все это давало богатѣйшій запасъ знаній, которыя пріобрѣсти такъ трудно и которыми онъ воспользовался впоследствии такъ искусно. Здѣсь же развернулся предъ нимъ во всей своей наготѣ поразительный контрастъ, существующій нерѣдко между внутреннимъ ничтожествомъ человѣка и громадными силами, находящимися въ его распоряженіи, контрастъ, давшій обильную пищу ѣдкой насмѣшкѣ. Всматриваясь во все это, Свифтъ, очевидно, переживалъ критическую эпоху въ своемъ развитіи и оставался въ нерѣшительности. Съ одной стороны его вниманіе сильно привлекала политическая дѣятельность. Положимъ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ узости и педантической мелочности политическихъ программъ, къ интригамъ, связаннымъ неизбежно съ политической дѣятельностью, къ отрицанію индивидуальной самостоятельности и независимости; за то власть, вліяніе, положеніе на виду всѣхъ, сильно возбуждали его и онъ готовъ былъ ринуться въ борьбу. Съ другой стороны, его уже

давно привлекала литературная дѣятельность, и онъ мечталъ выдвинуться именно на этомъ поприщѣ. Онъ «писалъ и сжигалъ и снова писалъ по всевозможнымъ вопросамъ, писалъ быть можетъ болѣе, чѣмъ кто либо другой въ Англіи». Но вопросъ, на что положить свои силы, все оставался не рѣшеннымъ окончательно. Мысли и намѣренія Свифта еще, какъ говорится, не перебрадили, и онъ хватался то за одно, то за другое.

Такъ въ 1693 году ему представился случай попытать себя на политическомъ поприщѣ и онъ воспользовался имъ. Въ это время шла усиленная агитація въ пользу установленія трехгодичныхъ сроковъ для парламентскихъ полномочій и былъ внесенъ соотвѣтствующій билль. Вильгельмъ, плохо знакомый съ англійской исторіей, колебался дать свое согласіе и хотѣлъ наложить на него veto: онъ думалъ, что подобнаго же рода билль привелъ къ гибели Карла I. Шумная агитація беспокоила его. Онъ обратился за совѣтомъ къ Темплю и послалъ къ нему своего министра лордъ Портланда; но послѣдній также не понималъ собственно ни дѣйствительнаго смысла англійской революціи, превратившей всякія королевскія veto въ анахронизмъ, ни въ частности значенія внесеннаго билля. Черезъ такого посредника Темплю трудно было давать свои совѣты и рассчитывать на то, что они окажутъ должное воздѣйствіе на короля; самъ онъ по нездоровью не могъ отправиться въ Лондонъ; а между тѣмъ онъ понималъ всю серьезность положенія и опасался крайне непріятныхъ послѣдствій для короля, въ случаѣ, если тотъ дѣйствительно откажется утвердить билль. Поэтому онъ рѣшился отправить къ королю Свифта и поручилъ ему выяснить настоящее положеніе вещей и убѣдить короля не противодѣйствовать биллю. Порученіе, какъ видимъ, было крайне серьезное; кромѣ того, оно ставило Свифта лицомъ къ лицу съ королемъ. Теперь онъ уже являлся не въ положеніи довѣреннаго слуги, сопровождавшаго высокаго гостя во время его прогулокъ, а довѣреннаго совѣтника по вопросу государственной важности. Это былъ первый шагъ Свифта на аренѣ политической дѣятельности. Ему было тогда 25—26 лѣтъ. Рассказывая объ этомъ эпизодѣ, онъ говоритъ, что хорошо зналъ англійскую исторію и дѣйствительный харак-

теръ англійскихъ учрежденій. Съ юношеской увѣренностью онъ полагалъ тогда, что все дѣло зависитъ отъ знанія и правильнаго пониманія. Однако первый опытъ привелъ къ глубокому разочарованію. Миссія окончилась неудачей: король не внялъ его представленіямъ; къ счастью билль былъ отложенъ на время. Это первое столкновеніе съ придворной жизнью помогло ему, какъ онъ самъ говоритъ, излечиться отъ тщеславія.

Но части литературы первые опыты Свифта были также неудачны; его гений еще не обрѣлъ своего настоящаго пути, онъ еще дремалъ. Его пиндарическія оды, посвященныя архіепископу Санкрафту, Темплю, Вильгельму III, имѣютъ теперь лишь біографическій интересъ, да и въ свое время не пользовались ни малѣйшей извѣстностью. Драйденъ, литературный диктаторъ того времени и родственникъ Свифта, по поводу ихъ сказалъ, между прочимъ: «Кузенъ Свифтъ, вы никогда не будете поэтомъ». Слова эти имѣли пророческій смыслъ, тѣмъ не менѣе они сильно задѣли Свифта и онъ никогда не забывалъ жестокой обиды, нанесенной ему Драйденомъ. Какъ бы ни были несовершенны эти первыя юношескія произведенія, однако и въ нихъ уже то тамъ, то здѣсь прорываются характерныя особенности Свифтова характера: слышится гложущая тоска по независимости, какое-то недовольство собою и окружающимъ, пробивается злая насмѣшка, гнѣвный упрекъ и т. д. Любопытно отмѣтить, что въ самомъ раннемъ изъ нихъ, одѣ къ архіеп. Санкрафту, находимъ уже нѣкоторыя мысли относительно церкви и ея привилегій, мысли, служившія точкой отправленія во всей политической дѣятельности Свифта и объясняющія его переходъ отъ вигговъ къ тори.

Время шло, а положеніе Свифта оставалось все то же. Онъ продолжалъ жить въ Муръ Паркѣ. Конечно, теперь Темплъ относился къ нему совершенно иначе, теперь онъ былъ близкимъ человѣкомъ для стараго дипломата, начинавшаго, повидимому, прозрѣвать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; но тѣмъ не менѣе Свифту жилось тягостно: онъ жаждалъ независимаго положенія и широкаго поприща для приложенія бродившихъ въ немъ силъ, а долженъ былъ мряться съ зависимою и уединенною жизнью при человѣкѣ, который совершилъ уже свое

«все земное» и стоялъ у преддверія смерти. Свифтъ настойчиво просилъ Темпля доставить ему мѣсто, но тотъ медлилъ. Его вниманіе потому все чаще и чаще стало обращаться къ церкви: къ ней влекло и образованіе, полученное имъ, и родственныя связи, и внѣшнія обстоятельства, и, быть можетъ, даже внутренняя склонность. Однако, Свифтъ не дѣлалъ рѣшительнаго шага: онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что священническій санъ заставляютъ его принять обстоятельства, а не свободное влеченіе; и онъ ждалъ другихъ возможностей, чтобъ тогда уже на свободѣ сдѣлать выборъ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ уже былъ, несомнѣнно, предпринятъ имъ, и когда Темпль предложилъ ему занять незначительное мѣсто съ содержаніемъ въ 120 фун. въ годъ при Дублинскихъ архивахъ, онъ отказался и отправился въ Ирландію, чтобъ принять тамъ священническій санъ. Разстался Свифтъ съ своимъ патрономъ не особенно дружелюбно: онъ могъ сдѣлать для него много и не сдѣлалъ почти ничего. А между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что пришлось снова обращаться къ нему: для посвященія необходимо было представить удостовѣреніе въ добропорядочномъ поведеніи за все время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Дублинскій университетъ. Самолюбіе Свифта страдало; пришлось однако писать письмо въ весьма скромномъ, просительномъ тонѣ Темпль выслалъ немедленно необходимое удостовѣреніе. Свифтъ принялъ священническій санъ въ 1695 г. и получилъ мѣсто въ Киллрутѣ съ содержаніемъ около 100 фунт. въ годъ.

Положеніе англиканской церкви въ Ирландіи было въ то время крайне незавидно. Она не успѣла еще оправиться отъ разоренія, причиненнаго ей еще столь недавними смутами и междоусобицами. Ей пришлось выдержать двойной натискъ и вести борьбу на два фронта. Съ одной стороны, непримиримые «круглоголовые», которые, когда въ ихъ рукахъ очутилась власть, отнесли жестоко и свирѣпо къ послѣдователямъ епископальной церкви, памятуя вынесенныя ими преслѣдованія отъ послѣдней, а съ другой, — преобладающая масса католическаго населенія со своимъ духовенствомъ, вымещавшая при всякомъ удобномъ случаѣ всѣ перенесенныя ею гоне-

нія и лишенія, какъ, напримѣръ, это было во время Іакова II, открыто ставшаго на сторону католицизма. Въ силу этихъ обстоятельствъ англиканская церковь въ Ирландіи, съ замиреніемъ внутреннихъ смуть и вступленіемъ на престолъ Вильгельма III, представляла картину полного разоренія. Многія имущества, принадлежавшія ей, попали въ руки мірянъ; духовенство обнищало и многіе изъ священниковъ страшно бѣдствовалл; масса мѣстъ оставались вакантными; конгрегаціи разсѣялись; бѣдные и безпомощные, бывшіе на попеченіи приходовъ, не имѣли пристанища. Билли, предложенные въ интересахъ поддержанія церкви и содѣйствія ея дальнѣйшему преуспѣянію, были отклонены. Принявъ священнической санъ, Свифтъ разъ навсегда рѣшилъ отстаивать достоинство и привилегіи англиканской церкви и въ этомъ отношеніи вся дѣятельность его, по крайней мѣрѣ, практическаго характера представляется вполнѣ послѣдовательною и строго выдержанною. Я говорю именно практическаго характера, такъ какъ знаменитая «Сказка о бочкѣ» является вопіющимъ противорѣчіемъ въ устахъ даже англиканскаго священника.

Бильруть представлялъ отдаленный и глухой приходъ. Всякія попытки Свифта взглянуть пошире на свое дѣло разбивались объ общій индифферентизмъ. Тяжело ему было, конечно, мириться съ подобнымъ незавиднымъ существованіемъ послѣ того, какъ онъ соприкасался такъ близко съ политической сферой, гдѣ рѣшались судьбы всего народа, и послѣ того, какъ онъ привыкъ уже лелѣять въ глубинѣ сердца широкія мечты о будущей дѣятельности. А тутъ ему оставалось лишь сидѣть на берегу моря да бросать въ воду камни въ насмѣшку надъ своими прихожанами и въ назиданіе имъ. Узость и партійность пресвитеріанцевъ, многочисленныхъ въ его приходѣ, глупость и ограниченность мѣстнаго дворянства, — все это видѣлъ Свифтъ, всѣмъ этимъ онъ воспользовался вполнѣ, но все это было для него отвратительно теперь. Здѣсь же, на первыхъ же порахъ своего независимаго положенія, онъ могъ убѣдиться, какъ мало соотвѣтствуетъ его наклонностямъ спокойная, отрѣшенная отъ житейскихъ злобъ дѣятельность приходскаго священника. Правда, встрѣча съ миссъ Уорингъ, се-

строй одного изъ товарищей по университету, нѣсколько разсѣяла однообразіе и скуку его жизни; но объ этомъ эпизодѣ я расскажу въ слѣдующей главѣ; а пока для насъ достаточно знать, что, написавъ любовное письмо къ миссъ Уорпигъ и получивъ на него уклончивый отвѣтъ, онъ покинулъ Кильрутъ и отправился снова въ Муръ-Паркъ, куда его звалъ Темплъ и куда, не смотря на всякія непріятныя воспоминанія, его тянуло самого. На этотъ разъ, дипломатъ-аристократъ, доживавшій уже свои послѣдніе годы, принялъ Свифта, какъ гостя; взаимное раздраженіе, столкновенія, недовольство и т. д. — обо всемъ этомъ мы уже не слышимъ ничего. Очевидно, эти два, столь различные, даже противоположные человѣка научились цѣнить другъ друга. Въ тиши Муръ-Парка, на полной свободѣ, Свифтъ снова принялся за усиленное чтеніе; онъ проводилъ за книгой по 16 часовъ въ сутки. Любопытно однако, что среди разнообразнаго содержанія его чтенія мы не встрѣчаемъ почти вовсе книгъ по теологическимъ и философскимъ вопросамъ; больше всего онъ читалъ по исторіи, и въ этомъ отношеніи библіотека Темпля представляла для него богатый выборъ. За напряженными занятіями наступала обыкновенно реакція; физическія силы требовали также отдыха и находили его въ далекихъ прогулкахъ, путешествіяхъ пѣшкомъ, однимъ словомъ въ усиленной ходьбѣ. Въ ходьбѣ Свифтъ какъ бы изнашивалъ ту энергію, которая бурлила внутри его и причиняла ему не мало страданій.

Такъ прожилъ Свифтъ въ Муръ-Паркѣ нѣсколько лѣтъ. Изъ лицъ, близкихъ къ Темплю и жившихъ въ то время вмѣстѣ съ нимъ, слѣдуетъ упомянуть сестру его, игравшую роль хозяйки въ домѣ, и Джонсонъ, вдову слуги, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Темпля, съ двумя дочерьми, изъ коихъ одна, Эсэиръ, будущая Стелла, вступала теперь какъ разъ въ свой дѣвчій возрастъ.

Въ 1679 году Вильямъ Темплъ умеръ; въ оставленномъ имъ завѣщаніи, онъ поручалъ между прочимъ Свифту издать его произведенія и назначилъ на это нѣкоторую сумму. Такимъ образомъ, Свифту снова предстояло вступить въ жизнь и прокладывать себѣ дорогу, теперь даже безъ надежды на чью

нибудь помощь и содѣйствіе. Ходатайства его патрона передъ королемъ окончились ничѣмъ. Свифтъ съ горечью вспоминалъ въ послѣдствіи, что Темплъ не сдѣлалъ для него ничего. Но ему было тогда уже 32 года, онъ написалъ уже свою пзвѣстную «*Битву книгъ*» (по поводу спора о преимуществахъ классиковъ сравнительно съ новѣйшими писателями) и свою знаменитую, пользующуюся неувядаемую славсю до сихъ поръ «*Сказку о бочкѣ*»; онъ уже осязалъ реально тавшіяся въ немъ силы, и ему нечего было страшиться будущаго. Правда, его съѣдало честолюбіе, а жизнь и дѣятельность все еще не давали пищи этому честолюбію; однако онъ имѣлъ полное основаніе рассчитывать, что широкая арена раскроется передъ нимъ и что онъ возьметъ отъ жизни все, принадлежащее ему по праву умственнаго превосходства и дарованія. Къ этому времени относятся крайне любопытныя рѣшенія, записанныя Свифтомъ и принятія имъ въ руководство для своей послѣдующей жизни. Именно: не жениться на молодой женщинѣ, не водиться съ молодежью, исключая тѣхъ случаевъ, когда она сама того желаетъ, не повторять всякихъ слуховъ и пустыхъ разсказовъ, не слушать болтливыхъ и плутоватыхъ слугъ, не быть особенно щедрымъ на совѣты всякаго рода, не хвалиться своей красотой и благосклонностью женщинѣ, искать хорошихъ друзей, которые указывали бы ему на всякое уклоненіе отъ этихъ правилъ и помогали бы ему слѣдовать имъ, не стоять за немедленное осуществленіе всѣхъ правилъ, изъ опасенія, что въ такомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не будетъ осуществлено. Но слѣдующее рѣшеніе поражаетъ и приводитъ въ недоумѣніе всякаго: не любить дѣтей и не подпускать ихъ близко къ себѣ. Неужели Свифтъ былъ такъ сухъ и черствъ, что не испытывалъ никакой потребности въ самомъ чистомъ, въ самомъ свѣтломъ чувствѣ? Очевидно, испытывалъ, если онъ ставитъ его подъ особый запретъ: то, къ чему нѣтъ позыва, нѣтъ склонности, нечего и запрещать. Свифтъ запрещаетъ себѣ любить дѣтей, несомнѣнно, потому, что онъ боится этого чувства, боится тѣхъ мученій, которыя будутъ связаны съ ними. Уже тогда въ немъ зрѣло рѣшеніе, представляющее большую загадку его жизни,—никогда не жениться, а слѣдовательно и

не имѣть собственныхъ дѣтей. Ласкать чужихъ дѣтей, принимать участіе въ ихъ радостяхъ и горѣ, быть близкимъ къ нимъ, однимъ словомъ любить ихъ, — и въ то же время переживать въ своей душѣ мучительное сознаніе, что у тебя не будетъ своихъ дѣтей, — переносить такую постоянную пытку не многіе способны. Если бы Свифтъ былъ великимъ альтруистомъ. онъ, конечно, нашель бы другой выходъ изъ борьбы двухъ различныхъ чувствъ, несомнѣнно происходившей въ немъ, и тогда бы вмѣсто жестокаго, на первый взглядъ просто безчеловѣчнаго рѣшенія — не любить дѣтей, мы услышали бы совсѣмъ другія рѣчи. Но геній Свифта былъ совсѣмъ другого рода. Жестокое негодованіе и беспощадный смѣхъ — какъ они должны были чувствовать себя передъ чистымъ, наивнымъ, не знающимъ еще даже сомнѣнія, дѣтски-наивнымъ взглядомъ ребенка?.. Любопытно, что, осмѣивая все и всѣхъ, Свифтъ не касается вовсе дѣтей. Напротивъ, въ портретной галлерей осмѣянныхъ имъ персонажей, рельефно выступаетъ обрисованный съ глубокой симпатіею образъ Глюмдалькличъ, дѣвочки-нянюшки Гулливера. Альтруизмъ Свифта носилъ особенный характеръ, свойственный вообще людямъ съ сильно развитымъ личнымъ самосознаніемъ, энергичнымъ и дѣятельнымъ. Тѣ, кого онъ любилъ, составляли какъ бы одно нераздѣльное цѣлое съ нимъ самимъ и это одно охватывалось его сильнымъ чувствомъ, точно стальнымъ обручемъ. Интересы близкихъ ему людей становились его собственными интересами. Когда одинъ изъ его друзей министровъ попалъ въ тюрьму, онъ готовъ былъ послѣдовать за нимъ. Но какъ бы ни сильна была привязанность Свифта, она неизмѣнно предполагала поглощеніе болѣе слабого болѣе сильнымъ, а послѣднимъ всегда былъ, конечно, онъ самъ. При такомъ складѣ неудивительно, что онъ пришелъ къ чудовищному рѣшенію не любить дѣтей. Не любить онъ собственно не могъ, такъ какъ онъ горячо любилъ людей; но онъ не могъ сдѣлать дѣтей частью своего личнаго существованія и потому, вѣроятно, чтобы не растравлять свои раны, онъ рѣшается поступить радикально: даже не подпускать къ себѣ дѣтей.

ГЛАВА III.

Варина, Стелла и Венесса.

Тайна интимныхъ отношеній Свифта.—Кильрутъ и Варива.—Стелла и Свифтъ въ Муръ-Паркѣ.—Ларокоръ.—Переселеніе Стеллы въ Ирландію.—*Modus vivendi*.—Любовь Тисдалля къ Стеллѣ.—Свифтъ въ Лондонѣ.—«*Дневникъ*».—Венесса и ея любовь.—Свифтъ и его поведеніе.—Перѣздъ Венессы въ Ирландію.—«*Каденусъ и Венесса*».—Бракъ со Стеллой.—Трагическая развязка.—Увяданіе Стеллы.—Тревога Свифта.—Смерть Стеллы.

Варина, Стелла, Венесса—такъ называлъ Свифтъ трехъ женщинъ Уорингъ, Джонсонъ и Ваномригъ, съ которыми находился въ болѣе или менѣе интимныхъ отношеніяхъ; всѣ онѣ получили широкую извѣстность, въ особенности двѣ послѣднія; вокругъ нихъ вращается какая-то непонятная тайна, единственная въ своемъ родѣ въ мірѣ литераторовъ, тайна унесенная съ собою въ могилу удивительнымъ деканомъ церкви св. Патрика. Другъ Свифта, Дилени, рассказываетъ, что онъ случайно засталъ декана тотчасъ послѣ его секретнаго бракосочетанія съ Стеллой у архіепископа. Свифтъ былъ страшно возбужденъ и разстроенъ. Онъ не узналъ своего друга, но, замѣтивъ присутствіе посторонняго человѣка, бросился бѣжать. Дилени подошелъ къ архіепископу; тотъ плакалъ и на удивленный вопросъ, въ чемъ дѣло, отвѣтилъ: «Вы только что видѣли самаго несчастнаго человѣка въ мірѣ, но вы никогда не должны спрашивать меня о причинѣ его несчастія». И несчастіе несчастнѣйшаго человѣка осталось загадкой, очевидно, на вѣки; 150 лѣтъ прошло уже, какъ тайна унесена; многочисленныя попытки, сдѣланныя съ тѣхъ поръ, чтобы разгадать ее, не привели собственно ни къ чему.

Не будемъ поэтому заниматься здѣсь различными предположеніями и догадками; всѣ они, въ концѣ концовъ, носятъ

характеръ измышленій, а обратимся къ простому изложенію интимной жизни Свифта, вращающейся главнымъ образомъ вокругъ двухъ именъ, Стеллы и Венессы. Но предварительно нѣсколько словъ о Варинѣ, такъ какъ она первая завоевала непонятное сердце этого холоднаго и недоступнаго человѣка, въ которомъ однако подъ непреломъ таился вѣчный огонь, и первая познала всю неблагоприятность и жестокость его любви. Варина, миссъ Джени Уорингъ, была, какъ я уже замѣтилъ, сестра одного изъ товарищей Свифта по Дублинскому университету. Онъ зналъ ее еще во времена своего студенчества и встрѣтился съ нею снова, получивъ мѣсто приходскаго священника въ Кильрутѣ, — когда ему было уже безъ малаго 30 лѣтъ. Красивый мужчина, съ горделивой осанкой, повелительнымъ взглядомъ своихъ пронизательныхъ глазъ, пріятный собесѣдникъ, вносящій оживленіе, благодаря своему неистощимому юмору и остроумію, Свифтъ легко находилъ себѣ доступъ въ общество и пользовался большимъ расположеніемъ женщинъ. Какъ приходскому священнику, ему не подобало конечно заниматься «флиртешами», къ которымъ онъ обнаружилъ склонность еще въ юношескіе годы: онъ думалъ, что легко совлечетъ съ себя ветхаго человѣка, переступивъ черезъ порогъ паперти. Однако не то натура оказалась сильнѣе разсудочнаго рѣшенія, не то жизнь въ Кильрутѣ ужь слишкомъ тяготила его своею пустою и безсодержательностью, — только онъ не выдержалъ, и снова явились лица изъ особъ прекраснаго пола, которымъ онъ оказывалъ особое вниманіе и которыя быстро подпадали его обаянію. Въ числѣ ихъ Варина заняла первое мѣсто. Свифту, какъ мы знаемъ, не сидѣлось въ Кильрутѣ. Рѣшивъ бѣжать изъ него, онъ пишетъ горячее любовное посланіе Варинѣ и повергаетъ къ ея ногамъ свою судьбу. Вѣроятно, между ними уже раньше были разговоры на тему о любви. Свифтъ обнаруживаетъ въ письмѣ нетерпѣніе, онъ домогается, ищетъ ея любви; а Варина, повидимому, кокетничаетъ, играетъ съ нимъ. «Нетерпѣніе, пишетъ онъ, наиболѣе свойственно влюбленнымъ. Всякій добивается того, что считаетъ своимъ счастіемъ. Страстное желаніе — все равно, что болѣзнь, и совершенно естественно, что люди ищутъ средствъ удовлетворить его,

какъ они стараются излечить свои болѣзни... Я страшно страдаю отъ этой болѣзни... Нѣкоторыя обстоятельства отягчаютъ еще болѣе мое положеніе: то, что составляетъ предметъ всѣхъ моихъ желаній, я чувствую, ежеминутно ускользаетъ отъ меня.. Какая-то непонятная сила дѣлаетъ Варину слишкомъ жестокой, а меня—жертвой этой жестокости. Всѣ эти мысли терзаютъ меня. Любовь Варины хуже ея жестокости... Отчего вы не презирали меня съ самаго начала. Ваше состраданіе сдѣлало меня еще болѣе несчастнымъ, а теперь ваша любовь совершенно уничтожаетъ меня... Вѣрьте мнѣ, Варина, вы не имѣете понятія о тѣхъ радостяхъ, которыя доставляетъ людямъ истинная, безграничная, чистая любовь... Невозможно, чтобы вы были не чувствительны къ столь невиннымъ и столь сладостнымъ восторгамъ любви... Клянусь Богомъ, Варина, вы гораздо опытнѣе меня, въ васъ менѣе дѣвственной чистоты, чѣмъ во мнѣ... Вы прекрасно знакомы съ интригами и страстями! Порукой въ этомъ ваше собственное поведеніе. Любить и отравлять любовь излишнимъ благоразуміемъ въ тысячу разъ хуже, чѣмъ вовсе не любить... Прощайте! Но не забудьте, что если вы откажетесь быть моею, то вы навѣки потеряете меня, потеряете того, кто рѣшился умереть, какъ жилъ вашимъ!»

Что такое за личность эта Варина, мы не знаемъ, да это и не интересно собственно. Сама по себѣ она прошла конечно безслѣдно, а въ жизни Свифта промелькнула случайнымъ метеоромъ. Слѣдуетъ отмѣтить лишь, что она имѣла небольшое состояніе и мечтала о жизни полной довольства, суетныхъ развлеченій и наслажденій. Положеніе же Свифта въ это время было незавидно, его доходы ничтожны, а безпокойный духъ, терзавшій его, и дерзкая, отважная насмѣшливость внушали лишь опасеніе маленькой женщинѣ за свою будущность съ такимъ человѣкомъ. Любила ли она его, или не любила, но связать свою жизнь съ нимъ не рѣшалась и ограничивалась кокетствомъ.

Уѣзжая, Свифтъ предостерегалъ ее, что она навѣки потеряетъ того, кто любилъ ее, и онъ не ошибся. Черезъ четыре года его положеніе измѣнилось къ лучшему. Уже обрисовался тотъ путь, слѣдуя которому онъ приобрететъ всемірную извѣ-

стность; въ матеріальномъ отношеніи онъ также получилъ болѣе обезпеченное мѣсто въ Ирландіи. Варина знала обо всемъ этомъ и рѣшилась напомнить ему о его прежнихъ чувствахъ: остались ли они неизмѣнными и испытываетъ ли онъ все такое же нетерпѣніе?.. Теперь Варина несомнѣнно согласилась бы стать женой безпокойнаго человѣка... Но тотъ не могъ простить ей ея кокетства. Кромѣ того, не была ли эта любовь Свифта всего лишь плѣвной мысли раздраженьемъ?.. Теперь онъ, въ свою очередь, любилъ и, повидному, дѣйствительно любилъ другую. Въ отвѣтъ на запросъ онъ пишетъ холодное, язвительное письмо. «Я хотѣлъ бы знать, спрашиваетъ онъ, какъ ваше здоровье, поправилось ли оно послѣ того, какъ доктора, вы писали мнѣ, совѣтовали вамъ не вступать въ бракъ, такъ какъ брачная жизнь грозитъ вамъ большой опасностью? Или вы объ этомъ думаете теперь иначе?.. Въ состояніи ли вы будете устроить домашнее хозяйство, располагая доходомъ всего лишь въ 300 фун. стер.? Любите ли вы меня настолько, чтобы угождать моимъ желаніямъ, вести такой-же образъ жизни, какъ и я?.. Сдѣлаете ли вы владѣть своими страстями, продолжаетъ онъ язвить ее, поддерживать въ себѣ всегда хорошее расположеніе духа, ласками и нѣжными словами смягчать печаль, вообще утѣшать и развлекать человѣка, который серьезно смотритъ на жизнь и глубоко захватываетъ ее». Если она въ состояніи удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, заканчиваетъ онъ, то для него безразлично, какова она собой теперь, какимъ состояніемъ она располагаетъ и т. д.

Варина не отвѣчала на это письмо. Да и что она могла отвѣтить? Конечно, Свифтъ писалъ его не затѣмъ, чтобы получить отвѣтъ. Такъ кончилась эта первая, по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ, любовь Свифта.

Признаемъ ли Свифта жестокимъ и безсердечнымъ въ его отношеніяхъ къ Варинѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ эта «любовь» не имѣла никакого серьезнаго вліянія на его дальнѣйшую жизнь. Другое дѣло — Стелла и Венесса; тутъ цѣлая трагедія, разыгрывавшаяся въ теченіе долгихъ лѣтъ и кончившаяся фатальной гибелью двухъ безгранично-любившихъ женщинъ и глубокимъ несчастіемъ демоническаго генія, вызвавшего своею

силою эту безпредѣльную любовь. Такая безкорыстная любовь, существующая какъ бы даже на зло всѣмъ обстоятельствамъ и условностямъ, выпадаетъ на долю очень и очень немногихъ людей, и тотъ, кто успѣлъ завоевать ее, несомнѣнно человѣкъ, отиѣченный особенною печатью. Это можетъ быть печать вдохновеннаго генія, а можетъ быть печать ни передъ чѣмъ не содрагающагося злодѣя, но во всякомъ случаѣ она признакъ того, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ далеко не зауряднымъ.

Свифтъ зналъ Стеллу еще ребенкомъ. Когда онъ прибылъ въ первый разъ къ Темплю, ей было около восьми лѣтъ. Рѣзкій и грубый студентъ, недоступный утонченностямъ аристократа-дипломата, недовольный своимъ унижительнымъ положеніемъ и неумѣвшій скрывать этого, находилъ облегченіе въ сближеніи съ прекраснымъ ребенкомъ. Беззаботную, веселую Стеллу также влекло что-то къ суровому букѣ, умѣвшему однако играть съ нею и развлекать ее. Имъ было весело вѣстѣ и дружба между ними установилась очень скоро. Съ теченіемъ времени Свифтъ занялся и ученіемъ Стеллы. Подъ его руководствомъ и при его содѣйствіи она приобрѣтала познанія, развивалась, крѣпла умственно. Естественно, что Стелла подпала всецѣло его вліянію и что съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни она привыкла смотрѣть на все глазами своего учителя. Въ послѣдній пріѣздъ Свифта ей было 15 лѣтъ; по его словамъ, она цвѣла здоровьемъ, отличалась граціозностью и была вообще одной изъ первыхъ красавицъ во всемъ Лондонѣ; «волосы ея чернѣе пера ворона, прибавляетъ онъ, а каждая черта ея лица — воплощенное совершенство». Стелла не столько поражала правильностью и строгостью своей красоты, сколько привлекала выразительностью и миловидностью своего прекраснаго лица, дышавшаго въ ту пору юношескимъ воодушевленіемъ. Дѣвушка, казалось уже понимала геній своего учителя — друга въ то время, какъ всѣ другіе окружающіе даже и не подозрѣвали его. Жизнь ея въ Муръ-Паркѣ протекала скучно и однообразно, и возвращеніе Свифта для нея было событіемъ громадной важности: онъ, точно лучъ ворвавшагося свѣта, разсѣивалъ темноту ея жизни и наполнялъ ее свѣтлыми надеждами и чая-

ніями. А Свифтъ? Что чувствовалъ онъ? Его тоже влекло къ Стеллѣ. Мрачное настроеніе, постоянное недовольство на все и всѣхъ стихало подѣ влияніемъ общенія съ чистой, дѣтски-невинной еще, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой и умной дѣвушкой.

Послѣ смерти Темпля Свифту снова пришлось энергично приняться за устройство своей судьбы. Согласно завѣщанію онъ приступилъ первымъ дѣломъ къ посмертному изданію сочиненій своего патрона и посвятилъ ихъ королю, надѣясь такимъ образомъ лишній разъ напомнить объ обѣщаніи, данномъ послѣднимъ еще Темплю, относительно мѣста. Но король забылъ о немъ; всякіе расчеты на него пришлось оставить и пользоваться первымъ подвертывавшимся случаемъ. Таковымъ оказалось приглашеніе поступить въ секретари и домовые священники къ графу Берклею, отправлявшемуся въ Ирландію въ качествѣ главнаго судьи. Но секретарство его продолжалось недолго. Еле они успѣли прибыть въ Дублинъ, какъ Берклея убѣдили, что священнику не подобаетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и секретаремъ. Свифтъ потерялъ это мѣсто. Не удалось ему также занять богатаго деканства въ Дрери по той причинѣ, какъ ему сказали, что онъ еще слишкомъ молодъ; самъ же Свифтъ говорилъ, что если бъ онъ далъ взятку, кому слѣдуетъ, то получилъ бы это мѣсто. Все это, конечно, не могло не бѣснть и не возмущать его, и онъ обратился къ страшному орудію, которымъ такъ прекрасно владѣлъ, къ насмѣшкѣ и глумленію. Въ нѣсколькихъ строкахъ онъ отдѣлалъ Берклея и интригановъ, ставшихъ поперекъ его дороги. Распредѣлители земныхъ благъ въ видѣ разныхъ мѣстъ тотчасъ же сообразили, какъ невыгодно для нихъ вооружать противъ себя дерзкаго насмѣшника, и поторопились предложить ему мѣсто священника въ Ларакорѣ съ доходомъ свыше 200 фун. въ годъ. Свифтъ принялъ его и сохранялъ за собою въ теченіе довольно долгаго времени, не смотря на свои продолжительныя и частыя отлучки въ Лондонъ.

Въ первую же изъ своихъ поѣздокъ въ Англію онъ убѣдилъ Стеллу переѣхать также въ Ирландію. Темплъ, умирая, завѣщалъ ей небольшое состояніе, дававшее возможность жить независимо. Въ Ирландіи это состояніе могло найти болѣе выгодное помѣщеніе и приносить большіе доходы. Это былъ одинъ

доводъ. Съ другой стороны, Свифтъ откровенно высказалъ, что переселеніе Стеллы для него лично желательно и доставить ему большую радость. Будущая судьба ихъ была рѣшена. Стелла согласилась переѣхать. Ее сопровождала Дингли, неразлучная спутница всей ея жизни. Дабы предупредить всякія сплетни, Стелла съ Дингли пріѣхала въ Дублинъ, когда Свифтъ находился еще въ Лондонѣ. Съ этихъ же поръ между ними установился тотъ *modus vivendi*, который поддерживался все время и сокровенный смыслъ котораго составляетъ и по сію пору тайну. Стелла жила всегда отдѣльно; когда Свифтъ уѣзжалъ на долго, она вмѣстѣ съ Дингли перебиралась въ его домъ; но подъ одной кровлей они не жили никогда, исключая случаевъ болѣзни Свифта. Мало того, они даже не оставались никогда вдвоемъ: Дингли служила тѣмъ третьимъ лицомъ, вѣчнымъ свидѣтелемъ, котораго они считали необходимымъ имѣть какъ бы для того, чтобы всѣмъ было ясно, что отношенія ихъ не выходятъ за предѣлы глубокой дружбы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни Свифтъ, ни Стелла ни отъ кого не скрывали, что между ними существуетъ самая тѣсная дружба: во всѣхъ его интересахъ она принимала живѣйшее участіе, она раздѣляла всѣ его мысли, составляла центръ въ кругу людей, собиравшихся у него, и играла обыкновенно роль хозяйки. Нѣсколько разъ она сопутствовала ему въ его отлучкахъ въ Лондонъ, но и здѣсь они жили отдѣльно. Только во время путешествій онъ видѣлъ ее, какъ пишетъ въ одномъ письмѣ, одинъ или два раза равнымъ утромъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ даже злые языки не могли ничего подѣлать и ни передъ чѣмъ не останавливающаяся сплетня не могла набросить подозрительной тѣни на отношенія между ними. Но тѣмъ непонятнѣй, пожалуй, были эти отношенія въ дѣйствительности.

Въ 1703—4 годахъ, когда Свифтъ находился въ Лондонѣ, Стеллу сталъ часто навѣщать ихъ общій знакомый, нѣкто Тисдалль. Онъ полюбилъ ее и хотѣлъ на ней жениться. По этому поводу возникла переписка со Свифтомъ, въ которой находимъ любопытное съ его стороны заявленіе. Намѣренія Тисдалля были конечно очень не по сердцу Свифту: установленному имъ *modus'у vivendi* угрожала большая

себя удовлетворенія, а тогда и только тогда могло оказаться мѣсто для любви. Но горделивыя мечты не сбылись и любовь погибла... Впрочемъ, будемъ продолжать нашъ разговоръ, не забывая впередъ.

Послѣ описаннаго эпизода наступаетъ семилѣтній перерывъ, о которомъ мы не знаемъ почти ничего (я говорю объ пятимной жизни Свифта). По всей вѣроятности, его отношенія въ Стеллѣ, опредѣленные разъ на всегда, оставались неизмѣнными въ теченіе всего этого времени: Стелла его горячо любила и онъ повидимому отвѣчалъ ей тѣмъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ они по прежнему старательно избѣгали оставаться наединѣ, безъ посторонняго свидѣтеля. Въ 1707 году они одновременно прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ и Стелла перезнакомилась съ цѣлымъ кругомъ лицъ, съ которыми былъ близокъ въ то время Свифтъ, но и о жизни ихъ въ Лондонѣ мы знаемъ такъ же мало. За то съ 1710 и по 1713 годъ Свифтъ ведетъ свой знаменитый «*Дневникъ для Стеллы*», представляющій богатый матеріалъ, какъ для біографіи его автора, такъ и вообще для характеристики политической жизни того времени. Въ эту пору Свифтъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ тори, стоявшимъ у кормила правленія; хотя онъ не занималъ никакого оффиціального поста, но сила слова, сила ни передъ чѣмъ не отступающей и все сокрушающей насмѣшки и сатиры доставила ему положеніе ничѣмъ не хуже министерскаго. Тори видѣли, что онъ—ихъ главная защита, и потому его вездѣ принимали, въ немъ заискивали, министры приглашали его на обѣды и совѣтывались съ нимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ. И вотъ въ разгарѣ партійной борьбы и неустанной политической дѣятельности онъ день за днемъ заноситъ въ свой дневникъ разныя крупныя и мелкія событія, злобы дня общественныя и личныя и пересыпаетъ свои записи ребяческимъ лепетомъ. Да, ребяческій лепетъ—специфическая особенность и притомъ неподражаемая особенность этого дневника. Свифту, вѣроятно, часто грезилось, что онъ бесѣдуетъ съ восьми лѣтней Хетти (такъ называли Джонсонъ въ дѣтствѣ) въ Муръ-Паркѣ, и онъ сокращаетъ, измѣняетъ слова, передѣлывая ихъ на дѣтскій ладъ и т. п. И это такимъ

*

языкомъ пишетъ угрюмый и непреклонный ненавистникъ чело-
вѣческаго рода, грязный циникъ и т. д... Но что еще любо-
пытнѣе, онъ упражняется въ этомъ дѣтскомъ лепетаньѣ, когда
ему было 44 года, а Стеллѣ 30. Что читала она между
строкъ во всѣхъ шалостяхъ любимаго человѣка и какія мысли
онѣ питали въ ней? А онъ? Онъ находилъ въ этой нѣжной
болтовнѣ отраду и утѣшеніе, онъ забывалъ о своихъ терза-
ніяхъ и тщетныхъ попыткахъ добиться опредѣленнаго поло-
женія, соотвѣтствующаго своимъ горделивымъ желаніямъ, онъ
мечталъ въ это время о счастіи быть вмѣстѣ и изливаетъ
горячую мольбу о томъ, чтобы они никогда не расстава-
лись больше даже на десять дней. Онъ обращается къ сво-
имъ леди, какъ если бы онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ними за
однимъ столомъ и велъ бесѣду; онъ играетъ съ ними въ кар-
ты, сдаетъ, ходитъ, бьетъ козыремъ и т. д. Надоѣдаетъ про-
за, онъ бросаетъ ее, беретъ стихи и продолжаетъ ту же
болтовню въ виршахъ. Вы совершенно забываете, что имѣете
дѣло съ человѣкомъ, готовымъ завтра же поражать безпощад-
ной сатирой своихъ враговъ на аренѣ общественной дѣятель-
ности, какъ онъ дѣлалъ это вчера, быть можетъ даже сегодня.
Васъ очаровываетъ эта непринужденная, чисто дѣтская бол-
товня. Она, несомнѣнно, есть выраженіе того нѣжнаго чувства,
какое Свифтъ питалъ къ Стеллѣ. Хотя на ряду съ этою по-
слѣднею всегда фигурируетъ Дингли, но вы чувствуете, что
это просто лишь ширма, которой, по неразгаданной тайнѣ, онъ
считалъ нужнымъ прикрывать свои дѣйствительныя чувства.

Но вотъ на горизонтѣ злополучной жизни Свифта появ-
ляется новая личность, Гестеръ Ваномригъ. Съ ея семьей,
состоявшей изъ матери-вдовы, двухъ сыновей и двухъ доче-
рей, изъ которыхъ Гестеръ была старшая, Свифтъ познако-
мился въ 1708 г. Они проживали въ Лондонѣ и имѣли поряд-
очное состояніе. Гестеръ Ваномригъ въ то время была 17-ти-
лѣтней дѣвушкой. Женщины вообще быстро поддавали обая-
нію Свифта. Несмотря на всю свою грубость и рѣзкость въ
обращеніи, онъ производилъ на нихъ какое-то чарующее впе-
чатлѣніе. Посѣтивъ въ первый разъ леди Берлингтонъ, Свифтъ
проситъ ее сѣсть что нибудь; она отказывается; онъ настап-

ваетъ, наконецъ грубо приказываетъ: «Пойте, или я заставлю васъ пѣть. Вы, милостивая государыня, кажется, принимаете меня за одного изъ вашихъ презрѣнныхъ англійскихъ поповъ. Пойте же, когда я говорю вамъ». Съ удивленіемъ леди Берлингтонъ слушала эти дерзкія слова; она не выдержала, заплакала и вышла вонъ изъ комнаты. Встрѣтившись съ нею черезъ нѣсколько времени, Свифтъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрашиваетъ: «Скажите, пожалуйста, вы такъ же горды и въ такомъ же скверномъ настроеніи духа, какъ и въ тотъ вечеръ, когда я просилъ васъ пѣть». Они помирились и леди Берлингтонъ стала его горячимъ другомъ. Онъ нисколько не стѣснялся исправлять выговоръ, дурное произношеніе, и леди не сердилась на него; онѣ признавали его своимъ учителемъ. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ объ «эдпктахъ», которые ежегодно выпускалъ въ Англію, предписывая всѣмъ леди быть предупредительными по отношенію къ нему и дѣлать первые шаги для знакомства съ нимъ. Не трудно было бы составить цѣлый длинный списокъ женщинъ, находившихся въ болѣе или менѣе дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ самозваннымъ султаномъ. Несомнѣнно, въ немъ было что-то особенное, привлекавшее къ нему такъ женщинъ; его власть надъ ними была вообще очень велика.

Молоденькая Ваномригъ не избѣгла общей участи. Частыя посѣщенія Свифта сблизили ее съ нимъ. Она интересовалась литературой, политикой, стремилась расширить свои познанія, была надѣлена отъ природы хорошими умственными способностями и страстнымъ, нервнымъ темпераментомъ. Вполнѣ естественно, что Свифтъ явился руководителемъ, сначала въ ея занятіяхъ и чтеніяхъ, а затѣмъ и вообще въ направленіи всѣхъ ея мыслей и стремленій. Въ концѣ концовъ, молодая дѣвушка страстно полюбила своего учителя. Свифтъ любилъ проводить время въ семьѣ Ваномригъ. Въ легкой и шутливой бесѣдѣ съ своей ученицей онъ отдыхалъ отъ житейскихъ тревоженій; ему льстило также ея вниманіе и интересъ ко всѣмъ его работамъ и дѣламъ; но онъ не питалъ и не обнаруживалъ никакого страстнаго чувства. Выѣхавъ на время изъ Лондона, онъ написалъ ей коротенькое, но задушевное письмо. Она, ко-

нечно, не замедлила отвѣтомъ. Они обмѣнялись еще и еще письмами. Ея письма принимали все болѣе и болѣе страстный тонъ.

Она обнаруживаетъ большое безпокойство относительно его здоровья. «Вѣрно, пишетъ она, вы подумаете, что я уже слишкомъ часто позволяю себѣ надоѣдать вамъ..., но я не чувствую достаточнаго самоотверженія, чтобы выносить эту неизвѣстность...» Чтеніе книги, замѣчаетъ она дальше, не подвигается: закладка лежитъ все на той-же страницѣ, гдѣ онъ оставилъ ее... Она испытываетъ мучительное безпокойство и будетъ страдать до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, поправился ли онъ, прошли ли его головныя боли... «О, что бы я дала, чтобы узнать, какъ вы чувствуете себя въ данный моментъ! Моя судьба и такъ слишкомъ тяжела,—достаточно уже одного вашего отсутствія. Къ чему же еще эти мученія неизвѣстности... Въ этихъ словахъ уже явно чувствуется страсть... «Если вы находите, что я пишу слишкомъ часто къ вамъ, то вы должны сообщить мнѣ объ этомъ или вообще написать мнѣ снова, чтобы я знала, что вы не совершенно позабыли обо мнѣ!..» Въ ея душу закрадывается уже подозрѣніе, не любитъ ли Свифтъ другую, и она пишетъ: «Если вы совершенно счастливы, то нехорошо съ вашей стороны не сказать мнѣ объ этомъ ничего, или, можетъ быть, ваше счастье не имѣетъ ничего общаго съ моимъ...» Зная его интересъ къ политическимъ дѣламъ, она извѣщаетъ его о различныхъ новостяхъ и старается польстить ему, рассказывая, какъ ужасно министерство нуждается въ немъ.

Совершенно ясно, какое чувство воодушевляло бѣдную Венессу (Ваномригъ) и какія мысли скользятъ у нея между строкъ. Понималъ ли не понималъ это Свифтъ, былъ ли онъ доступенъ или нѣтъ ея страстному чувству, но онъ какъ бы не замѣчаетъ пламени, зажженнаго имъ; онъ отвѣчаетъ ей спокойно, снисходительно, рассказываетъ о своей скучной, одинокой жизни, о своихъ простыхъ и несложныхъ обязанностяхъ, какъ приходскаго священника, которому болѣе приличествуетъ заниматься своимъ хозяйствомъ (коровы, плетни, и т. д.), чѣмъ впутываться въ партійную борьбу и братья за разрѣшенія государственныхъ вопросовъ. Скучно все это, онъ не

скрываетъ, но онъ не возвратится назадъ, пока его не позовутъ... «Покидая Англiю, я говорилъ вамъ, что постараюсь забыть обо всемъ и буду писать по возможности рѣже»... Рисуя такими красками свою жизнь и выставя на видъ рѣзкій контрастъ между тѣмъ, какъ онъ живетъ, чѣмъ занимается, однимъ словомъ, между дѣйствительнымъ Свифтомъ и тѣмъ, какимъ его хочетъ видѣть Венесса и какимъ онъ постоянно представляется ей, онъ рассчитывалъ, быть можетъ, умѣрить ея восторженное поклоненiе и охладить ея разгоравшуюся страсть?.. Если такъ, то удивительно, что Свифтъ, проникавшій въ самую глубину человѣческихъ мыслей и душевныхъ движенiй, могъ столь жестоко ошибиться относительно женскаго сердца. Этотъ рассчитанно-спокойный, ходячiй тонъ, это какъ бы равнодушное описанiе своей сѣренькой, скучной жизни, это намѣренное отрѣшенiе отъ той кипучей дѣятельности, къ которой его безпокойный генiй чувствовалъ вѣчное влеченiе,—все это имѣло совершенно обратный эффектъ, лишь подбавляло огня и Венесса металась, обуреваемая своею страстью. Быть можетъ, Свифтъ не рѣшался нанести окончательнаго удара по своей добротѣ и деликатности, таившейся, не смотря на весь грубый внѣшнiй цинизмъ, въ глубинѣ его сердца?.. Можетъ быть, самъ Свифтъ поддавался страстной любви молодой женщины и безсознательно питалъ ея страсть? Какъ разгадать истинный мотивъ его поведенiя теперь, когда прошло столько времени и когда отъ живого человѣка остался только тусклый образъ въ видѣ разныхъ воспоминанiй, впечатлѣнiй, рассказовъ, писемъ, болѣе или менѣе случайныхъ замѣтокъ и т. д.? Можно съ достовѣрностию утверждать лишь одно: Свифтъ зналъ, что Венесса питаетъ къ нему безумную страсть,—она сама, повидимому, открыто призналась ему въ этомъ,—и держалъ себя, безъ всякаго видимаго умысла съ своей стороны, такъ, что чувства несчастной дѣвушки росли и разгорались. Въ концѣ концовъ, когда Свифтъ получилъ мѣсто декана при церкви св. Патрика въ Дублинѣ, Венесса рѣшилась переселиться въ Ирландiю, не смотря на его предупрежденiя, что они будутъ видѣться рѣдко.

Мы видѣли, какой задушевностью, какой вѣжностью вѣтъ отъ «Дневника» Свифта на первыхъ порахъ; онъ поглощенъ всецѣло мыслями о Стеллѣ и, можно сказать, всецѣло принадлежитъ ей. Но чѣмъ сплывѣе начинаетъ онъ увлекаться житейской борьбою, чѣмъ больше отдается политическимъ страстямъ, чѣмъ тѣснѣе сближается съ министрами и людьми, стоящими у власти, тѣмъ суше становится его дневникъ: дорогой образъ начинаетъ заволакивать какой-то туманъ, между нимъ и Стеллой становится, очевидно, что-то такое совершенно постороннее и чуждое этой послѣдней. Но это «что-то» было вовсе не лицо, не женщина, а пожиравшая страсть Свифта стоять во главѣ политическихъ дѣлъ. Венесса не только преклонялась передъ нимъ, но и раздѣляла или, по крайней мѣрѣ, дѣлала видъ, что раздѣляетъ все его политическія тревоженія, интересовалась тѣмъ же, чѣмъ и онъ, вращалась въ томъ же кругу людей, гдѣ и онъ. Она сблизились. Это было неизбежно. Но, помимо всякой любви со стороны Свифта къ Венессѣ, не должна ли была подобная жизнь отразиться на его отношеніяхъ къ Стеллѣ, которая оставалась чужда его мечтаніямъ и политической дѣятельности, его удачамъ и неудачамъ въ этой сферѣ? Отношенія могли остаться въ дѣйствительности тѣ же, но чувство, прорывавшееся на первыхъ страницахъ «Дневника», ушло куда-то въ глубь, зарылось. Дорогой образъ оказался оттѣсненнымъ тяжелыми заботами, настойчивыми стремленіями, неудачами, терзаніями; тонъ «Дневника» сталъ сдержаннымъ, сухимъ. Когда въ 1713 г. Свифтъ возвратился на короткое время въ Ирландію, онъ всецѣло находился подъ впечатлѣніемъ испытанныхъ имъ неудачъ: гордость его страдала и онъ переживалъ мучительныя минуты. Его грызла мысль, что онъ брошенъ, точно негодный инструментъ, и долженъ погибнуть въ этой кучѣ навоза и мусора. Кратковременное затѣмъ пребываніе въ Англии и послѣдовавшее за нимъ окончательное возвращеніе въ Ирландію только усугубили это настроеніе. Бракъ со Стеллой, который казался такъ возможенъ и близокъ въ 1710 году, былъ теперь въ 1714 г. отодвинутъ на далекую дистанцію, дальше, чѣмъ когда либо прежде. Относительно наступившихъ затѣмъ годовъ

мы не знаемъ даже, какъ часто видѣлись они; между ними не было правильной переписки; нерѣдко Свифтъ просилъ въ письмѣ къ третьему лицу передать Стеллѣ или узнать отъ нея что либо.

Таково было взаимное положеніе трехъ интересующихъ насъ теперь лицъ, когда они въ силу разныхъ обстоятельствъ собрались въ Ирландію и жили не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Венесса поселилась въ аббатствѣ Марлей, близъ Сельбриджа: временами она прїѣзжала въ Дублинъ и жила здѣсь. Всѣ ея помыслы были сосредоточены, конечно, на Свифтѣ, теперь деканѣ при церкви св Патрика. Но онъ, по прежнему не придавая серьезнаго значенія ея страсти, оставался холоденъ и недоступенъ. Она требуетъ, чтобъ онъ чаще навѣщалъ ее, требуетъ его поддержки и совѣтовъ. «Что можетъ быть предосудительнаго, спрашиваетъ она, въ томъ, что вы будете навѣщать несчастную молодую женщину и руководить ею?» Страстные взрывы ея любви онъ принималъ за капризы и безразсудства и они сердили его; но его гнѣвъ только раздражалъ ея чувство. «Обращайтесь со мной такъ, какъ вы обращаетесь, говорить она, и вы долго не перестанете нравиться мнѣ»... «Взгляните же на меня доброй и говорите со мной сердечной, молитъ она...; иначе (когда онъ недоволенъ) въ вашемъ взглядѣ есть что-то такое ужасное, что поражетъ меня, и я нѣмѣю». И Свифтъ не могъ устоять противъ такой мольбы, принимался ее утѣшать, хотя вовсе не съ чувствомъ любовника. Когда же она перемѣняла фронтъ и начинала грозить ему, онъ встрѣчалъ ее угрозы насмѣшкой и шуткой..

Весь этотъ романъ, въ которомъ, съ одной стороны, было во всякомъ случаѣ искреннее, горячее чувство, а съ другой—то, что можно назвать эгоистической добротой или доброй жестокостью, рассказанъ самимъ Свифтомъ въ стихотворномъ произведеніи, озаглавленномъ: «*Каденусъ* *) и *Венесса*». Оно было написано въ 1713 г. и затѣмъ пересмотрѣно въ 1719 году. Въ виду автобіографическаго значенія этой поэмы передаю вкратцѣ ея содержаніе. Дѣйствующія лица—Венесса (Ва-

*) Cadenus;—анаграмма Decanus.

номригъ) и Каденусъ (Свифтъ). Въ Венессѣ грація женщины соединяется съ познаніями и образованностью мужщины. Великосвѣтскіе франты думаютъ угодить ей пустой болтовней о разныхъ пустяшныхъ вопросахъ, а она отвѣчаетъ имъ выдержками изъ Плутарха. Лэди изъ Сентъ-Джэмскаго предмѣстья были поражены, замѣтивъ на ея туалетномъ столикѣ сочиненіе Монтэня; кромѣ того, она обнаруживала полное невѣжество по части модъ, уборовъ и т. д. Всѣ были скандализированы и смущены, что такая богато одаренная натура, такая очаровательная прелесть погибаетъ совсѣмъ даромъ, благодаря своему полному незнанію свѣта. Но вотъ Венесса встрѣчаетъ Каденуса. Въ его взорѣ — усталость отъ чрезмѣрныхъ занятій; его здоровье разстроено; онъ постарѣлъ въ политическихъ тревоженіяхъ и постоянномъ осмѣяніи людскихъ пороковъ. Министры ухаживаютъ за нимъ, а половина рода человеческого боятся и ненавидитъ его. Въ этой суровой борьбѣ онъ позабылъ уже, какъ нѣкогда очаровывалъ леди, какъ шутилъ съ ними и невинно забавлялся ихъ увлеченіями. Онъ не понимаетъ, что такое любовь. Венесса поражена съ первой же встрѣчи, она преклоняется передъ нимъ. Но онъ относится къ ней, какъ къ дочери, наставляетъ и руководитъ ею въ занятіяхъ, онъ наслаждается только радостями учителя. Венесса становится разсѣянной. Каденусъ объясняетъ это тѣмъ, что онъ надѣлъ ей своимъ педантизмомъ, и потому рѣшается ухажать. Встревоженная Венесса объясняется ему въ любви. Она говоритъ, что онъ научилъ ее быть выше ходячихъ предразсудковъ и не бояться высказывать откровенно то, что чувствуешь; и вотъ она чистосердечно заявляетъ ему, что уроки его, вмѣсто головы, запали прямо въ сердце... Каденусъ крайне смущенъ; рѣчь ученицы захватила его въ расплохъ. Онъ учитель, наставникъ, больше ничего и ни о чемъ другомъ никогда и не мечталъ... А между тѣмъ могутъ подумать, что онъ имѣлъ хитрый умыселъ овладѣть ея сердцемъ и ея 5 тысячами фунтовъ. Поэтому онъ пытается сначала обратить все въ шутку. Но истинное чувство Венессы слишкомъ краснорѣчиво даетъ о себѣ знать. Онъ училъ ее, говоритъ она, любить великихъ людей въ ихъ твореніяхъ и черезъ ихъ книги; поче-

му же она не можетъ полюбить великаго человѣка въ его живой реальности. Каденусъ польщенъ, обезоруженъ и наполовину побѣжденъ. Онъ никогда раньше не слыхалъ отъ нея такихъ прекрасныхъ рѣчей и готовъ допустить, что она имѣетъ проницательный умъ и высказываетъ совершенно правильныя сужденія. Однако остается непреклоннымъ: лѣта и санъ дѣлаютъ смѣшной всякую мысль о любви съ его стороны; взаимнѣ послѣдней онъ предлагаетъ самую теплую дружбу. На это Венесса отвѣчаетъ, что теперь они должны помѣняться ролями, теперь она будетъ учителемъ, а онъ ученикомъ, теперь она будетъ обучать его тому, въ чемъ онъ обнаруживаетъ такую непростительную непонятливость. Успѣла ли, однако, Венесса научить уму-разуму своего ученика, это остается тайной до сихъ поръ. Такъ заканчивалась поэма въ 1719 г. Но дѣйствительный ея конецъ былъ не таковъ. Ею написала сама жизнь, и конецъ вышелъ, какъ и слѣдовало ожидать, мучительный, полный глубокаго трагизма.

Чѣмъ ближе дѣло подвигалось къ развязкѣ, тѣмъ тягостнѣе становилось положеніе всѣхъ этихъ трехъ лицъ. Спокойная, но неизмѣнно-преданная въ своей любви Стелла, съ дѣтства связавшая свою судьбу съ Свифтомъ и покорно выносившая, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ, свою тяжелую судьбу; пылкая и горячая Венесса, охваченная точно пламенемъ своею страстью, совершенно безсильная потушить его, и между ними этотъ удивительный деканъ, терзающій и ту, и другую и еще болѣе того терзаемый своими внутренними мученіями и физическими страданіями, переставшій, несомнѣнно, уже давно думать о брачной жизни и восторгахъ любви, потерпѣвшій крушеніе въ своихъ самолюбивыхъ мечтаніяхъ о политической дѣятельности и страшившійся мысли, что ему придется умереть здѣсь, въ Ирландіи, какъ отравленной крысѣ въ подпольѣ... Если онъ заставлялъ страдать Стеллу и Венессу, то его роковая судьба, его «*saeva indignatio*» заставляла его самого страдать во сто кратъ больше! Но какъ ни были велики его личныя страданія, онъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, рубить этотъ гордіевъ узелъ, запутывавшійся въ теченіе столькихъ лѣтъ.

Оставимъ пока Венессу въ ея прелестномъ уединеніи въ

аббатствѣ Марлей, вѣчно скучающую, жаждущую видѣть Свифта и оживавшую лишь въ такія радостныя, но рѣдкія минуты. Что переживала въ это время Стелла? Она знала, конечно, о знакомствѣ Свифта съ Венессой, объ ихъ дружбѣ, а быть можетъ, знала и о чувствахъ, какія Венесса питала къ декану. Ея отношенія къ послѣднему оставались прежнія, равно какъ и онъ считалъ ее самымъ близкимъ себѣ человѣкомъ, но они продолжали жить врозь, видѣться всегда въ присутствіи третьяго лица и т. д. Между тѣмъ, ей уже было около 35 лѣтъ, а ему — подь 50. Стелла долго и покорно ждала, но теперь она ясно видѣла, что настало время сдѣлать послѣдній шагъ или — онъ никогда не будетъ сдѣланъ. Въ это же время безпокойство ея росло: она не могла не чувствовать нѣкотораго охлажденія со стороны Свифта, послѣ возвращенія его изъ Лондона. Правда, онъ былъ удрученъ и подавленъ неудачами и постигшими его разочарованіями, но онъ не искалъ облегченія своимъ страданіямъ въ ея любви, въ ея поддержкѣ. Переселеніе Венессы въ Ирландію невольно вызывало всякаго рода непріятныя предположенія. Надежда всей жизни готова была рушиться. Несчастливая женщина страдала видимо для всѣхъ. Здоровье ея начало разстраиваться. Неужели Свифтъ такъ зачерствѣлъ въ своемъ эгоизмѣ, что не обращалъ никакого вниманія на тяжелую драму, разыгрывавшуюся на его глазахъ? Нѣтъ, онъ все это видѣлъ и глубоко страдалъ; но избавить Стеллу отъ ея терзаній, внести въ ея жизнь ту радость, о которой мечтала она, онъ не могъ, и не потому что любилъ другую, нѣтъ, просто не могъ. Если хотите, считайте это «не могъ» тайной, увесенной имъ въ могилу, но фактъ остается фактомъ. Встревоженный, однако, упадкомъ силъ и здоровья Стеллы онъ обратился къ своему другу, бывшему наставнику, а теперь Клоэрскому епископу, съ просьбой узнать отъ Стеллы причину ея горя и чѣмъ онъ могъ бы облегчить его. Самъ онъ уклонился отъ разговора, опасаясь, вѣроятно, непріятностей. какія могли возникнуть при этомъ, въ виду отношеній его къ Венессѣ. Стелла отвѣчала: она долго и терпѣливо ждала, утѣшая себя надеждой стать современемъ его женой, но вмѣсто этого встрѣчаетъ теперь съ его стороны холодность и прене-

брежевіе, что можетъ подать поводъ для всякаго рода пересудовъ; ея доброму имени угрожаетъ безчестіе, и избѣжать этого можно только однимъ путемъ. Дѣло шло о бракѣ. Свифтъ согласился обвѣнчаться, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, во первыхъ, бракъ остался въ величайшемъ секретѣ и, во вторыхъ, они продолжали жизнь по прежнему врозь и видѣться въ присутствіи постороннихъ лицъ. На такихъ условіяхъ состоялся ихъ бракъ въ 1716 году, и тайна его была сохранена до конца жизни обоихъ.

Что Стелла настаивала на бракѣ, это понятно, но какіе мотивы руководили Свифтомъ, упорно отказывавшимся придать огласкѣ совершившееся? Отвѣтить не легко, такъ какъ этотъ таинственный бракъ есть лишь завершеніе того, что всѣми біографами признается тайной. Несомнѣнно однако одно: Свифтъ въ то время меньше всего думалъ о семейной жизни и меньше всего чувствовалъ склонность къ ней. Большинство людей поступило бы иначе: въ пору тяжелой невзгоды они стали бы искать утѣхи именно въ радостяхъ семейной жизни. Но Свифтъ вѣдь совершенно не похожъ на большинство. Не говоря уже о его опасеніяхъ оставить потомство съ скверной наслѣдственностью, опасеніяхъ совершенно разумныхъ, о его 50-лѣтнемъ возрастѣ, мы не должны упускать изъ виду, что ни его положеніе, какъ декана, ни матеріальныя средства, которыми онъ располагалъ, далеки отъ соответствованія тому, чего онъ добивался. Жизнь свою въ Ирландіи онъ считалъ изгнаніемъ; въ немъ все еще жила надежда выступить снова на широкую арену политической дѣятельности; а вмѣсто матеріальнаго достатка ему приходилось въ это время выплачивать долги, сдѣланные въ Авгліи. Слѣдовательно, условія, при которыхъ онъ считалъ возможной семейную жизнь, отсутствовали, какъ и раньше. Поэтому-то, несмотря на формальный бракъ, все осталось по прежнему и самый фактъ брака былъ скрытъ. Стелла успокоилась, поправилась, отношенія между ею и Свифтомъ возстановились самыя дружественныя и сердечныя, и жизнь снова вошла въ прежнюю колею.

Странный компромиссъ не разрубилъ, однако, гордіева узла. Отношенія Свифта съ Венессой продолжали развиваться сво-

нимъ порядкомъ и неуклонно идти къ своему логическому концу. Рѣшивъ скрыть отъ постороннихъ глазъ существовавшія между нимъ отношенія, деканъ былъ крайне остороженъ. Онъ очень рѣдко навѣщалъ ее; переписка ихъ была обставлена также разными предосторожностями. Но если спокойная и безотчетно преданная Стелла покорно подчинялась тяжелымъ условіямъ, налагаемымъ на нея Свифтомъ, то пылкая Венеса не могла укротить своихъ чувствъ, не могла не выходить изъ предѣловъ, указанныхъ властнымъ деканомъ, и чѣмъ дольше былъ періодъ вынужденнаго затишья, тѣмъ сильнѣе прорывалась потомъ ея страсть.

Отъ 1720 года сохранились два ея письма. Въ первомъ изъ нихъ она жалуется, что вотъ уже прошло цѣлыхъ десять томительныхъ недѣль, какъ онъ былъ у нея въ послѣдній разъ, а за это время она получила отъ него всего лишь одно письмо и одну записочку; но ни время, ни обстоятельства не могутъ ослабить ея чувства. «Обуздывайте мою страсть, пишетъ она, какими угодно ограниченіями, отправьте меня хотя на самый край свѣта, вамъ все-таки не удастся подавить во мнѣ очаровательныхъ воспоминаній: они вѣчно будутъ возникать въ моемъ умѣ, пока я не лишусь памяти. Моя любовь къ вамъ не только въ моей душѣ, о нѣтъ! Она повсюду, она въ каждой частицѣ моего тѣла!..» Она умоляетъ его не мучить ее, не превращать ея жизни въ медленную агонию, не лишать ее своей вѣжности и снисходительности. Второе письмо обнаруживаетъ еще болѣе возбужденное и страстное настроеніе. Цѣлые дни она тоскуетъ и вздыхаетъ, а ночи проводитъ безъ сна въ мысляхъ о томъ, кто о ней вовсе не думаетъ. Она родилась «съ той всепоглащающей страстью, которая сосредоточивается вся безраздѣльно на одномъ, и такую страсть, пишетъ она, я питаю къ вамъ». Еслибы она могла проникнуть въ тайники его мысли, что невозможно, такъ какъ никто изъ живущихъ и жившихъ когда либо людей никогда не мыслилъ такъ, какъ онъ), то она, вѣроятно, узнала бы, что онъ хочетъ сдѣлать изъ нея монахиню, всецѣло посвятившую себя на служеніе небу. «Но это не спасло бы васъ, говоритъ она. Еслибы я была восторженной энтузіаст

кой, то вы были бы мое божество, вамъ бы я поклонялась... Вашъ дорогой образъ всегда стоитъ передъ моими глазами, иногда вы поражаете меня благоговѣйнымъ ужасомъ и я трепещу отъ страха; въ другой разъ лицо ваше сіяетъ очаровательною симпатією и я чувствую, какъ душа моя оживаетъ...» Что долженъ чувствовать человѣкъ, получающій подобныя письма отъ близкой женщины, которую онъ, во всякомъ случаѣ, высоко цѣнитъ и уважаетъ, но чувства которой не можетъ раздѣлить... Что могъ отвѣчать ей Свифтъ? Всякій отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ является точно чаша съ отравой; а молчаніе причиняетъ еще худшія страданія. Дилемма — мучительная, неразрѣшимая. И Свифтъ, несомнѣнно, терзался, метался изъ стороны въ сторону и еще больше запутывался. Онъ успокаиваетъ ее, совѣтуетъ не поддаваться тоскѣ, не проводить время въ бездѣльѣ, напротивъ быть постоянно занятой чѣмъ нибудь, двигаться, читать книги легкаго, забавнаго содержанія и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несказанно радуется ей, обѣщая продолжать «Каденуса и Венессу» и напоминая ей о разныхъ дорогахъ для нея сценахъ изъ недавняго прошлаго, а въ одномъ изъ писемъ даже пишетъ (по французски): «будьте увѣрены, ни къ кому въ мірѣ вашъ другъ не питалъ никогда такой любви, уваженія, почтенія, какъ къ вамъ»...; но тутъ же проситъ ее позабыть о немъ навсегда и «покинуть этотъ подлый островъ...»

Въ такихъ противорѣчійхъ продолжала развиваться тяжелая драма личной жизни Свифта; очевидно, онъ чувствовалъ себя беспильнымъ найти какой-либо удовлетворительный выходъ и путался. Когда помимо его воли насталъ финалъ и надъ его головой разразился скандалъ, то онъ замѣтилъ, что такъ именно и должно было все кончиться, что въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Конецъ, дѣйствительно, вытекалъ фатально изъ страстнаго чувства Венессы. Сосредоточенная всецѣло на одномъ чувствѣ, на одномъ желаніи, она дошла до полного изнеможенія; жизнь становилась для нея невыносимою; одна безраздѣльная мысль овладѣла ею: узнать, во что бы то ни стало узнать, женится ли на ней декавъ, можетъ ли онъ жениться, не женатъ ли онъ уже на Стеллѣ? Съ этой цѣлью она пишетъ (въ 1723 г.) письмо къ послѣдней и открыто

спрашиваетъ ее, жена ли она Свифту. Стелла сообщила ей о своемъ бракѣ, а письмо передала Свифту. Въ порывѣ гнѣва деканъ тотчасъ же отправился въ аббатство Марлей, вошелъ къ Венессѣ и молча, не говоря ни слова, съ искаженнымъ отъ злости лицомъ, бросилъ письмо на столъ и удалился. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ. Слабое отъ природы здоровье Венессы, подточенное въ конецъ не находившею исхода страстью, не выдержало удара. Она стала быстро таять и вскорѣ умерла. Согласно оставленному ею завѣщанію, послѣ ея смерти была пздана поэма Свифта «Каденусъ и Венесса». Такъ несчастная Венесса, жертва своей страсти, мстила еще болѣе несчастному декану, жертвѣ своей *saeva indignatio*. Она завѣщала также издать и ихъ переписку, но душеприкащики не рѣшились исполнить ея воли немедленно и письма появились уже послѣ смерти Свифта. Но довольно было и поэмы. Скандаль вышелъ громадный. Враговъ у Свифта было достаточно во всѣхъ слояхъ и сферахъ, а любовныя исторіи представляютъ, обыкновенно, такой неисчерпаемый и такой благодарный источникъ для всякаго рода инсинуаций, клеветы, сплетенъ... Свифтъ покинулъ на время Дублинъ и отправился на югъ Ирландіи, а Стелла замкнулась въ своемъ уединеніи.

Судьба Стеллы была рѣшена собственно еще въ 1716 году, когда она обвинчалась со Свифтомъ и когда между ними состоялось соглашеніе держать въ тайнѣ свой бракъ. Вся дальнѣйшая ея жизнь представляетъ лишь одно постепенное увяданіе. Въ 1723 г., во время душевныхъ тревоженій, вызванныхъ послѣднимъ рѣшительнымъ шагомъ Венессы, Свифтъ предлагалъ Стеллѣ огласить ихъ бракъ, но она сама отказалась, сказавъ, что теперь уже «слишкомъ поздно». По возвращеніи его изъ поѣздки на югъ Ирландіи жизнь ихъ пошла своимъ обычнымъ чередомъ. Вскорѣ Свифтъ снова принималъ дѣятельное участіе въ политической жизни. На этотъ разъ онъ всталъ на защиту Ирландіи и выступилъ съ своими знаменитыми «*Письмами Суконщика*». Необычайный успѣхъ оживилъ его, онъ еще разъ рѣшился попытать счастья и отправился въ Англію. Во время его отсутствія здоровье Стеллы стало быстро ухудшаться. Получасмыя имъ печальныя извѣ-

стія сильно тревожили и мучили его. Онъ обращается къ своимъ друзьямъ и настоятельно проситъ ихъ извѣщать его какъ можно чаще и въ особенности не скрывать отъ него правды. Онъ пишетъ имъ, что цѣнить жизнь очень мало, но что послѣ такой потери, какая угрожаетъ теперь ему, останется только просить Всемогущаго, чтобы онъ даровалъ ему силы перенести тяжесть остающихся дней. «... Я не знаю, что я говорю, пишетъ онъ дальше, но вѣрьте мнѣ, что сильная дружба отличается гораздо болѣе постояннымъ характеромъ, чѣмъ сильная любовь, и не въ меньшей мѣрѣ завладѣваетъ человѣкомъ, чѣмъ эта послѣдняя...» Онъ старается подготовить себя, чтобы встрѣтить, какъ подобаетъ философу и христіанину, роковой ударъ, но боится, что это ему не удастся. На этотъ однако разъ опасность миновала благополучно. Стелла поправилась, хотя не на долго. Прошелъ годъ. Онъ все еще оставался въ Англіи. Въ это время появились анонимно, какъ и всѣ вообще произведенія Свифта, его извѣстныя нынѣ каждому ребенку «*Путешествія Гулливера*». Эффектъ, произведенный ими, былъ необычаенъ. Но Свифтъ не могъ успокоиться на литературной славѣ, онъ добивался непосредственнаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Это не удалось ему. Огорченный, потерявшій всякую надежду на лучшее будущее, разбитый физически и морально, онъ собирался покинуть Англію навсегда и возвратиться въ свою «нору», въ ненавистную ему Ирландію, чтобы здѣсь провести въ мучительной агоніи остатокъ дней своихъ, какъ печальныя вѣсти о здоровьѣ Стеллы снова встревожили его. На этотъ разъ положеніе Стеллы было безнадежно. По мѣрѣ того какъ приближалась неизбежная развязка, росла тревога Свифта. Онъ пишетъ друзьямъ, что не въ силахъ встрѣтить ударъ лицомъ къ лицу, не въ силахъ присутствовать при ея смерти. Пусть они сообщать ему голый фактъ; не надо никакихъ подробностей: все равно онъ не въ состояніи будетъ читать ихъ. Зачѣмъ ему теперь заботиться о своемъ здоровьи, бороться съ своею болѣзью... Неужели ему предстоитъ жить только для того, чтобы постепенно терять то, что придаетъ жизни смыслъ и цѣну. «Что я буду дѣлать въ этомъ мѣрѣ! мучительно восклицаетъ онъ. Моя злополучная голова

безнадежно опускается и я не имѣю болѣе силъ держать ее прямо!..» Но Стелла угасала медленно и Свифтъ засталъ ее еще живой. Она умерла въ Январѣ 1728 г. Онъ не присутствовалъ при ея смерти; но получивъ печальное извѣстіе и оставшись одинъ, глазъ на глазъ съ своимъ горемъ, взялся за перо и излилъ свои чувства, набросавъ первыя строки характеристики Стеллы, «этого преданнѣйшаго, добродѣтельнѣйшаго, безцѣннаго друга, какого только онъ или кто либо другой имѣлъ когда либо». Характеристику эту Свифтъ продолжалъ затѣмъ день за днемъ, отрываясь лишь во время приступовъ головной боли, когда онъ не могъ вовсе писать. Конечно, большинство простыхъ смертныхъ не такимъ образомъ выражаютъ свою печаль по умершемъ другѣ, даже больше, по умершей подругѣ жизни, и многіе поэтому, измѣряя все на свой аршинъ, ищутъ другихъ, болѣе понятныхъ для нихъ мотивовъ въ объясненіе поведенія Свифта. Предоставимъ имъ заниматься этимъ неблагодарнымъ дѣломъ, а сами возвратимся къ Свифту и отмѣтимъ еще одинъ характерный для него фактъ. Онъ, Свифтъ, не присутствовалъ даже при похоронахъ своей Стеллы. Печальный обрядъ, по обычаю того времени, совершался ночью, и изъ окна помѣщенія, занимаемаго Свифтомъ, можно было видѣть мѣсто послѣдняго успокоенія и двигающуюся къ нему погребальную процессію, освѣщенную среди ночной темноты свѣтомъ мерцающихъ факеловъ. Свифтъ не могъ вынести и этой сцены. Онъ удалился въ другую комнату, откуда ничего не было видно, и провелъ здѣсь все время, пока совершалось погребеніе. Когда мучительная агонія, начавшаяся вскорѣ послѣ смерти Стеллы и длившаяся въ теченіе цѣлыхъ годовъ, свела въ могилу и Свифта, то въ его столѣ нашли, между прочимъ, локонъ волосъ Стеллы, завернутый въ бумагу съ короткою надписью: «Только волосы женщины». Этотъ локонъ является нѣмымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ истинныхъ чувствъ, какія воплощенная «*saeva indignatio*» питала къ воплощенной преданности и нѣжности... Кто проникнетъ въ тайну ихъ отношеній? Она унесена въ могилу. Но эта же могила соединила тѣхъ, кому въ жизни не суждено было найти счастья въ полной гармоніи: прахъ Свифта и Стеллы покоится въ одномъ гробу.

ГЛАВА IV.

Свифтъ, какъ политическій дѣятель и памфлетистъ.

Общее положеніе Англіи. — Отличительныя черты политической дѣятельности Свифта. — Свифтъ, какъ вигъ. — «Раздоры въ Авинахъ и Римъ». — «Сумашедшій попъ». — Ходатайство Свифта о возвращеніи церкви «десятиць» и «первинокъ». — «Письмо по поводу присяги». — «Возраженіе противъ уничтоженія христіанства». — «Проектъ относительно содѣйствія преуспѣянію религіи». — «Мысли о церкви англичанина». — Полное охлажденіе къ вигамъ. — Рѣчи Сачеверелля. — Паденіе виговъ. — Сближеніе Свифта съ тори. — Участіе въ «*Examiner's*». — «Поведеніе союзниковъ». — Разногласіе между министрами Гарлсемъ и Боллингброкомъ. — Свифтъ получаетъ мѣсто декана при церкви св. Патрика въ Дублинѣ. — Возвращеніе въ Англію. — «Общественный духъ виговъ». — Последняя попытка примирить министровъ. — Паденіе тори.

Прежде чѣмъ разсказывать о политической дѣятельности Свифта, необходимо нѣсколько освѣжить въ памяти читателя общій характеръ событій того времени и привести нѣкоторыя хронологическія даты.

Англія только что пережила одну изъ самыхъ кровавыхъ эпохъ своего внутренняго устроительства. Такія событія, какъ казнь Карла I (1648 г.) не скоро забываются. Свирѣпыя круглоголовые, во главѣ съ своимъ диктаторомъ Кромвелемъ, прошли опустошительнымъ пожарищемъ по всей странѣ. Не было, казалось, такого уголка, гдѣ бы религіозныя и политическія страсти не дали о себѣ знать въ самой жестокой формѣ. Только фанатическое увлеченіе могло придать ту стойкость и силу, какую обнаружила въ Англіи эта народная революція. И дѣйствительно, свобода и независимость, составляющія по справедливости гордость англійскаго народа, были выкованы въ горнилѣ религіознаго чувства. Конечно, появленію пуританъ, этихъ точно выточенныхъ изъ цѣльнаго гранита фигуръ, не знавшихъ никакихъ сомнѣній

и колебаній, предшествовалъ періодъ скептицизма и критики, разрушившей старыя суевѣрія. Суевѣрія, какъ обыкновенно бываетъ, не хотѣли добровольно уступить своего мѣста новой жизни, и духъ отрицанія, говоритъ Бокль, «разорвалъ всѣ пути и въ отщепеніе низвергъ учрежденія, которыя тщательно старались задержать его развитіе». Настоящій, не дѣланый скептицизмъ является всегда лишь обратной стороной глубокой вѣры. И дѣйствительно, пуритане не знали никакихъ сомнѣній и обрушились всею тяжестью своего суроваго, угрюмаго вѣрованія на существовавшій строй. Старыя учрежденія были сметены. Но религіозное чувство сектантовъ, потерявъ связь съ свободной, критической мыслью, выродилось въ фанатизмъ и ханжество, незамедлившія вызвать въ свою очередь реакцію. Кромвелевская республика продержалась не долго. Стюарты возвратились въ Англію. Карль II вывезъ изъ Франціи и пересадилъ на Англійскую почву всю распущенность, царившую при французскомъ дворѣ. Фанатизмъ и ханжество пуританъ смѣнились кощунствомъ и легкомысліемъ людей, у которыхъ не было, что называется, *ni foi, ni loi*. вмѣстѣ съ тѣмъ начинается реакція въ сторону католицизма. Іаковъ II не считаетъ даже нужнымъ скрывать свои симпатіи и открыто выступаетъ какъ правовѣрный католикъ. Въ 1688 г. онъ однако принужденъ бѣжать и англійскій народъ приглашаетъ на царство Вильгельма III, штатгальтера голландскаго. Попытки Іакова II и его преемниковъ возвратить утраченный престолъ остались безуспѣшными, но весь конецъ XVII и начало XVIII вѣка Англія жила подъ вѣчнымъ страхомъ измѣнъ и предательствъ. Какъ бы тамъ ни было, однако съ воцареніемъ Вильгельма наступаетъ эпоха мирнаго внутренняго развитія; я имѣю въ виду, конечно, внутреннія междоусобицы, царившія полвѣка, такъ какъ внѣшнія войны продолжались своимъ порядкомъ. Теперь, когда страсти нѣсколько улеглись и когда предстояла созидательная работа, гнусное наслѣдіе прошлаго дало себя знать въ полной мѣрѣ.

Положеніе дѣлъ при Вильгельмѣ, Аннѣ, двухъ первыхъ Георгахъ, говоритъ Тэнъ, было такъ плачевно, что невольно

склоняешься въ пользу мнѣнія Свифта. Ему не приходилось вымышлять своего омерзительнаго *iэху*, — онъ видѣлъ его въ дѣйствительной жизни, видѣлъ множество *iэху* въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Самыя грубыя страсти народа каждую минуту готовы были прорваться наружу. Долгіе кровавыя годы возстаній и междоусобицъ сдѣлали народъ весьма склоннымъ къ буйствамъ, самовольной расправѣ, дракамъ. Джинъ, изобрѣтенный въ 1684 г. сильно способствовалъ развитію массоваго пьянства. Въ этой нездоровой общественной атмосферѣ постоянно слышались точно отдаленныя раскаты народнаго бунта. Диржирующие классы пали еще ниже. Тутъ царилъ самый разнузданный развратъ. Измѣна гнѣздилась повсюду. Подкупъ заправлялъ всѣмъ. Начиная отъ короля и кончая послѣднимъ избирателемъ, все можно было купить и продать. «Деньги здѣсь почитаются выше всего, писалъ Монтескье, а честь и добродѣтель весьма мало... Для англичанина необходимъ хорошій обѣдъ, женщина и довольство».. «Въ Англіи нѣтъ религіи, продолжаетъ онъ; еслибъ кто либо заговорилъ здѣсь о ней, его засмѣяли бы». И это на смѣну дикаго фанатизма пуританъ!... Самые выдающіеся государственные люди того времени: герцогъ Мальборъ, министры Болингброкъ и Вальполь, всѣ они причастны были скандальнымъ недостаткамъ и порокамъ своего времени. Но по тинистому грязному дну и подъ мутной, вонючей поверхностью «катились струи великаго національнаго потока, который, по мѣрѣ собственнаго движенія, выказывалъ уже, время отъ времени, естественный свой цвѣтъ»... Потокъ проложилъ себѣ скоро широкое русло и воды его, продолжая очищаться болѣе и болѣе и по сію пору, постепенно приобрѣтаютъ надлежащую чистоту и прозрачность. Я говорю о любви къ свободѣ, составляющей характерную особенность англичанъ и представляющей основу всѣхъ ихъ великихъ учреждений. Вотъ прекрасная характеристика англичанина, набросанная Тэномъ: «Серьезный, задумчивый и грустный по натурѣ, англичанинъ не можетъ смотрѣть на жизнь, какъ на забаву или удовольствіе: взглядъ его по привычкѣ обращается не ко внѣшности и веселой природѣ, но къ внутреннимъ явленіямъ души; онъ

наблюдаетъ самого себя, безпрестанно зондируетъ свой внутренній строй, замыкается въ своемъ нравственномъ мірѣ и теряетъ, наконецъ, способность видѣть въ чемъ бы то ни было красоту, за исключеніемъ внутренней; онъ ставитъ справедливость единственною и безусловною повелительницею человѣческой жизни и всѣ свои дѣйствія хочетъ подвести подъ строгія правила составленнаго имъ кодекса. Для этого у него нѣтъ недостатка въ силахъ, потому что его гордость приходитъ на помощь совѣсти. Онъ постыдился бы уклониться отъ пути, избраннаго имъ самымъ и по собственной волѣ; онъ, какъ врага, отталкиваетъ искушеніе; онъ чувствуетъ, что борется и побѣждаетъ»... Не узнаете ли вы въ этомъ мастерскомъ абрисѣ портрета Свифта, лишеннаго только нѣкоторыхъ индивидуальныхъ чертъ послѣдняго? Цѣлью всей его жизни была также борьба и, несмотря на все свое злополучіе, онъ зналъ радости побѣды. Борьба съ чѣмъ? А именно съ той стоголовой гидрой, какую представляли общественныя нравы того времени. Для того, чтобы идти впередъ, необходимо было еще расчистить путь; это то дѣло и дѣлала безпощадная сатира Свифта. Та же сатира служила ему орудіемъ и въ его партійной борьбѣ, и въ такомъ случаѣ она, конечно, имѣла въ виду какія-либо конкретныя положительныя требованія, въ защиту которыхъ прямо или косвенно выступала.

При оцѣнкѣ политическихъ памфлетовъ и сатиръ Свифта и вообще его политической дѣятельности, необходимо имѣть въ виду слѣдующія два соображенія. Во первыхъ, онъ отъ начала и до конца своей жизни выступалъ защитникомъ англиканской церкви и ея привилегій. Какъ въ маленькой сферѣ, будучи приходскимъ священникомъ, а затѣмъ деканомъ, такъ и въ большой, принимая близкое участіе въ дѣлахъ торійскаго министерства и электризуя своими памфлетами всю страну, онъ не забывалъ, что онъ—служитель церкви. Былъ ли онъ въ глубинѣ души христіаниномъ, вѣрующимъ согласно ученію англиканской церкви, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ считалъ себя представителемъ и защитникомъ ея интересовъ и никогда даже въ пылу политическихъ страстей не измѣнялъ себѣ въ этомъ отношеніи. Онъ прекрасно зналъ, какими бѣдстви-

ями угрожали странѣ, какъ фанатизмъ протестантскихъ сектъ, многочисленныхъ въ то время, такъ и нетерпимость католицизма, и потому счелъ за самое благоразумное поддерживать англиканскую церковь. Во вторыхъ, онъ признавалъ принципы революціи 1688 г., т. е. принципы, нашедшіе себѣ выраженіе въ знаменитомъ habeas corpus и послужившіе прочнымъ основаніемъ развитію свободныхъ учрежденій въ Англіи. Въ этомъ отношеніи онъ былъ такъ же далекъ отъ Якобитовъ, какъ и чистокровные виги.

Мы знаемъ, что годы своей молодости Свифтъ провелъ въ домѣ Темпля, выдающагося вига, принимавшаго участіе въ составленіи habeas-corpus'a; здѣсь же онъ встрѣчался съ массою государственныхъ дѣятелей изъ лагеря виговъ. Ничего нѣтъ поэтому страннаго, что на первыхъ порахъ онъ самъ примыкаетъ къ нимъ и первый свой политическій памфлетъ пишетъ въ защиту ихъ. Это именно трактатъ «*О раздорахъ въ Афинахъ и Римѣ*». Толкуя о партійныхъ разногласіяхъ, раздравшихъ Грецію и Римъ, Свифтъ имѣетъ въ виду современныя ему столкновенія виговъ и тори. Трактатъ относится къ 1701 году, т. е. къ тому именно времени, когда борьба между этими двумя партіями превратилась въ раздоръ между обѣими палатами. Поводомъ служилъ вопросъ о земляхъ, конфискованныхъ въ Ирландіи вслѣдствіе послѣдняго якобитскаго движенія и розданныхъ Вильгельмомъ разнымъ фаворитамъ изъ нѣмцевъ. Палата общинъ, въ которой преобладали тори, возмутилась, приняла билль объ отобраніи земель у королевскихъ фаворитовъ и рѣшила возбудить преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся виговъ, занимавшихъ мѣста въ министерствѣ; палата лордовъ, гдѣ большинство составляли виги, высказалась какъ противъ билля, такъ и противъ преслѣдованія. Несогласіе превратилось въ открытый раздоръ и угрожало чуть ли не гражданскою войною. Свифтъ становится на сторону виговъ и предостерегаетъ тори, чтобы они своими необузданными домогательствами не погубили народной свободы, какъ это случалось не разъ въ древнемъ мірѣ. Ничто его такъ не устрашаетъ, какъ владычество черни; онъ протестуетъ противъ партійнаго прав-

тельства и указываетъ на то, что благоразумное правительство должно умѣть примирять всѣ партіи. Вскорѣ за опубликованіемъ памфлета послѣдовали событія, рѣзко измѣнившія, какъ общественное настроеніе, такъ и взаимное положеніе враждующихъ партій. Въ 1701 году умеръ во Франціи Іаковъ II и Людовикъ XIV призналъ сына его англійскимъ королемъ, въ виду рѣшенія англійскаго парламента, что, если у Вильгельма не будетъ дѣтей, то престолъ долженъ перейти къ сестрѣ его жены, Аннѣ. Понятно, общественное мнѣніе Англій было возмущено до крайности эгмъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ французскаго короля. Вильгельмъ, какъ защитникъ народной свободы, и виги, какъ приверженцы новой династіи, снова завладѣли общественнымъ довѣріемъ, а тори, вѣчно заподозрѣваемые въ тайныхъ пропскахъ и якобитскихъ заговорахъ, должны были съ позоромъ ретироваться.

Хотя Свяфтъ выпустилъ свой трактатъ безъ подписи, однако въ политическихъ кругахъ скоро стало извѣстно имя автора, и руководители виговъ, какъ Сомерсъ, Бернетъ и другіе выразили ему свое одобреніе и благоволеніе. Съ этихъ поръ Свяфтъ начинаетъ учащенно посѣщать Лондонъ и проводить здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время. Онъ постепенно завязываетъ обширныя знакомства, какъ въ политическихъ, такъ и въ литературныхъ кругахъ; посѣщаетъ разные рестораны, гдѣ обращаетъ на себя вниманіе своимъ страннымъ поведеніемъ. Существуетъ на этотъ счетъ одинъ курьезный рассказъ. Въ ресторанѣ, гдѣ собирались Адиссонъ и его компанія, сталъ появляться какой-то странный священникъ; онъ приходилъ аккуратно въ опредѣленное время, прохаживался съ полчаса взадъ и впередъ по комнатѣ и затѣмъ уходилъ, не проронивъ ни одного слова. Они прозвали его «сумашедшимъ попомъ». Но вотъ однажды этотъ «сумашедшій попъ» подходитъ неожиданно къ одному изъ случайныхъ посѣтителей, по видимому, заѣзшему провинціалу и спрашиваетъ его: «Скажите, пожалуйста, можете ли вы припомнить хотя одинъ день, когда была бы хорошая погода?» — «Да, сударь, отвѣчалъ тотъ, благодаря Богу, я могу насчитать за время своей жизни множество дней, когда стояла хорошая погода». «Это больше,

чѣмъ я могу сказать, отвѣчалъ странный попь. Я не могу припомнить ни одного дня, когда погода не была бы или слишкомъ жаркой, или слишкомъ холодной, или слишкомъ сырой, или слишкомъ сухой; но, что бы всемогущій Богъ не посылалъ, къ концу года оказывается, что все обстоитъ какъ нельзя лучше... Съ этими словами онъ вышелъ. Это былъ Свифтъ. Вообще, онъ легко проникалъ во всякіе слои общества. Черезъ вице-королей Ирландіи, съ которыми онъ поддерживалъ постоянныя отношенія, а также черезъ знакомства, завязанныя еще въ Муръ-Паркѣ, онъ находилъ доступъ въ разные аристократическіе дома. Черезъ Конгрева, бывшаго товарища по школѣ, а теперь литературную знаменитость, знакомился съ литераторами. Но больше всего онъ обязанъ и въ этомъ отношеніи лично самому себѣ, своему остроумію, своему умѣнію оживлять юморомъ, шуткой, остротой всякое сборище людей.

Со вступленіемъ на престолъ Анны (1702 г.), подъ вліяніемъ Мальборо составился кабинетъ, хотя считавшійся виговскимъ, но въ дѣйствительности представлявшій изъ себя какую то смѣсь. Здѣсь были Годольфинъ, Ноттингамъ, Пемброкъ, Гаркуръ и другіе; но главную роль игралъ собственно знаменитый полководецъ Мальборо, опиравшійся на виговъ, такъ какъ они были сторонниками войны, а слѣдовательно его естественными союзниками. Въ палатѣ общинъ, по прежнему, преобладало торійское большинство, а въ палатѣ лордовъ — виги. Министерству приходилось лавировать. Въ особенности горячіе дебаты вызвалъ билль, направленный противъ случайныхъ конформистовъ, т. е. противъ тѣхъ изъ диссидентовъ, которые соглашались принимать причастіе по обрядамъ англиканской церкви при зачисленіи на службу. Палата общинъ вѣсколько разъ принимала этотъ билль, а лорды его отвергали. Положеніе Свифта въ этомъ вопросѣ было вѣсколько двусмысленное: онъ считалъ себя еще сторонникомъ виговъ и слѣдовательно долженъ былъ относиться отрицательно къ биллю, тогда какъ въ качествѣ защитника интересовъ высокой церкви, онъ не могъ конечно не сочувствовать ему. Впрочемъ Свифту не пришлось вмѣшаться публично въ обсужденіе даннаго вопроса. Но вѣроятно мысль о томъ, какъ

далеко онъ можетъ идти вмѣстѣ съ вигами, начинала уже тревожить его. Не лучше ли ему удалиться въ уединеніе, предаться «размышленію и изученію», выжидая дальнѣйшихъ событій?.. Къ объѣмъ партіямъ онъ, повидимому, начинаетъ относиться съ одинаковымъ недовѣріемъ. Но для открытаго разрыва съ вигами не настала еще пора. Къ этому же времени (1704 г.) относится появленіе въ печати его знаменитой «Сказки о бочкѣ», о которой я буду говорить ниже. Отмѣчу здѣсь, что она доставила ему и громкую славу, и непримиримую ненависть. Королева никогда до самой смерти своей не могла простить ему этой «сказки», что, несомнѣнно, служило большой помѣхой для его личной карьеры.

Возвращаясь изъ своихъ отлучекъ въ Ирландію, Свифтъ и здѣсь находилъ тѣ же партійные счеты, раздѣлявшіе общественное мнѣніе на два враждебные лагеря. Кромѣ того, Ирландія страдала еще отъ своекорыстной политики англійскаго парламента въ дѣлахъ торговли и промышленности. Въ это время мѣстный парламентъ обсуждалъ, между прочимъ, вопросъ о содѣйствіи развитію пенько- и льно-прядильной промышленности, великодушно предоставленной англійскими коммерсантами свободной инициативѣ несчастнаго народа, и проектировалъ ходатайствовать объ отмѣнѣ десятиныхъ, платимыхъ съ этихъ производствъ въ пользу духовенства. Послѣднее же какъ разъ въ это время домогалось возвращенія ему вообще всѣхъ «десятиныхъ» и «первинокъ», отнятыхъ еще Генрихомъ VIII. Произошло горячее столкновеніе между Ирландскою палатою общинъ и мѣстной духовной конвокаціею, обѣщавшее зайти очень далеко, если бы перерывъ засѣданій не положилъ ему предѣла. Свифтъ не принималъ непосредственнаго участія и въ этихъ пререканіяхъ, онъ находился въ раздумьи, выжидалъ; но здѣсь уже явно обозначались два пункта, по поводу которыхъ онъ вступить со временемъ въ горячую борьбу съ вигами: церковный вопросъ и Ирландскій вопросъ; послѣдній еще очень не скоро займетъ его вниманіе, но за то съ тѣмъ большей силой онъ встанетъ на защиту угнетеннаго народа.

Въ концѣ 1707 года на Свифта была возложена миссія добиться отъ министерства согласія на возвращеніе ирланд-

скому духовенству указанныхъ выше «десятины» и «первинокъ»; онъ рассчитывалъ, что при помощи связей съ руководителями виговъ ему удастся успѣшно выполнить это порученіе. Онъ снова отправился въ Лондонъ и провелъ здѣсь болѣе года. Это былъ поворотный и рѣшительный моментъ въ его политической дѣятельности. Принявъ на себя миссію, имѣвшую большое значеніе для разореннаго въ то время и обнищавшаго мелкаго духовенства Ирландіи, онъ рассчитывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ устроить и свою судьбу, получить такое мѣсто въ церковной іерархіи, которое открывало бы передъ нимъ болѣе широкую арену для дѣятельности и удовлетворяло бы его честолюбію. Переговоры шли однако туго. Министерство уклонялось дать опредѣленный отвѣтъ, явно намекая, что просьба можетъ быть легко удовлетворена, если духовенство съ своей стороны сдѣлаетъ уступки и согласится на различныя послабленія въ пользу пресвитеріанцевъ. Свифтъ, уже въ «Сказкѣ о бочкѣ» обнаружившій всю свою ненависть къ нетерпимости разнаго рода сектантовъ, гнушался итти на такого рода сдѣлки. Наконецъ, ему удалось добиться личнаго свиданія съ Годольфиномъ, лордомъ казначейства; но и послѣдній не далъ рѣшительнаго отвѣта и требовалъ, чтобы ирландское духовенство съ своей стороны согласилось поддерживать виговъ. Конечно, Свифтъ не имѣлъ права, да и лично не былъ склоненъ давать подобныхъ обѣщаній. Эта политика торговли и лжи, эти увѣренія каждаго изъ министровъ, что отъ него, молъ, все зависитъ, такъ что трудно было разобрать, отъ кого же на самомъ дѣлѣ зависитъ то или иное разрѣшеніе даннаго вопроса, возмущали Свифта до глубины души и внушали ему омерзеніе къ людямъ, стоявшимъ тогда во главѣ министерства. Въ концѣ концовъ однако, послѣ длинныхъ проволочекъ, его увѣдомили, что «первинки» и «десятины» будутъ возвращены ирландской церкви, о чемъ онъ и поспѣшилъ сообщить дублинскому архіепископу, какъ о фактѣ. Но ему скоро пришлось убѣдиться, что и это было всего лишь одно изъ тѣхъ обѣщаній, какихъ онъ получилъ отъ министерства не мало. Попытки устроиться лично также не привели ни къ чему. Рассказываютъ, что, прощаясь съ Галифаксомъ, Свифтъ попросилъ у мецената-

вига лежавшую на столѣ французскую книгу на память, говоря, что это будетъ единственное одолженіе, какое онъ и его партія сдѣлаютъ ему за все время ихъ знакомства.

Къ этому времени относится цѣлый рядъ памфлетовъ, написанныхъ Свифтомъ въ защиту англиканской церкви, ея привилегій и опредѣлившихъ собою то положеніе, какое онъ необходимо долженъ былъ занять въ борьбѣ тори и виговъ. Они имѣютъ большое значеніе въ біографическомъ отношеніи, такъ какъ снимаютъ со Свифта позорное пятно ренегатства и показываютъ, какіе мотивы руководили имъ, когда онъ рѣшился присоединиться къ тори. Всѣ эти памфлеты относятся ко времени, когда онъ еще не разорвалъ открыто съ вигами; важнѣйшіе изъ нихъ: «*Письма по поводу присяги въ отреченіи*», «*Возраженіе противъ уничтоженія христіанства*», «*Проектъ относительно содѣйствія преуспѣванію религіи*» и «*Мысли англичанина о церкви*». Въ первомъ онъ открыто высказывается противъ отмѣны, въ угоду пресвитеріанцамъ, Test act'a, за что стояли виги. «*Возраженіе*» онъ начинаетъ робкимъ заявленіемъ, что ему приходится пойти въ разрѣзъ съ общимъ мнѣніемъ, относящимся благосклонно къ мысли объ упраздненіи христіанства; онъ думаетъ, что съ этимъ вопросомъ не слѣдуетъ слѣшать. Конечно, говоритъ онъ, дѣло идетъ не о дѣйствительномъ христіанствѣ, которое приличествуетъ лишь временамъ дикаго варварства, а объ условныхъ фикціяхъ, признаваемыхъ въ настоящее время за христіанство. Эти послѣднія имѣютъ свои выгодныя стороны и онъ разсматриваетъ ихъ въ политическомъ, экономическомъ, финансовомъ отношеніяхъ. Наконецъ, говорятъ, что христіанство порождаетъ секты и партійный духъ; онъ признаетъ всю серьезность этого возраженія и готовъ былъ бы согласиться на уничтоженіе христіанства, если бы только такимъ образомъ была достигнута цѣль, т. е. если бы секты и партіи дѣйствительно сгнули. Но такъ ли это? Исчезнетъ ли дѣйствительно язва? Станутъ ли люди правдивыми въ силу того, что вы изгоните слова, обозначающія ложь? И т. д. и т. д. Наконецъ, онъ увѣренъ, что лишь только пройдетъ актъ объ изыятіи евангелія, тотчасъ же разныя бумаги упадутъ въ своей цѣн-

ности, и это соображеніе больше, чѣмъ какія бы то ни было мудрствованія, должно удерживать отъ рѣшительнаго шага, такъ какъ нѣтъ никакого резона для людей терпѣть убытки. «Проектъ» написанъ въ дидактическомъ тонѣ и притомъ такъ выдержанъ, что затрудняешься сказать, представляетъ ли онъ тонокую иронію, или же есть простое изложеніе мнѣній автора. Добродѣтель поддерживаетъ религію; та и другая должны опираться на извѣстнаго рода привычку, вырабатываемую путемъ насильственнаго подчиненія общепринятымъ условностямъ. Открытыя нарушенія нравственности слѣдуетъ карать. Такимъ образомъ добродѣтель войдетъ въ моду и люди станутъ добродѣтельными. За пренебреженіе обрядами также слѣдуетъ карать, и такимъ образомъ люди станутъ религіозными. Все это Свифтъ излагаетъ крайне искусно и просто, не впадая ни въ ханжество, ни въ цинизмъ. Онъ говоритъ такъ, какъ говорилъ бы человѣкъ искреннѣйшимъ образомъ убѣжденный въ правотѣ своихъ мнѣній. Въ дѣйствительности Свифтъ всегда признавалъ, что людьми слѣдуетъ не руководить, а править, что нужно принуждать ихъ быть добродѣтельными и т. д. Затѣмъ онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, точно совершенно безчувственный человѣкъ, разоблачаетъ разныя соціальныя язвы: злоупотребленія въ общественныхъ учрежденіяхъ, продажность судей, безчестность торговцевъ, плутовство адвокатовъ, недостатки воспитанія, пороки великосвѣтскаго общества... Нарисовавъ ужасную и гнусную картину общественнаго разложенія, онъ однако не апеллируетъ къ какому-либо высшему принципу, нѣтъ, онъ считаетъ это какъ бы не по плечу людямъ и говоритъ имъ: повинуйтесь установленнымъ правиламъ, подчиняйтесь принятымъ условностямъ, избѣгайте скандаловъ, это—ваша обязанность, какъ членовъ общества; а обращаясь къ правителямъ, говоритъ: заставляйте людей исполнять все это—такова ваша обязанность; вотъ идеаль, онъ крайне жалокъ, это правда, но въ то же время онъ наивысшій, какого вы можете достигнуть.

Но въ особенности интересны въ біографическомъ отношеніи «Мысли англичанина»; конечно, это — мысли самого Свифта по двумъ вопросамъ первостепенной важности: по вопросу о

религіи и о государствѣ. Относительно первой онъ излагаетъ тѣ же взгляды, что и въ предыдущихъ трактатахъ. Онъ судить о религіи съ точки зрѣнія ея общественнаго значенія, общественной пользы. Ему нѣтъ дѣла ни до тѣхъ возвышенныхъ умозрѣній, на которыхъ она покоится, ни до чувствъ, которыя она приводитъ въ движеніе, ни до духовныхъ потребностей, обуславливающихъ самое ея существованіе; онъ толкуетъ о ней, какъ объ общественномъ факторѣ, опредѣляющемъ такое или иное поведеніе отдѣльнаго человѣка. Существованіе религіи оправдывается тѣмъ благомъ, какое она приноситъ обществу. Если это такъ и если за такую благотѣльную религію признается англиканское исповѣданіе, то для Свифта логически отсюда вытекаетъ, что никакихъ послабленій ни для какихъ сектъ дѣлать не слѣдуетъ. Эту тему, какъ видимъ, онъ особенно усиленно развиваетъ наканунѣ своего рѣшительнаго отпаденія отъ виговъ. Если въ церкви онъ не ищетъ никакого божественнаго Промысла и судить о ней съ точки зрѣнія общественной пользы, то тѣмъ съ большимъ правомъ подобную точку зрѣнія онъ могъ примѣнить къ государству. И дѣйствительно, Свифтъ удивительно просто обнаруживаетъ всѣ тѣ заблужденія, на основаніи которыхъ толковали тогда о божественномъ началѣ, абсолютныхъ прерогативахъ, неограниченномъ правѣ верховной власти англійскихъ королей. Революція 1688 г. смела прочь всѣ подобныя понятія и поставила на мѣсто ихъ верховное право народа. Онъ является сторонникомъ революціи, защищаетъ ея теорію и предполагаемое ею право гражданъ оказывать активное сопротивленіе. Все это теперь для англичанъ простые трюизмы, но въ ту пору, когда писалъ Свифтъ, эти начала свободнаго государственнаго устройства подвергались жестокимъ нападкамъ. Торійская теорія непротивленія или пассивнаго повиновенія страшитъ его болѣе, чѣмъ противоположныя крайности виговъ. Анархія лучше, говоритъ онъ, чѣмъ деспотизмъ: «дикарь чувствуетъ себя счастливѣе, чѣмъ рабъ, прикованный къ веслу». Въ этомъ же трактатѣ ясно высказывается, что Свифтъ разумѣетъ подъ свободой, защитникомъ которой онъ выступаетъ. Для него дѣйствительная свобода это — дыханіе самой жизни,

ее можно внѣшними формами укрѣплять или подрывать, но не созидать. Добиваясь свободы, онъ добивался собственно возможности пропагандировать свои убѣжденія, свободно вербовать адептовъ, такъ какъ онъ сознавалъ свое интеллектуальное преимущество. Свобода же, какъ ее понимаютъ политики, представлялась ему обыкновенно въ видѣ господства демагоговъ, или олигархій, а то и другое онъ ненавидѣлъ даже болѣе, чѣмъ деспотизмъ неограниченнаго повелителя. Поэтому, хотя онъ говоритъ, что борется противъ тираніи, но въ дѣйствительности онъ борется противъ партійнаго господства виговъ, противъ всѣхъ ихъ софизмовъ и обмановъ, противъ претенціозности считать себя настоящими защитниками свободы, которую они, въ Свифтовомъ смыслѣ, наоборотъ, разрушали.

Могъ ли Свифтъ, придя окончательно къ такимъ мнѣніямъ и высказавъ ихъ въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ, оставаться въ лагерѣ виговъ? Онъ всегда, и до, и послѣ, считалъ себя настоящимъ вигомъ и говорилъ, что нападаетъ на нихъ, такъ какъ хочетъ защитить истинно виговскія убѣжденія, но съ партией виговъ, какъ она существовала въ то время, онъ имѣлъ уже, несомнѣнно, мало общаго. Дѣйствительная разница между вигами и тори того времени *de facto* заключалась въ томъ, что первые представляли собою средній классъ общества, «денежныхъ людей» и диссидентовъ, а вторые — земельныхъ собственниковъ и церковь. Что же касается до различныхъ мѣропріятій и мнѣній, то каждая изъ этихъ партій могла при случаѣ отстаивать то, что, казалось бы, составляло достояніе противной стороны. Дѣло шло не столько о принципиальныхъ различіяхъ, сколько о борьбѣ классовыхъ интересовъ: эсквайръ и священникъ съ одной стороны, и торговецъ и банкиръ съ другой. Когда все это стало для Свифта ясно, то онъ не могъ болѣе колебаться: онъ долженъ быть тамъ, гдѣ признаютъ интересы церкви; къ тому же онъ ненавидѣлъ «денежныхъ людей».

Въ это время въ обществѣ происходило сильное броженіе; все явственнѣе и явственнѣе начиналъ раздаваться крикъ: «церковь въ опасности». Но виги были еще сильны... Побѣды

Мальборо (въ войнѣ за испанское наслѣдство), хотя и сопряженные съ большими жертвами, льстили народному самолюбію. А Мальборо былъ вигъ, да и самая война была дѣломъ виговъ; естественно, что они не упускали случая эксплуатировать въ интересахъ своей партіи военныя удачи. При такихъ-то условіяхъ, Свифтъ, убѣдившись, что въ дѣлѣ о «десятинахъ» и «первинкахъ» его просто на просто обманываютъ, что виги явно оказываютъ покровительство диссидентамъ, разочаровавшись получить болѣе удовлетворяющее его мѣсто, рѣшилъ покинуть Лондонъ и возвратился въ Ларакоръ. Онъ рѣшилъ покинуть своихъ политическихъ друзей и онъ покинулъ ихъ, когда они торжествовали свои побѣды. Крайне несправедливо поэтому, говоритъ Лесли Стивнъ, считать Свифта ренегатомъ; напротивъ, «я думаю, продолжаетъ онъ, что немногіе люди обнаруживали когда бы то нибыло болѣе упорную приверженность къ принципамъ, съ которыми они выступили въ жизнь».

Въ 1709 году Свифтъ возвратился въ Ларакоръ. Отсюда онъ писалъ раза два лорду Галифаксу, напоминалъ ему о его обѣщаніяхъ, указывалъ на освободившіяся мѣста пребендарія въ Вестминстерѣ и епископа въ Коркѣ и просилъ его содѣйствія. Но все было тщетно. Неужели ему на вѣки суждено схоронить себя въ Ларакорѣ, въ этой ненавистной Ирландіи? Гордость его страшно страдала. Онъ былъ, какъ говорится, рожденъ для власти, его грызла потребность руководить и повелѣвать людьми, а онъ осужденъ теперь, въ пору полныхъ силъ (ему было только 42 года), на жалкое прозябаніе... Его «заклятый духъ» возмущался и негодованіе противъ партіи, не сумѣвшей оцѣнить его, росло въ Ларакорскомъ уединеніи. Къ тому же вице-королемъ Ирландіи тогда былъ ненавистный Уортонъ, котораго онъ впоследствии такъ беспощадно осмѣялъ. Но въ то время, какъ Свифтъ, разошедшись съ вигами, предавался самотерзаніямъ, въ Англіи совершались событія, быстро измѣнившія взаимное положеніе двухъ враждующихъ партій.

Нескончаемая война за испанское наслѣдство тяготила всѣхъ; она стоила очень дорого; налоги возрасли непомерно; цѣны на необходимыя предметы потребленія также; земледѣліе переживало тяжелый кризисъ; чужлось уже недовольство вой-

ной даже въ рядахъ виговъ; но оно еще пока недостаточно назрѣло. За то церковный вопросъ вдругъ обострился и неожиданно привелъ къ крушенію партію виговъ въ тотъ моментъ, когда она считала себя въ полной силѣ. Политика министерства по церковнымъ вопросамъ, какъ было замѣчено выше, породила повсемѣстно среди правовѣрныхъ приверженцевъ епископальной церкви большое недовольство. Недоставало лишь повода, чтобъ оно вырвалось наружу. Онъ скоро явился. Это были рѣчи священника Сачеверелля, призывавшія общество обратить вниманіе на положеніе церкви, рѣчи пылкія, горячія, хотя недостаточно разумныя. Онѣ произвели большой эффектъ. Министерство, считая себя достаточно сильнымъ и желая воспользоваться случаемъ, чтобъ запугать своихъ враговъ, рѣшило преслѣдовать Сачеверелля судебнымъ порядкомъ. Но оно создало такимъ образомъ только мученика за церковь въ глазахъ массы и тѣмъ погубило себя. Популярность неизвѣстнаго до тѣхъ поръ священника приняла неожиданные размѣры, и негодованіе противъ министровъ стало открыто проявляться. Къ королевѣ обращались съ петиціями стать на защиту религіи. Въ это же время Мальборо своими неумѣренными требованіями подорвалъ кредитъ, которымъ онъ пользовался, и герцогиня Мальборо, первой совѣтниця королевы, пришлось ступать. Судьба виговскаго министерства была рѣшена. Собранный парламентъ представлялъ торійское большинство и во главѣ управленія страной съ 1710 года сталъ тори Гарлей, впоследствии графъ Оксфордскій.

Годы господства тори (1710—1714) были вмѣстѣ съ тѣмъ и годами наибольшаго развитія политической дѣятельности Свифта. Онъ не занималъ никакого, ни большаго, ни маленькаго формальнаго поста, онъ былъ, если хотите, все тѣмъ же приходскимъ священникомъ, хотя и отказался уже отъ мѣста въ Ларакорѣ, но не разъ въ критическія минуты руководилъ политикой министерства, радикально измѣнялъ въ желаемую сторону общественное мнѣніе и *de facto* стоялъ во главѣ общественныхъ дѣлъ.

Періодъ выжиданія кончился. Въ сентябрѣ 1710 года

Свифтъ отправляется въ Англію снова съ порученіемъ, на этотъ разъ уже отъ всей епископской скамьи, ходатайствовать о возвращеніи конфискованныхъ «десятинъ и первинокъ». Онъ лично не зналъ ни Гарлея, ни Сень-Джона (Боллингброка), въ рукахъ которыхъ теперь находилось министерство; ему не хотѣлось ѣхать въ Англію и онъ рѣшилъ не оставаться тамъ дольше, чѣмъ потребууетъ возложенная на него миссія. Виги встрѣтили его съ распростертыми объятіями, говоритъ онъ Стеллѣ въ своемъ «Дневникѣ», и готовы были ухватиться за него, какъ утопающій за соломенку. Выдающіеся представители партіи, бывшіе министры, принимаютъ его у себя, объясняютъ бывшія недоразумѣнія, приглашаютъ обѣдать. Галифаксъ предлагаетъ выпить за возвращеніе виговъ къ власти, онъ соглашается, но прибавляетъ — и за преобразование въ ихъ средѣ. Онъ по прежнему поддерживаетъ отношенія съ выдающимися писателями вигами, Аддисономъ, Стиллемъ, и принимаетъ участіе въ газетѣ «*Болтунъ*». Но онъ уже видитъ, что съ вигами у него собственно все порвано и что не подвертывалось только случая, который сблизилъ бы его съ тори. Такой случай скоро представился. «Сегодня, пишетъ онъ въ «Дневникѣ», меня познакомили частнымъ образомъ съ Гарлеемъ; онъ отнесся ко мнѣ съ величайшимъ вниманіемъ и любезностью, и назначилъ время и часъ..., когда я могу изложить ему свое дѣло». Черезъ нѣсколько дней онъ снова видѣлся съ Гарлеемъ, и миссія его почти была достигнута: министръ обѣщалъ представить все дѣло на усмотрѣніе королевы; вопросъ оставался открытымъ только относительно того, какъ скоро это возможно будетъ сдѣлать. Затѣмъ онъ познакомился съ Сень-Джономъ и другими выдающимися тори. Съ этихъ поръ онъ открыто становится на сторону послѣднихъ и подвергается упрекамъ со стороны своихъ прежнихъ друзей, съ которыми еще поддерживаетъ отношенія. Гарлей, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, говорилъ ему, что они, тори, боялись только одного его и рѣшили привлечь его на свою сторону. Оказалось, что для этого не требовалось особенныхъ усилій, такъ какъ всѣ симпатіи Свифта были уже на ихъ сторонѣ. Но вопросъ, — кто завоевалъ кого: министерство ли Свифта, или Свифтъ министерство?

Въ чемъ же состояла задача этого своеобразнаго министра безъ портфеля? Онъ долженъ былъ защищать администрацію новымъ оружіемъ, получившимъ уже тогда большое значеніе— перомъ. А кто могъ и даже можетъ по настоящее время сравняться въ искусствѣ владѣть этимъ оружіемъ со Свифтомъ? Гарлей и Болингброкъ, послѣдній самъ блестящій писатель, прекрасно понимали это и, принимая въ свою среду «сумасшедшаго попа», они платили лишь должное силѣ ума и дарованія. И Свифтъ относился къ оказываемому ему вниманію также какъ къ должному, держался, какъ равный съ равными, и съ крайнимъ негодованіемъ встрѣчалъ малѣйшее посягательство на свое достоинство. Однажды Гарлей вздумалъ его отблагодарить за нѣкоторыя услуги, приславъ 50 фунтовъ. Свифтъ пришелъ въ бѣшенство, и потребовалось не мало усилія и заискиванія, чтобы примирить его съ первымъ министромъ. Въ другой разъ Болингброкъ позволилъ себѣ нѣкоторую холодность въ обращеніи съ нимъ; Свифтъ тотчасъ же предупредилъ его, что если ему нездоровится, то онъ долженъ сказать объ этомъ своимъ друзьямъ, а не заставлятъ ихъ теряться въ догадкахъ относительно причины его сухости: «онъ едва ли бы снесъ подобное отношеніе даже со стороны коронованной особы». Свифтъ былъ допущенъ въ самый интимный кругъ; онъ присутствовалъ на частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ между Гарлеемъ, Болингброкомъ и Гаркуромъ, державшими въ своихъ рукахъ всѣ дѣла. Такое доказательство вниманія онъ понималъ, признавалъ и принималъ. «Они называютъ меня, пишетъ онъ въ «Дневникѣ», по просту Джонатаномъ, и я увѣренъ, сказалъ я имъ, что вы и оставите меня такимъ же Джонатаномъ, какъ нашли. и что я не знаю такого министерства, которое сдѣлало бы что нибудь для тѣхъ, въ дружбу съ кѣмъ оно вступаетъ; такъ и вы поступите, въ этомъ я увѣренъ; но это меня мало заботитъ».

Съ конца 1710 года Свифтъ начинаетъ писать въ торійской газетѣ «*Examiner*» («Исслѣдователь») и работаетъ въ ней до половины слѣдующаго года. Никогда защита администраціи не велась съ большимъ умѣньемъ и съ большимъ успѣхомъ. Положеніе тори было довольно затруднительно.

Имѣ была навязана война, затѣянная вигами, и Мальборо, покрывшій славою англійское оружіе, являлся ихъ естественнымъ врагомъ; «денежные люди» также, что угрожало затрудненіями въ финансовыхъ дѣлахъ: наконецъ, между самими ими не было полного согласія, и группа дикихъ тори, образовавшихъ «Октябрьскій клубъ», пыталась не разъ увлечь министерство на путь всяческихъ крайностей. Приходилось дискредитировать виговъ въ общественномъ мнѣніи и поддерживать единеніе въ своихъ рядахъ. Свои статьи Свифтъ направлялъ, какъ противъ принциповъ, такъ и противъ отдѣльныхъ лицъ. Это были, конечно, чисто боевыя статьи, скорѣе дѣла, а не слова, а потому, какъ произведенія пера, они не представляютъ теперь интереса. Свифтъ не заботится ни о краснорѣчїи, ни о логикѣ, даже правда его мало беспокоитъ; ему нужно мѣтко направленнымъ ударомъ поразить врага, и онъ пускаетъ въ ходъ все, осмѣиваетъ и оплевываетъ, издѣвается и топчетъ въ грязь и, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ. Онъ доказываетъ, что у виговъ вовсе нѣтъ никакихъ принциповъ, что мѣсто принциповъ занимаютъ здѣсь лица и что всякій, признающій бывшее министерство, считаетъ себя вигомъ. «Денежнымъ людямъ» онъ противопоставляетъ земледѣльческій классъ и коритъ виговъ за то, что они сыграли въ руку разнымъ спекулянтамъ и банковымъ дѣльцамъ и принесли въ жертву этимъ послѣднимъ интересы и благосостояніе страны. Но главной опорой вигизма былъ все еще Мальборо. Тори не могли чувствовать себя безопасными, пока продолжалась война и пока во главѣ арміи стоялъ побѣдоносный Мальборо. Свифтъ уже въ *Examiner*'ѣ дѣлалъ нерѣдко вылазки противъ него, не называя однако прямо по имени, но описывая такъ обстоятельно его характерныя слабости, что каждый безъ труда могъ угадать, о комъ идетъ рѣчь. Это были маленькія прелюдіи къ большому выходу, къ его знаменитому памфлету «*Поведеніе союзниковъ*».

Въ пылу борьбы Свифтъ не забывалъ и общества. Къ тому же этого дерзкаго и рѣзкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумнаго и насмѣшливаго человѣка принимали повсюду охотно. Раньше, совершая часто довольно продолжительныя путешествія пѣш-

комъ, онъ останавливался въ самыхъ дешевыхъ гостинницахъ, знакомился съ жизнью простого народа, не гнушался вступать въ разговоры съ трактирной прислугой и всякаго рода подозрительнымъ людомъ,—онъ присматривался къ одной сторонѣ жизни. Теперь онъ могъ наблюдать другую. Передъ нимъ развертывалась со всѣмъ своимъ мишурнымъ блескомъ, скрывавшимъ прогнившую сердцевину, придворная жизнь. Здѣсь собирался «цвѣтъ» англійскаго общества того времени, «блестящаго» вѣка Людовика XIV. Но Свифтъ обладалъ слишкомъ пронизательнымъ умомъ, чтобъ этотъ «блескъ» могъ укрыть отъ его глазъ дѣйствительные мотивы, приводившіе въ движеніе весь этотъ великосвѣтскій кругъ. Рубище и золотомъ расшитая одежда не значатъ ровно ничего, когда человѣкъ заглядываетъ въ ту глубину души, какая интересовала Свифта. Впослѣдствіи въ «Путешествіяхъ Гулливера» онъ изложилъ съ убійственной аккуратностью и обстоятельностью все, что онъ наблюдалъ и изучалъ теперь... А пока онъ развлекался вмѣстѣ съ этимъ шумнымъ обществомъ, участвовалъ въ прогулкахъ, раутахъ, охотахъ и т. д. Нѣкоторое время онъ жилъ въ окрестностяхъ Лондона, такъ какъ здоровье его начало разстраиваться, но ежедневно посѣщалъ городъ и своихъ друзей.

Между тѣмъ министерство вело уже тайные переговоры о заключеніи мира, сопровождавшіеся цѣлымъ рядомъ интригъ и скандаловъ, подавшихъ поводъ обвинять впослѣдствіи торійскихъ министровъ въ измѣнѣ.

Многаго изъ того, что происходило въ дѣйствительности, Свифтъ не зналъ вовсе, но убѣжденный въ настоятельной необходимости мира, онъ стоялъ всегда на стражѣ министерства и ловко парировалъ удары противниковъ. Защищая и защищаясь, онъ въ то же время не терялъ случая дѣлать нападенія. Памфлетъ «*Поведеніе союзниковъ*» представляетъ собою рѣшительную атаку, передъ которой не устояли противники. Свифтъ силою своего генія, среди разныхъ скандальныхъ случайностей, не только возбудилъ общественное мнѣніе, но и рѣзко повернулъ его отъ войны къ миру и доставилъ полное торжество тори. Благодаря своему положенію, онъ могъ воспользоваться оффиціальными документами. И онъ черпаетъ

изъ нихъ необходимые факты, проливаетъ свѣтъ на мотивы, руководившіе людьми, желавшими войны, выдвигаетъ аргументъ за аргументомъ такъ, что они производятъ подавляющее впечатлѣніе, и заставляють читателя признать свой выводъ неизбѣжнымъ и единственно вѣрнымъ. Весь памфлетъ дышетъ страстнымъ негодованіемъ и вызываетъ въ читателѣ такое же чувство. Въ виду всенароднаго бѣдствія, Свифтъ укоряетъ безумцевъ, которые считаютъ «эхо лондонской кофейни» за «голосъ всего королевства». Бѣдствіе это длилось слишкомъ долго: мы вели, говоритъ онъ, двѣ войны, изъ которыхъ каждая продолжалась по десять лѣтъ, за интересы, намъ вовсе чуждые; если война продлится еще пять лѣтъ, мы будемъ окончательно разорены. Мы великодушно стали во главѣ дѣла, тогда какъ намъ въ самомъ крайнемъ случаѣ не слѣдовало выходить изъ роли поддерживающихъ союзниковъ; мы сражались, когда вовсе не слѣдовало; мы уклонялись отъ рѣшительныхъ дѣйствій, когда наши интересы поставлены были на карту; мы дозволяли нашимъ союзникамъ нарушать принятыя на себя обязательства; мы продолжали войну и не остановились даже передъ тѣмъ, чтобы заложить всю націю, сдѣлавъ позорный заемъ въ 50 милліоновъ; мы брали города, но каждый изъ нихъ стоилъ намъ шести милліоновъ и доставался не намъ, а союзникамъ; мы одерживали блистательныя побѣды, но они приносили намъ лишь пустую славу... Далѣе онъ съ большимъ искусствомъ показываетъ, что народъ поддерживалъ войну лишь по своему ослѣпленію, находясь въ состояніи какой-то безумной летаргіи, но что теперь настало время пробудиться и освободиться отъ рабскаго подчиненія лживымъ совѣтникамъ. Затѣмъ онъ нападаетъ на Мальборо, обвиняя его въ хищничествѣ, на капиталистовъ и банковыхъ дѣльцовъ, которые разжирѣли на народномъ бѣдствіи, на вѣговъ, продажность и своекорыстіе которыхъ и есть причина всѣхъ бѣдъ.—Памфлетъ имѣлъ необычайный успѣхъ. Да это былъ собственно не памфлетъ, а горячій манифестъ, написанный, какъ это всякимъ чувствовалось, по внушенію министерства, съ глубокимъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и съ несравненнымъ искусствомъ. Опубликованный 27 ноября, онъ уже 1 декабря вышелъ вторымъ изданіемъ, которое ра-

зошло въ четыре часа. Въ теченіе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ было продано 11 тысячъ экземпляровъ. Не нужно забывать, что все это происходило въ началѣ XVIII вѣка, когда публицистика только что народилась. Мальборо, герой войны, находился въ это время въ Лондонѣ и составлялъ центръ вигизма. При дворѣ велась усиленная интрига противъ тори; въ палатѣ лордовъ образовалось даже незначительное большинство, поддержавшее поправку виговъ въ адресѣ королевѣ по поводу мира. Положеніе становилось опаснымъ. Свифтъ уже склоненъ былъ считать дѣло проиграннымъ и испытывалъ крайне угнетенное состояніе. Но его друзья-министры сохраняли полное спокойствіе, даже равнодушіе, что его еще больше раздражало. Дѣло однако было сдѣлано: Мальборо потерялъ свою популярность, парламентская коммисія потребовала отъ него отчетъ въ его дѣйствіяхъ, а затѣмъ онъ былъ отстраненъ отъ занимаемыхъ должностей и лишенъ отличій.

Въ то же время въ палату лордовъ вступило двѣнадцать вновь пожалованныхъ лордовъ и торійское большинство было обезпечено. Свифтъ и тори торжествовали. Приходскій священникъ безъ мѣста находился теперь на верху своего могущества. Онъ оказываетъ массу услугъ лицамъ, обращающимся къ нему съ разными просьбами; протезируетъ начинающимъ литераторамъ, доставляетъ мѣста священникамъ и т. д. Въ кофейной всѣ ему кланяются, рассказываетъ Кеннетъ въ своемъ дневникѣ; въ пріемной онъ главное лицо, всѣ къ нему обращаются и совѣтуются, онъ точно министръ по части прошеній. Мы не станемъ перечислять здѣсь, чтобы не пестрить страницу, именъ тѣхъ знакомыхъ и не знакомыхъ, пріятелей и не пріятелей, которымъ онъ оказывалъ въ разное время тѣ или другія услуги; скажемъ только, что они многочисленны. Съ лицами, принадлежащими къ высшему обществу, онъ по прежнему держится гордо и высокоомѣрно. Такъ, когда герцогъ Шрусбернъ появился въ первый разъ на ихъ субботнихъ обѣдахъ, онъ замѣтилъ Сень Джону, что не желаетъ видѣть въ своемъ обществѣ незнакомое лицо... Герцогу Боккингэму, заявившему желаніе познакомиться съ нимъ, онъ просилъ передать, что герцогъ еще

недостаточно предупредителенъ по отношенію къ нему и что онъ требуетъ тѣмъ большей предупредительности, чѣмъ высшее положеніе человѣкъ занимаетъ въ обществѣ.

Свифтъ однако былъ не изъ числа людей, самодовольно успокаивающихся, разъ они добились успѣха. Тори торжествовали, но онъ хотѣлъ дальнѣйшаго развитія и осуществленія ихъ программы; его беспокоила и раздражала медленность и нерѣшительность министерства; онъ замѣчалъ уже признаки несогласія между двумя главными лицами министерства, его друзьями Гарлеемъ и Боллингброкомъ; мало по малу онъ сталъ убѣждаться, что и его друзья борются изъ за положенія, а не изъ-за принциповъ. Все это дѣйствовало угнетающимъ образомъ на его настроеніе и питало то презрѣніе къ человѣческой природѣ, тотъ цинизмъ, который въ послѣдній годъ жизни принесъ свои обильные плоды. Теперь же онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ дѣломъ партіи, такъ гениально защищаемой имъ, и ему оставалось только содѣйствовать ея дальнѣйшимъ успѣхамъ. И онъ съ горячностью брался за это дѣло, но всякій разъ наталкивался на указанное выше непреодолимое препятствіе. Для человѣка съ складомъ характера Свифта подобное положеніе становится невыносимымъ. Внѣшнія условія благопріятствовали однако временному затишью партійной борьбы; центръ политическихъ интригъ былъ перенесенъ теперь въ Утрехтъ, гдѣ вырабатывались условія окончательнаго соглашенія между заинтересованными державами. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1713 г. пришли въ Англію вѣсти о заключенномъ мирѣ. Немного раньше Свифтъ писалъ по этому поводу архіепископу Кингу: «Мы сдѣлали все, что могли. Объ остальномъ пусть заботятся потомки».

Настало время подумать Свифту о своемъ личномъ положеніи: теперь онъ могъ потребовать вознагражденіе за услуги, оказанныя имъ. Его беспокоило будущее; несогласіе среди министровъ могло повести къ торжеству виговъ, на снисхожденіе которыхъ къ себѣ онъ, конечно, не могъ рассчитывать. Онъ долженъ получить независимое положеніе; онъ заслужилъ его. Министры медлили; имъ, очевидно, не хотѣлось разставаться съ нимъ; они хорошо знали, насколько обязаны ему своимъ

успѣхомъ и какою силою располагають, удерживая его при себѣ. Свифтъ настаивалъ; онъ пересталъ писать, пока его требованіе не будетъ удовлетворено. Королева была настроена противъ него; она помнила «Сказку о бочкѣ» и считала его безбожникомъ. «Виндзорское пророчество», въ которомъ Свифтъ насмѣялся надъ герцогиней Сомерсетъ, придворной фавориткой, также не прошло для него даромъ. Переговоры о мѣстѣ тянулись долго и сильно раздражали Свифта; «если министры безсильны разубѣдить королеву въ ея предубѣжденіи. писать онъ въ дневникѣ, то онъ хочетъ знать, по крайней мѣрѣ. это». Въ концѣ концовъ ему пришлось примириться на мѣстѣ декана при церкви Св. Патрика въ Дублинѣ. Конечно, это было слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, чего онъ хотѣлъ и рассчитывать на что имѣлъ полное право, но выбирать не приходилось. Ирландію онъ не любилъ и всегда считалъ ее мѣстомъ своего изгнанія и ссылки И вотъ теперь, послѣ того какъ онъ боролся въ первыхъ рядахъ, даже во главѣ торж и доставилъ имъ побѣду, судьба, точно на смѣхъ, улыбнулась ему только злополучной Ирландіею... Легко понять, какія чувства грызли гнѣвное сердце этого несокрушимого борца, когда онъ покинулъ Англію.

Скоро однако министры, раздоръ между которыми все усиливался, почувствовали, что они лишились человѣка крайне необходимаго. Имъ нужно было не только его перо, но и онъ самъ, его примиряющее вліяніе. Несогласія между Гарлеемъ и Болингброкомъ угрожали гибелью торійскому кабинету. Едва Свифтъ успѣлъ прибыть въ Дублинъ, какъ онъ уже получаетъ письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что его нѣтъ въ Лондонѣ, что онъ былъ бы крайне полезенъ въ данный моментъ, что онъ только могъ бы убѣдить министровъ во всѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ ихъ несогласія. Вслѣдъ за тѣмъ ему уже пишутъ прямо: «Лордъ казначей желаетъ, чтобы вы поспѣшили какъ можно скорѣе сюда: вы крайне нужны намъ». Съ Гарлеемъ Свифтъ былъ связанъ не только политикой, но и чувствомъ глубокой дружбы; съ Болингброкомъ онъ былъ также близокъ. Поэтому, забывая о своихъ личныхъ обидахъ, онъ рѣшился еще разъ придти на помощь своимъ соотечественникамъ. Кромѣ того, Дублинъ встрѣтилъ своего новаго декана паскви-

лями, уличными насмѣшками и свистомъ, такъ что онъ на первыхъ порахъ даже выѣхалъ изъ города. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Свифтъ былъ уже въ Англiи и снова ринулся въ партійную борьбу, но на этотъ разъ онъ уже не имѣлъ такого успѣха. Одинъ изъ его памфлетовъ носилъ личный характеръ, — онъ былъ направленъ противъ Стилла, а другой — общій, противъ виговъ («*Общественный духъ виговъ*»). Въ этомъ послѣднемъ Свифтъ, между прочимъ, жестоко напалъ на шотландскихъ представителей въ парламентѣ; послѣднiе, задѣтые за живое, оскорбились и обратились in corpore съ просьбой къ королевѣ наказать виновнаго въ дерзкомъ поношенiи народнаго достоинства. Гарлей, дѣйствовавшiй вообще двусмысленно и нерѣшительно, чтобы замаять это дѣло, послѣшилъ издать прокламацiю, въ которой предлагалось 300 фун. вознагражденiя тому, кто откроетъ автора преступнаго памфлета, и привлекъ къ отвѣтственности издателя и типографщика. Онъ, конечно, прекрасно зналъ, кто авторъ, и передалъ даже черезъ Свифта 100 фун. для вознагражденiя указанныхъ лицъ, служившихъ лишь простымъ орудiемъ. Эта гроза однако безслѣдно прошла надъ головой Свифта, въ то время, какъ его противникъ (нѣкогда другъ) Стиллъ жестоко поплатился за свои несдержанныя нападки на тори въ парламентѣ, членомъ котораго онъ состоялъ тогда: онъ былъ изгнанъ изъ палаты общинъ. Главные предметы партiйныхъ споровъ составляли теперь: условiя Утрехтскаго мира, торговый договоръ и вопросъ о престолонаслѣдiи, такъ какъ королева Анна доживала свои послѣднiе дни и, за отсутствiемъ прямого наслѣдника, призракъ претендента (Стюарта) снова сталъ смущать общественное мнѣнiе. Хотя общiя условiя складывались неблагопрiятно для тори, такъ какъ ихъ, во первыхъ, всегда подозревали въ якобитскихъ интригахъ, а во вторыхъ, девизомъ общественнаго мнѣнiя было уже не «Сачеверелль и церковь», а «Торговля и шерсть», тѣмъ не менѣе самое большое мѣсто торiйскаго кабинета составляли несогласiя между Гарлеемъ и Болингброкомъ. Свифтъ дѣятельно принялся за ихъ примиренiе. Въ послѣднiй разъ они собрались въ домѣ леди Машамъ. Свифтъ говорилъ: «если вы придете къ соглашенiю, все остальное можно

поправить въ двѣ минуты: если же нѣтъ, то министерство погибнетъ черезъ два мѣсяца». Боллингброкъ соглашался съ нимъ, а Гарлей увертывался отъ прямого отвѣта, говоря: «все пойдетъ хорошо», и звалъ его обѣдать къ себѣ на слѣдующій день. Отчаявшись, Свифтъ сказалъ имъ, что онъ не желаетъ быть очевидцемъ неизбежной катастрофы и уѣдетъ.

Онъ былъ слишкомъ гордъ и самолюбивъ для того, чтобы оставаться и спокойно созерцать торжество своихъ враговъ. Онъ удалился временно въ Беркшайръ и здѣсь, отказавшись отъ всякой политики и выжидая дальнѣйшихъ событій, занимался чтеніемъ, предавался печальнымъ размышленіямъ, гулялъ, отдыхалъ и подумывалъ объ обратномъ возвращеніи въ Ирландію. Въ этотъ пріѣздъ онъ сошелся еще тѣснѣе съ своими литературными друзьями, Арбэтнотомъ, Попомъ, Гейемъ. Не разъ ему приходила въ голову мысль, въ виду столь печальнаго конца всѣхъ его усилій, зачѣмъ онъ промѣнялъ литературныя занятія на партійную борьбу, и онъ сожалѣлъ.

Окончательная развязка не долго заставила себя ждать. Предсказаніе Свифта сбылось: министерство рухнуло. Сначала Гарлей былъ смѣщенъ и Боллингброкъ, повидимому, торжествовалъ, но черезъ нѣсколько дней смерть королевы положила конецъ господству торійской партіи. Торжество виговъ сопровождалось жестокимъ преслѣдованіемъ торіи. Гарлей былъ арестованъ и заключенъ въ Тоуэръ, Боллингброкъ бѣжалъ во Францію, Ормондъ также. Свифтъ заблаговременно удалился въ Дублинъ и здѣсь ожидалъ своей участи. Не смотря на то, что ему угрожала также серьезная опасность быть арестованнымъ, онъ не скрывалъ своей оппозиціи новому порядку вещей, переписывался съ опальными друзьями и предлагалъ даже Гарлею раздѣлить его участь.

ГЛАВА V.

Свифтъ, какъ ирландскій патріотъ.

Положеніе Ирландіи — Свифтъ въ Дублинѣ. — Его взглядъ на положеніе Ирландіи. — *«Предложеніе о всеобщемъ употребленіи издѣлій исключительно ирландскаго производства»*. — Патентъ, выданный Вуду. — *«Письма суконщика»*. — *«Скромное предложеніе»* и т. д. и другіе памфлеты, относящіеся къ Ирландіи. — Поѣздка въ Англію. — Свиданіе съ Вальполемъ. — Крушеніе послѣдней надежды и возвращеніе въ Ирландію.

Ирландія, этотъ вѣчный пасынокъ «коварнаго Альбіона», находилась въ ту смутную эпоху междоусобицъ въ крайне плачевномъ, ужасающемъ положеніи. Ожесточенная борьба между двумя народностями, англосаксами и потомками кельтовъ, обостряемая религіознымъ разногласіемъ, шла не на животь, а на смерть, и Ирландія представляла картину полного опустошенія. Наиболѣе дѣятельная и предприимчивая часть населенія покинула злополучный островъ и искала приложенія своихъ силъ и способностей въ чужихъ странахъ.

Цѣлыя толпы устремились во Францію, гдѣ формировалась ирландская бригада, и храбро дрались подъ французскими знаменами. Но тѣмъ хуже становилось положеніе оставшихся на родинѣ: предоставленные самимъ себѣ и лишеныя поддержки наиболѣе энергичныхъ изъ своихъ соотечественниковъ, они не могли противостоятъ насилію и опускались все ниже и ниже. Свирѣпая суровость законовъ, направленныхъ противъ католиковъ, сокрушала послѣднюю ихъ энергію. Положеніе ирландскихъ протестантовъ, представлявшихъ собою побѣдителей, было также не особенно завидно. На нихъ смотрѣли, какъ на колонистовъ, выселявшихся изъ Англіи для того, чтобы лишь тѣснѣе связать непокорную страну съ метрополіею. Понятно, что интересы ихъ принимались настолько лишь во вниманіе, насколько они совпадали съ интересами самой Англіи, а во всемъ остальномъ

ими также игнорировали, какъ и туземцами-кеттоликами. Малѣйшее проявленіе духа независимости подавлялось и жестоко преслѣдовалось. Ирландія имѣла свой парламентъ, но вся роль и значеніе его сводились къ тому, что овъ принужденъ былъ заниматься простой регистраціею актовъ и декретовъ, присылаемыхъ изъ Англіи: случалось, что у мѣстнаго парламента не спрашивали даже мнѣнія относительно мѣръ, имѣвшихъ чисто мѣстный характеръ. *Home rule*, котораго теперь добиваются ирландцы, тогда существовалъ, но онъ не имѣлъ почти никакого реального значенія. Посылаемые изъ Лондона администраторы заботились лишь о томъ, чтобы нажитъ, всѣ наиболѣе доходныя мѣста были въ ихъ рукахъ. Народное богатство, попадавшее къ нимъ въ руки, расточалось за предѣлами Ирландіи: оно вывозилось въ Англію и здѣсь проживалось. Цѣлая треть земельной ренты, собираемой въ Ирландіи, погибала такимъ же образомъ совершенно безслѣдно для страны, и страшная бѣдность царила повсюду. Въ сферахъ торговой и промышленной Англіи также не забывала своихъ интересовъ. Въ 1663 году въ угоду англійскимъ лендлордамъ, желавшимъ уничтожить своихъ конкурентовъ, былъ изданъ законъ, которымъ запрещалось вывозить изъ Ирландіи въ Англію рогатый скотъ. А между тѣмъ скотоводство составляло одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ отраслей мѣстнаго сельскаго хозяйства. Затѣмъ новый законъ отнялъ у Ирландіи право вести торговыя сношенія съ колоніями. Въмѣсто рогатаго скота ирландцы стали разводить овецъ. Условія, казалось, благоприятствовали развитію этой отрасли производительности. Шерсть, вырабатываемая здѣсь, отличалась хорошими качествами, содержаніе овецъ стоило дешевле, а налоги были легче, чѣмъ въ Англіи; парламентъ вначалѣ не только не противодействовалъ, но даже поощрялъ ирландскихъ шерстепромышленниковъ. Однако, такое благоволеніе продолжалось недолго.

Въ 1694 году былъ опубликованъ билль, по которому ирландскія шерстяныя издѣлія запрещалось вывозить не только въ Англію, но и вообще куда бы то ни было. Эта жестокая мѣра имѣла ужасныя послѣдствія; ихъ даже трудно представить себѣ во всей полнотѣ. Главная промышленность

цѣлой страны была сметена и уничтожена однимъ почеркомъ пера, а населеніе, кормившееся отъ нея, разорено и брошено въ объятія голода. Снова цѣлыя тысячи несчастнаго люда направились въ Германію, Францію, Испанію, Америку. Въ Ирландіи наступилъ хроническій голодъ. Населеніе отказывалось платить подати и налоги. Общественные доходы изсякли. Развилась ужасающая контрабандная торговля съ Франціею, что облегчало нѣсколько положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ приучило народъ къ полному пренебреженію законами. Всей промышленности страны угрожало окончательное разстройство. Дѣйствительно, если англійскій парламентъ посягнулъ на одну изъ самыхъ крупныхъ отраслей производительности, посягнулъ, не справляясь даже съ мнѣніемъ ирландскаго парламента, то гдѣ же была гарантія, что подобная же участь не постигнетъ и всякое другое производство? Для этого достаточно было, чтобы англійскіе промышленники усмотрѣли въ немъ опасную конкуренцію для своихъ предпріятій, и дѣло обречено было на вѣрную гибель. При такихъ условіяхъ у всякаго, понятно, опускались невольныя руки.

Разоривъ шерстяную промышленность въ Ирландіи, англійскій парламентъ не прочь былъ оказать теперь поддержку мѣстной льно и пенько-прядильной. Такъ, въ адресѣ, во-тированномъ по этому поводу, онъ просилъ короля уничтожить первую и оказать содѣйствіе второй, въ отвѣтъ на что Вильгельмъ заявилъ, что онъ употребитъ, съ своей стороны, всѣ усилія, чтобы удовлетворить, какъ одному, такъ и другому желанію парламента. Но эта поддержка походила скорѣе на насмѣшку надъ угнетеннымъ народомъ. Указанныя двѣ отрасли промышленности для Ирландіи имѣли далеко не одинаковое значеніе: шерстяная, какъ замѣчено выше, составляла одну изъ главныхъ отраслей мѣстнаго производства, тогда какъ льняная была развита очень слабо; вывозъ льняныхъ издѣлій въ 1700 году достигалъ всего лишь 14,000 фунт. стерл. Понятно, что одна мѣра не уравнивалась другой, не говоря уже вообще о безразсудствѣ дѣлать подобныя насильственные компенсаціи: разрушать цвѣтущее дѣло и насаждать искусственно неимѣющее будущности.

Въ 1714 году, послѣ того какъ торійское министерство потерпѣло полное пораженіе, Свифтъ отправился въ Ирландію и до конца жизни своей оставался здѣсь въ качествѣ декана при церкви св. Патрика въ Дублинѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не принимаетъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ, но тѣмъ сильнѣе гложетъ его сердце ненависть къ торжествующимъ вигамъ, во главѣ которыхъ стоялъ тогда Вальполь. Свифтъ никогда не любилъ Ирландіи и ирландцевъ и ему въ голову не приходило взять на себя защиту угнетеннаго народа, и если онъ явился, въ концѣ концовъ, въ роли ирландскаго патріота и борца за вольность ирландскаго народа, то къ этому привела его ненависть противъ виговъ и борьба съ министерствомъ Вальполя. Въ началѣ онъ хотѣлъ отстаивать лишь привилегіи ирландской церкви противъ стремленія администраціи превратить ее въ послушное орудіе своихъ предначертаній. Но скоро убѣдился, что оставаться на почвѣ однихъ только церковныхъ интересовъ невозможно, что дѣло идетъ о гораздо болѣе существенныхъ вопросахъ и что для успѣшной борьбы съ жестокой политикой англійскаго министерства онъ долженъ стать на народно-національную почву. Конечно, онъ ясно видѣлъ бѣдственное положеніе разореннаго народа. «Англичане, говоритъ Свифтъ въ одномъ письмѣ, должны стыдиться упрекать и обвинять ирландцевъ въ тупости, невѣжествѣ и трусости. Все это — результаты рабства. Ирландскій крестьянинъ отличается большимъ здравымъ смысломъ, лучшимъ характеромъ, болѣе веселымъ нравомъ, чѣмъ англійскій; но масса всякаго рода угнетеній, тиранія лендлордовъ, фанатизмъ католическихъ священниковъ и всеобщая нищета — развѣ этого мало, чтобы сокрушить и унижить всякій народъ даже съ самыми лучшими задатками». Главное зло онъ видитъ въ своекорыстной политикѣ министерства «Не смотря на то, что колонисты въ Ирландіи тѣ же англичане и пользуются правами англійскаго гражданства, интересы ихъ приносятся въ жертву метрополіи, торговля самымъ произвольнымъ образомъ насилуется, всѣ доходныя должности замѣщаются людьми пріѣзжими, въ силу чего мѣстная аристократія, лишенная возможности увеличивать свои доходы службою, налегаетъ на фер-

меровъ и требуетъ такой непомерно высокой ренты, что послѣдніе лишены возможности одѣвать своихъ дѣтей въ сапоги и чулки, ѣсть мясо, пить что либо, кромѣ кислаго молока, разведеннаго водою!.. вся страна представляетъ одну сплошную картину нищеты и опустошенія и можетъ поспорить въ этомъ отношеніи даже съ пустынной Лапландіей; законы издаются безъ согласія націй; суда приходится искать за многія сотни миль; правители не питаютъ никакихъ симпатій къ управляемымъ... Однимъ словомъ, все, что можетъ только сдѣлать народъ несчастнымъ и презрѣннымъ, соединилось, чтобъ обрушиться на бѣдную Ирландію». Такъ Свифтъ описывалъ положеніе страны въ письмѣ, прочитанномъ частнымъ образомъ Вальполю. Но почему онъ только теперь обратилъ вниманіе на всѣ эти народныя бѣдствія, почему онъ раньше не замѣчалъ ихъ? Вѣдь онѣ существовали въ равной мѣрѣ и тогда, когда онъ чуть ли не руководилъ политикой министерства? Причины ясны. Партиійная борьба захватила Свифта всецѣло: она закрыла, она же и раскрыла ему глаза; а разъ вниманіе его было возбуждено, сила генія увлекала его, быть можетъ даже гораздо дальше, чѣмъ онъ самъ сознательно допускалъ то. Его ближайшіе родные были въ толпѣ тѣхъ жадныхъ англичанъ, которые нахлынули въ Ирландію въ надеждѣ создать свое благополучіе на народномъ бѣдствіи. Свифтъ загладилъ ихъ прегрѣшенія. Онъ пробудилъ въ рабски-забитомъ народѣ сознаніе собственной силы и собственного достоинства, соединилъ и воодушевилъ разрозненныхъ въ своей приниженности ирландцевъ однимъ чувствомъ, одной мыслью и двинулъ ихъ на борьбу за свою независимость. Великій геній негодованія оплодотворилъ собою покорную пассивность, и она сбросила оцѣпѣненіе и поднялась, какъ одинъ человѣкъ...

Цѣлыхъ шесть лѣтъ Свифтъ провелъ въ молчаніи, занятый своимъ личными отношеніями къ двумъ женщинамъ, Стеллѣ и Венессѣ, обострившимся какъ разъ около этого времени, и дѣлами по деканству. Предшествующая чрезмѣрно дѣятельная жизнь какъ бы истощила его силы, и нужно было время, чтобы гнѣвъ снова переполнилъ его душу и вырвался съ неудержимой силой. Первый его памфлетъ на защиту Ирландіи

относится къ 1720 году, это — «Предложеніе о всеобщемъ употребленіи издѣлій исключительно ирландскаго производства». Какъ показываетъ самое заглавіе, памфлетъ направленъ противъ алчныхъ англійскихъ промышленниковъ, стремившихся при поддержкѣ министерства заполнить ирландскіе рынки товарами своего производства. Свифтъ предлагаетъ отвѣтить на эту политику полнымъ отказомъ покупать товары, привозимые изъ Англій, и составить всеобщій союзъ для употребленія исключительно мѣстныхъ издѣлій. Памфлетъ дышетъ благороднымъ негодованіемъ, которое, какъ бы умышленно сдерживаемое, прорывается въ короткихъ, сильныхъ, бьющихъ, точно молотомъ, фразахъ. Свифтъ не заботится о томъ, правильны или нѣтъ политико-экономическія основанія, служащія ему исходной точкой, да объ этомъ вообще тогда еще мало знали. Если бы ему стали указывать на ошибочность его политико-экономическихъ взглядовъ, выраженныхъ какъ въ этомъ памфлетѣ, такъ и въ «Письмахъ суконщика», онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что дѣло вовсе не въ томъ, ошибочны ли или нѣтъ, а въ томъ, что никакія политико-экономическія истины не могутъ быть приложимы въ Ирландіи, такъ какъ здѣсь царитъ произволъ и тиранія центрального правительства. Народъ поработенъ лендлордами, но сами лендлорды поработены эгоистическимъ правительствомъ, а рабъ имѣетъ природную склонность быть тираномъ по отношенію къ человѣку, находящемуся отъ него въ зависимости. «Я не знаю (а можетъ быть, впрочемъ, знаю слишкомъ хорошо), говоритъ насмѣшливо Свифтъ, какъ это происходитъ, что рабы обнаруживаютъ прирожденное расположеніе къ тираніи; такъ, когда выше меня стоящіе даютъ мнѣ подзатыльника, то я вымещаю свою обиду съ ушестеренной силой на лакея, который, быть можетъ, вполне честный и старательный слуга». Замѣчаніе вполне вѣрное: такова природа человѣческая. Съ нею надо считаться, и Свифтъ считается: онъ направляетъ свой гнѣвъ на тѣхъ, кто въ данномъ случаѣ щедрою рукою расточалъ подзатыльники...

Памфлетъ былъ объявленъ преступнымъ; противъ автора и издателя возбуждено преслѣдованіе; но авторъ былъ, какъ и всегда, неизвѣстенъ; издателю же пришлось попасть на скамью

подсудимыхъ. Однако памфлетъ произвелъ свое дѣйствіе: присяжные не находили преступленія и отказывались вынести обвинительный приговоръ. Какъ ни распинался лордъ главный судья Уайтшедъ, какъ онъ ни клялся, что тайнымъ умысломъ автора было сыграть въ руку претендента, присяжные оставались при своемъ; девять разъ онъ отсылалъ ихъ въ совѣщательную комнату и продержалъ цѣлыхъ 11 часовъ, прежде чѣмъ успѣлъ добиться отъ нихъ «спеціальнаго приговора», въ силу котораго дѣло считалось неоконченнымъ и подлежало вторичному разсмотрѣнію. Однако общественное мнѣніе было такъ возбуждено и настроено въ пользу несчастнаго издателя что власти рѣшили прекратить его вовсе. Свифтъ одержалъ полную побѣду, но еще большая ожидала его впереди.

Въ это время въ Ирландіи ощущался большой недостатокъ въ мѣдной монетѣ, что значительно затрудняло разныя мелкія сдѣлки. Поэтому правительство выдало патентъ нѣкому Вуду на чеканку 108 тыс. фунт. мелкой монетой. Сама по себѣ благодѣтельная мѣра эта была такъ скверно обставлена, что не замедлила вызвать противъ себя общественный протестъ. Во первыхъ, Вудъ пользовался въ Ирландіи нехорошей репутаціей. Во вторыхъ, сумма 108 тыс. была слишкомъ велика, рассчитанная, очевидно, просто на то, чтобы отъ нея могли поживиться многіе; дѣйствительно, герцогиня Кендалъ за содѣйствіе получила отъ Вуда 10 тыс. фунт., затѣмъ немало перепало болѣе мелкой сошкѣ, наконецъ самъ Вудъ рассчитывалъ положить себѣ въ карманъ около 30 тыс. фунт. Въ третьихъ, правительство не сочло нужнымъ даже запросить мнѣніе ирландскаго парламента относительно мѣры, касающейся исключительно Ирландіи; оно обошло даже вице-короля. Мало по малу веѣ эти обстоятельства выяснились; общественное мнѣніе, приведенное въ движеніе уже первымъ памфлетомъ Свифта, снова заволновалось: обѣ палаты парламента, съѣзды мировыхъ судей, торговая гильдія и т. д. обратились съ адресами къ королевѣ. Недовольство существовало, но оно не находило еще для себя достаточно сильнаго выраженія. Нужно было мощное слово, которое превратило бы это недовольство въ негодованіе, расшевелило бы робкихъ и объединило бы всѣхъ

однимъ чувствомъ и одной мыслью... Кто же, какъ не Свифтъ, могъ сказать такое слово? И онъ его сказалъ.

Первое «*Письмо суконщика*» къ Ирландскому народу появилось въ 1724 году. Въ немъ Свифтъ нападаетъ на Вудовскую монету, на ея низкопробность и полную негодность. Онъ обращается къ лавочникамъ и рассказываетъ имъ, какъ они будутъ отдавать свое добро за ни на что не годный «шлакъ»; затѣмъ, не смущаясь противорѣчіемъ, онъ обращается къ крестьянамъ и рисуетъ имъ картину, какъ они прійдутъ за покупками въ лавку съ этимъ «шлакомъ» и принуждены будутъ уйти ни съ чѣмъ, такъ какъ кто же согласится отпускать товаръ за негодную монету. Всѣмъ будетъ скверно; всякая производительная дѣятельность въ странѣ пріостановится. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: какимъ же образомъ такое всеобщее бѣдствіе могло постигнуть страну? И отвѣчаетъ очень просто: король отъ васъ, ирландцевъ, слишкомъ далеко и вы не можете обманывать его, какъ Вудъ и его пріятели. Затѣмъ онъ еще спрашиваетъ: Что же остается дѣлать? И снова отвѣчаетъ вполне опредѣленно: «Откажитесь отъ этого брака (монеты). Пусть онъ будетъ проклятъ. Не бойтесь нарушить королевскую прерогативу: искаженная прерогатива не есть прерогатива и признавать ее за таковую значить лишь позорить короля. Вся нація, какъ одинъ человѣкъ, должна отвергнуть отъ себя этотъ негодный бракъ... Нѣтъ ничего позорнаго попасть въ лапы льва; но кто, не потерявшій еще образа человѣческаго, согласится покорно отдать себя живьемъ на растерзаніе презрѣнной крысы»... Однимъ словомъ, Свифтъ предлагалъ примѣнить къ Вудовской монетѣ систему бойкотированія. Слова его падали на подготовленную почву; эффектъ ихъ былъ громаденъ.

Правительство вынуждено было назначить особенную комиссію, которая, разсмотрѣвъ разные протесты противъ патента, обѣлила дѣятельность правительства, уменьшивъ лишь сумму, гарантированную патентомъ, до 40 тысячъ фун. Не успѣлъ этотъ докладъ комиссіи притти въ Ирландію, какъ въ Дублинской газетѣ было напечатано извлеченіе изъ него въ комментаріахъ что, Вудъ, молъ, готовъ обмѣнивать свою

монету не только на серебро, но и на всякаго рода товаръ и уменьшить начеть, взимаемый имъ при обмѣнѣ, до 5%, d.; приче́мъ прозрачно намекалось, что всякое сопротивленіе будетъ считаться нарушеніемъ прерогативъ и вызоветъ неизбежныя репрессіи. На эти намеки и угрозы Свифтъ отвѣтилъ вторымъ «Письмомъ суконщика», адресованнымъ къ издателю газеты. Монета отступаетъ здѣсь уже на второй планъ. Его воспламеняетъ гнѣвомъ безразсудная дерзость предпочесть какого-то Вуда интересамъ цѣлой націи. «Такъ вотъ наша хваленная свобода! восклицаетъ онъ. Она предоставлена усмотрѣнію и милости Вуда! И смѣютъ еще говорить о прокламаціи (по поводу нарушенія прерогативы)! Если она будетъ выпущена, то всякій честный гражданинъ долженъ игнорировать ее, относиться къ ней, какъ къ пустой фикціи, грубой ошибкѣ. Еще разъ, обращается онъ ко всѣмъ, стойте на своемъ, не уступайте, или же не тратьте понапрасно энергіи и надѣвайте на себя покорно ярмо неизбежнаго рабства!»...

Такимъ образомъ, когда получился въ Ирландіи самый докладъ комиссіи, то общество было уже подготовлено, чтобы встрѣтить его надлежащимъ образомъ. Народное сочувствіе поддерживало Свифта. Негодованіе его замѣтно росло и въ глубь, и въ ширь; рѣчи его становились все зажгательнѣе; онъ забывалъ злополучнаго Вуда и переходилъ къ вопросу неизмѣримо болѣе существенному. Въ третьемъ «Письмѣ» онъ обращается къ ирландской аристократіи и провинціальному дворянству. Дѣло идетъ уже не о патентѣ, который безапелляціонно осужденъ общественнымъ мнѣніемъ, а объ общемъ положеніи... Интересы цѣлаго королевства принесены въ жертву какому-то темному проидохѣ. Какъ это могло случиться?.. Не рождается ли ирландецъ столь же свободнымъ, какъ и англичанинъ? Какимъ же образомъ его лишили свободы? Развѣ у ирландскаго народа нѣтъ своего парламента, собранія представителей народа, своего тайнаго совѣта? Развѣ ирландцы не такіе же подданные своего короля, какъ и англичане? Не то же ли самое солнце свѣтитъ имъ и не тому-ли же самому Богу поклоняются они? Свободный въ Англіи, я становлюсь рабомъ черезъ какіе нибудь шесть часовъ, переѣхавъ каналъ!..

Король гарантировалъ патентъ; онъ не можетъ, говорить, отмѣнить его. Хорошо. Тогда вы должны, защищая достоинство короля, сдѣлать то, чего онъ самъ не можетъ, и единодушно отвергнуть всякій фартянгъ, сдѣланный изъ негоднаго шлака... Въ концѣ концовъ, Свифтъ настаиваетъ въ этомъ письмѣ на независимости Ирландіи и указываетъ высшимъ классамъ общества, что это ихъ обязанность отстаивать ее.

Четвертое, самое сильное «Письмо» адресовано ко всему ирландскому народу. Въ немъ Свифтъ еще яростнѣе нападаетъ на беззаконія и злоупотребленія, допускаемыя англійскимъ правительствомъ, и еще сильнѣе взываетъ къ борьбѣ за независимость. Каждая строка въ этомъ письмѣ точно выхвачена изъ самой жизни и звучитъ, какъ натянутая тетива у лука, страшной саркастической силой... «Ирландія зависитъ отъ Англій, говоритъ онъ, въ такомъ же смыслѣ, какъ и Англія отъ Ирландіи. Пусть думаетъ кто какъ хочетъ, я же, клянусь въ этомъ здѣсь, какъ передъ Богомъ, подчиняюсь только своему властелину королю и законамъ своей страны, но не англійскому народу, ни въ какомъ случаѣ. Если бы онъ поднялъ возстаніе и провозгласилъ претендента, то я съ оружіемъ въ рукахъ выступилъ бы противъ него и пролилъ бы послѣднюю каплю крови своей, защищая Ирландію... Угнетайте насъ, если можете, но пока мы будемъ чувствовать въ себѣ малѣйшую силу, мы будемъ свободны... Вы угрожаете, что расплавите свою монету и вольете ее намъ въ горло... Да, только такимъ образомъ, не иначе, вы заставите насъ принять ее»...

Борьба достигла кульминаціонной точки. Правительство признало четвертое письмо преступнымъ и издало прокламацію, въ которой предлагало 300 фун. тому, кто выдастъ автора; издатель же немедленно былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Свифтъ возмутился, отправился къ вице-королю и осыпалъ его упреками за то, что онъ преслѣдуетъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, осмѣлившагося печатать статьи, полезныя для его родины. Издатель однако былъ преданъ суду, во главѣ котораго находился все тотъ же Уайтцедъ. Общественное мнѣніе стояло, конечно, всецѣло на сторонѣ «Су-

конщика»; поэтому присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. Уайтшедь передалъ дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ; результатъ получился тотъ же: мало того, присяжные усмотрѣли въ полупенсахъ Вуда прямой вредъ, наносимый обществу. Правительство принуждено было сдаться и отмѣнило патентъ. Свифтъ торжествовалъ полную побѣду, какая выпадаетъ на долю немногихъ. Онъ сталъ идоломъ народа. Посыпались адреса отъ всякихъ обществъ и собраній. Составлялись баллады въ честь его и распѣвались на улицахъ. Въ каждой тавернѣ собиралось свое общество для прославленія «суконщика»; устраивались митинги и цѣлыя толпы торжественно проходили по улицамъ, распѣвая пѣсни, сложенные въ честь его. Это было замѣчательное торжество поборника народныхъ интересовъ. Когда онъ возвратился въ 1726 г. изъ Англіи, его встрѣтили колокольнымъ звономъ, пылающими кострами на улицахъ, и почетная охрана окружила его и сопровождала до мѣста жительства. Города встрѣчали его, какъ принца. Когда Вальполь заговорилъ о необходимости арестовать его, то ему отвѣтили, что для этого потребуется отрядъ въ 10 тыс. солдатъ. Въ одной изъ своихъ сатиръ Свифтъ жестоко посмѣялся надъ судебнымъ слѣдователемъ, вѣнкомъ Беттесуртсомъ. Тотъ воспылалъ гнѣвомъ и, не добившись удовлетворенія отъ Свифта, поклялся отомстить ему при первомъ удобномъ случаѣ. Граждане Дублина тотчасъ же послали депутацію къ декану и составили добровольный отрядъ для охраны его дома. Какую слѣпую вѣру питалъ народъ къ своему вождю, показываетъ слѣдующій забавный разговоръ Шеридана. Однажды большая толпа собралась наблюдать затмѣніе; деканъ, любившій всегда пошутить, послалъ своего слугу объявить, что въ силу его приказаній затмѣніе отлагается. Толпа повѣрила и разошлась.

Кромѣ «Писемъ Суконщика», Свифтъ написалъ еще нѣсколько трактатовъ и памфлетовъ, относящихся къ Ирландіи, интересами которой ему пришлось жить до конца своей жизни.

Изъ нихъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе выдающіеся: «*Отвѣтъ на статью, озаглавленную: Записка о бѣднякахъ, торговцахъ и рабочемъ людѣ Королевства Ирландіи*»,

«Правила не приложимыя къ Ирландіи», «Былый взглядъ на положеніе Ирландіи», «Предложеніе леди носить ткани Ирландскаго издѣлія» и въ особенности: «Скромное предложеніе въ пользу того, чтобъ помышлять дѣтямъ бѣдныхъ ирландцевъ быть въ тягость своимъ родителямъ или своей странѣ и сдѣлать ихъ полезными для общества». Во всѣхъ этихъ трактатахъ Свифтъ проводитъ взгляды, нашедшіе себѣ уже такое блестящее выраженіе въ «Письмахъ Суконщика»; всѣ они направлены къ одной цѣли, имѣютъ одинъ и тотъ же девизъ, который онъ предлагаетъ ирландцамъ написать на своемъ знамени: «быть независимыми». Свифтъ юноша терзается своимъ униженнымъ положеніемъ и мечтаетъ о личной независимости; Свифтъ почти уже на склонѣ лѣтъ терзается не менѣе мучительно позорнымъ рабствомъ цѣлаго несчастнаго народа и призываетъ своими страстными рѣчами къ борьбѣ за независимость... Поучительная картина: годы лишь расширили его симпатіи... Онъ мало говоритъ о программахъ и практическихъ мѣропріятіяхъ: онъ видитъ, что зло лежитъ гораздо глубже, что никакія цѣлительныя снадобья не помогутъ, пока народъ будетъ находиться въ положеніи раба, что поэтому необходимо первымъ дѣломъ пробудить въ немъ духъ независимости и любовь къ свободѣ. Безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи сила негодованія сдѣлала свое дѣло: она зажгла въ сердцахъ ирландцевъ то пламя, которое съ тѣхъ поръ не потухало уже никогда... Еще нѣсколько словъ о «Скромномъ Предложеніи». Основная мысль его ужасна въ своей простотѣ. Ирландцы гибли въ 1729 г. сотнями отъ голода. «Что же, говоритъ Свифтъ, помочь этому горю не такъ трудно: пусть бѣдные родители откармливаютъ хорошенько своихъ грудныхъ дѣтей и продаютъ ихъ, какъ дичь, на снѣдь богатымъ: дѣтское мясо составитъ прекрасное кушанье. Затѣмъ онъ подробно и обстоятельно развиваетъ свою мысль, показывая, какіе благодѣтельные результаты воспослѣдуютъ для всѣхъ отъ ея осуществленія. Онъ говоритъ самыя чудовищныя вещи, но при этомъ ни одинъ мускулъ не дрогнетъ у него на лицѣ, хотя сердце его горитъ страстнымъ негодованіемъ. Одинъ французскій критикъ принялъ «Предложеніе» въ серъозъ и

комментировалъ его, какъ свидѣтельство ужаснаго положенія Ирландіи. Это—одна изъ самыхъ убійственныхъ сатиръ, когда либо написанныхъ. «Могутъ ли англичане забыть, что лежить на ихъ совѣсти, говоритъ Крэкъ, пока они будутъ читать *Скромное предложеніе* Свифта?»

Однако даже необычайная слава борца за народныя интересы не примирила Свифта съ своей судьбой. Онъ считалъ свое пребываніе въ Ирландіи ссылкой и постоянно рвался отсюда вонъ. Въ 1726 и 1727 годахъ промелькнула было надежда на возможность возвратиться въ Англію и принять снова участіе въ болѣе широкой политической дѣятельности. Свифтъ посѣтилъ Лондонъ, видѣлся съ Вальполемъ, бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ Ирландіи, о церковномъ вопросѣ, причемъ онъ неизмѣнно оставался прежнимъ горячимъ защитникомъ англиканской церкви. Свиданіе не привело ни къ чему. Смерть Георга I еще разъ оживила было его надежды; оппозиція рассчитывала на удаленіе Вальполя и на свое торжество, при помощи Хоуардъ, любовницы но ваго короля, Георга II. Однако всѣ эти надежды скоро рушились: Вальполь остался на долго еще у власти. Это была послѣдняя поѣздка Свифта въ Англію и послѣдняя попытка его вырвать у судьбы то, что онъ считалъ принадлежащимъ себѣ по праву генія. Но въ то время, когда ему пришлось окончательно разстаться съ честолюбивыми мыслями о политической карьерѣ, возшла въ полномъ блескѣ его литературная звѣзда: въ Лондонѣ вышли анонимно его «Путешествія Гулливера».

Свифтъ возвратился въ Дублинъ, «чтобы умереть здѣсь въ бѣшенствѣ, какъ отравленная крыса въ подпольѣ». Здѣсь его ожидалъ еще одинъ роковой ударъ: Стелла была при смерти. Счастіе и несчастіе этого удивительнаго генія, глубина его чувствъ не поддаются общимъ мѣркамъ... Теперь онъ остался одинъ, съ разбитыми надеждами, вдали отъ друзей, съ мучительнымъ сознавіемъ малопонятнаго для насъ, но глубочайшаго несчастья въ своей личной жизни и съ съ тяжелымъ предчувствіемъ ужаснаго конца, который, точно лавина, медленно, но неуклонно надвигался на него. Глядя однажды на дерево съ усохшей верхушкой, онъ сказалъ: «смерть такъ же поразитъ прежде всего мою голову.» Слова эти оказались до нѣкоторой степени пророческими.

ГЛАВА VI.

Свифтъ, какъ писатель.

Общій характеръ его произведеній.—«Сказка о бочкѣ».—«Путешествіа Гулливера».—Мизантропія Свифта.—Шутки Свифта.—«Предсказанія на 1708 г. Бикерстефа».—«Приличный разговоръ».—«Наставленіе слугамъ».—Возкорыстіе Свифта.

Общепризнанная извѣстность Свифта во всемъ культурномъ мірѣ держится на его литературныхъ произведеніяхъ. Его знаютъ какъ взрослые читатели, такъ и дѣти, — послѣднія, быть можетъ, даже больше. Любопытно, что въ то время, какъ дѣти приходятъ отъ него въ восторгъ и восхищеніе, масса читателей-диллетантовъ чувствуютъ себя оскорбленными въ своихъ пустопорожныхъ чувствахъ и со словами: «это циникъ, для котораго нѣтъ ничего святого», отворачиваются отъ него. Но слава и значеніе писателя устанавливается и опредѣляется, къ счастью, не диллетантами. Умы, болѣе глубокіе, а главное, болѣе искренніе, по силѣ своей искренности родственные великому сатирику, поняли чувство негодованія, воодушевлявшее его, и въ его беспощадномъ анализѣ человѣческихъ недостатковъ и пороковъ призвали не циническую забаву и человѣконенавистничество, а въ высшей степени плодотворную и обязательно необходимую работу на пользу прогрессивнаго развитія человѣчества. Дѣйствительно, изъ устъ Свифта вы не слышите, какъ будто, слова любви, — напротивъ, онъ изливаетъ на человѣчество цѣлые потоки злѣйшаго смѣха, язвительнаго издѣвательства, беспощаднаго осужденія. И вы съ удивленіемъ спрашиваете: что же послѣ этого остается отъ человѣчества? Да, для человѣка, для котораго *все* заключается въ общепризнанныхъ условностяхъ, традиціяхъ, учрежденіяхъ и т. д., для такого человѣка не остается почти ничего; но для

человѣка, для котораго *все* лежитъ, съ одной стороны, въ идеалѣ общечеловѣческаго счастья, а съ другой, въ безустанной борьбѣ за это счастье, для такого человѣка, говорю я, святыня остается нетронутой; напротивъ, сатира Свифта сметаетъ прочь все, что заслоняетъ отъ него эту святыню, и такимъ образомъ лишь расчищаетъ путь къ ней. Она, эта сатира, обрушивается на человѣчество, подобно грандіозному ливню, падающему на землю; повсюду образуются бѣшеные потоки; съ яростью они разрушаютъ всякія преграды на своемъ пути, подхватываютъ и уносятъ ихъ; грязь, гадость, отбросы, нечистоты, все, что лежитъ на поверхности земли, все это неизбежно попадаетъ въ потокъ, растворяется и дѣлаетъ чистую дождевую воду грязной и мутной. Но ливень прошелъ, солнце взошло, природа обновилась. Чувствуете ли вы, какое благоуханіе распространяется въ воздухѣ?.. Грязь, гадость, отбросы, нечистоты, бѣшенство, ярость, разрушеніе.. все это есть и въ сатирѣ Свифта, все это составляетъ ея вполнѣ законное содержаніе. Но если вы не чувствуете благоуханія, то виновать въ этомъ вовсе не Свифтъ. Это значитъ, что въ вашей душѣ нѣтъ идеала, или что онъ слишкомъ ограниченъ и ничтоженъ. Вѣдь не можетъ же дѣйствительно ливень въ своихъ потокахъ унести солнце...

Настоящая біографія, по характеру своему, не имѣетъ въ виду критической оцѣнки литературныхъ произведеній Свифта. Но такъ какъ они составляютъ именно то непроходящее, вѣчное, что осталось отъ его жизни, то я вкратцѣ изложу содержаніе главнѣйшихъ изъ нихъ и познакомлю читателя съ обстоятельствами ихъ появленія. Относительно же литературной критики — два слова. Русская критика вовсе не занималась и не занимается Свифтомъ, между тѣмъ, какъ по словамъ Тэна, онъ такъ же великъ въ прозѣ, какъ Шекспиръ въ поэзіи. А развѣ съ «прозѣй», содержаніе которой составляетъ общественная и, даже больше, вообще человѣческая жизнь, критикѣ дѣлать нечего? Это во первыхъ, а во вторыхъ, именно для насъ, русскихъ, Свифтъ представляетъ большой интересъ, такъ какъ въ его крайностяхъ, въ его ненависти ко всякаго рода фальши, мишурѣ, условностямъ, въ его дер-

зости и безстрашіи, неостанавливающимися ни передъ какими выводами, чувствуется нѣчто родственное и понятное намъ.

«Сказка о бочкѣ», написанная въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Свифта (1696 г.) и «Путешествія Гулливера» подъ конецъ ея (1728), составляютъ шедевры не только его пера, но и вообще сатирическаго пера, когда либо существовавшаго. Они дополняютъ одно другое и въ совокупности обнимаютъ всѣ стороны человѣческой жизни. Въ предисловіи къ «Сказкѣ» Свифтъ, между прочимъ, объясняетъ названіе, данное имъ своей сатирѣ: она должна была служить для скептическихъ умовъ, подрывавшихъ тогда основы религіи и государства, той бочкой, которую моряки выбрасываютъ, чтобъ отвлечь вниманіе кита, угрожающаго имъ гибелью. Она состоитъ изъ: посвященія лорду Сомерсу, посвященія принцу Потомству, предисловія, введенія, затѣмъ идетъ самый рассказъ, прерываемый «отступленіями». Изъ послѣднихъ особенно любопытно отступленіе объ оригинальномъ примѣненіи сумасшествія на общественную пользу. Счастье, говоритъ Свифтъ, испытываетъ, лишь тотъ, кто находится въ состояніи постоянного обмана. Мудрость, не проникающая дальше внѣшней поверхности вещей, лучше той, которая назойливо доискивается скрывающейся подъ внѣшней оболочкой реальности. «На прошлой недѣлѣ, говоритъ онъ, я видѣлъ женщину съ ободранной кожей, и вы не повѣрите, какъ сильно это пзмѣнило ея наружность къ худшему». Лучше удовлетворяться поверхностнымъ пониманіемъ и наслаждаться «яснымъ и невозмутимымъ состояніемъ, чѣмъ быть безумцемъ среди прохвостовъ». Затѣмъ онъ рассказываетъ, какъ можно сдѣлать сумасшедшаго человѣка полезнымъ. Курціуса, прыгнувшаго въ бездну, можно разсматривать и какъ героя, и какъ сумасшедшаго. Бѣснующійся, богохульствующій буйный больной Бедлама вполне пригоденъ для того, чтобъ командовать драгунами; а суетливый, горластый, бормочущій безвязныя рѣчи будетъ какъ разъ на мѣстѣ въ Вестминстерѣ; важнаго, вѣчто носящагося съ своими мнѣніями и видающаго хорошо лишь въ потемкахъ посадите предсѣдательствовать въ собраніяхъ диссидентовъ... Да, тутъ неисчерпаемый сырой

матеріалъ, изъ котораго могутъ получиться дѣльные и выдающіеся администраторы, придворные, полководцы, короли... Мы всѣ сумасшедшіе и счастливы настолько лишь, насколько сумасшедшіе. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ истинѣ, тѣмъ больше убѣждаемся, что дѣйствительность отвратительна. Такимъ же образомъ Свифтъ бичуетъ науку, разумъ, издѣвается надъ философами, писателями, комментаторами, объявляетъ, что намѣренъ самъ написать «всеобщую исторію ушей», «панегирикъ цифрѣ 3» и т. д. Однимъ словомъ, самыя ѣдкіе сарказмы сыплются безъ счету на все и всѣхъ.

Эти отступленія прерываютъ главную нить разсказа, важное и неотразимое нападеніе на педантизмъ и скудоуміе, принимающее формы различныхъ теологическихъ системъ.

Отецъ, умирая, оставляетъ тремъ своимъ сыновьямъ, Петру, Мартыну и Ивану, по новому кафтану, и въ завѣщаніи даетъ подробныя наставленія, какъ дѣти должны обращаться съ этой неизнашиваемой одеждою. Нѣкоторое время братья строго исполняли завѣтъ отца, но поселившись въ городѣ, они мало по малу начинаютъ отступать отъ него, усваиваютъ городскіе нравы, поддаются обаянію герцогини *d'Argent*, мадамъ *de Grand Titres*, графини *d'Orgueil*, ведутъ свѣтскую жизнь, содержатъ любовницъ, дерутся на дуэляхъ и т. д. Между тѣмъ возникаетъ секта, возвѣщающая ученія объ одеждѣ, какъ основѣ всякаго бытія, жизни, движенія. Братья чувствуютъ себя въ затруднительномъ положеніи: въ силу отцовскаго завѣщанія они не могутъ приспособлять свою поношенную и загрязненную одежду къ требованіямъ моды. И вотъ они начинаютъ ухищряться въ толкованіяхъ завѣщанія и въ его сокровенномъ смыслѣ находятъ то, что имъ нужно. Такъ напримѣръ, въ моду вошла серебряная бахрома на платьѣ. Братья бросились къ завѣщанію отца и къ величайшему своему удивленію прочли тамъ слѣдующія слова: «*Item*, къ этому я строго приказываю тремъ моимъ поименованнымъ сыновьямъ ни подъ какимъ видомъ не носить *серебряной бахромы* вокругъ означенныхъ одеждъ ихъ». Братья были поражены и опечалены, но тотъ изъ нихъ, къ которому они часто обращались въ затруднительныхъ случаяхъ, такъ какъ онъ

обладалъ лучшей эрудиціей и большими критическими способностями, скоро нашелся и заявилъ, что, благодаря открытію, сдѣланному имъ у одного изъ авторовъ (имени онъ не станетъ называть) слово *бахрома*, написанное въ завѣщаніи, значитъ также рукоятка метлы и въ этомъ именно смыслѣ должно понимать его въ данномъ случаѣ. Одинъ изъ братьевъ не удовлетворился однако такимъ объясненіемъ, замѣтивъ, что эпитетъ «*серебряная*», по его скромному разумѣнію, по крайней мѣрѣ въ обыденномъ языкѣ, не прилагается къ ручкѣ метлы: ему отвѣтили, что эпитетъ этотъ слѣдуетъ понимать въ аллегорическомъ и мѣтологическомъ смыслѣ. Тогда онъ продолжалъ возражать: зачѣмъ бы отецъ нашъ сталъ запрещать намъ носить на платьяхъ рукоятку метлы? такое запрещеніе представляется нелѣпнымъ и неестественнымъ. Но тутъ его тотчасъ же остановили, такъ какъ онъ отзывался безъ должнаго уваженія о таинствѣ, которое вѣроятно было очень полезно и имѣло глубокое значеніе. Благодаря такимъ ухищреніямъ братья совершенно свободно обходятъ завѣщаніе. Наконецъ, брату-схоластику наскучило придумывать толкованія и онъ прячетъ завѣщаніе въ надежный ящикъ. Съ этихъ поръ уже ничто не сдерживаетъ его; онъ становится все богаче и знатнѣе, надѣваетъ себѣ на голову разомъ три шляпы, привязываетъ къ поясу огромную связку ключей и даже заставляетъ цѣловать себѣ ногу. Въ концѣ концовъ братья ссорятся: Мартынъ и Иванъ, возмущенные высокомернымъ обращеніемъ Петра и убѣдившись, что онъ обманываетъ ихъ самымъ наглýmъ образомъ, бѣгутъ отъ него. Они рѣшаются исправить свои прегрѣшенія и возвратиться къ простотѣ, предписываемой завѣщаніемъ. Причемъ Иванъ, въ порывѣ усердія, сры- ваетъ съ своего кафтана галуны, бахромы, ленты и т. п. украшенія съ такимъ усердіемъ, что кафтанъ превращается въ одни лохмотья. Мартынъ оказался по благоразумію: убѣдившись, что многихъ украшеній нельзя спороть безъ того, чтобы не разорвать сукна, онъ оставляетъ ихъ. Иванъ не доволенъ Мартыномъ, убѣждаетъ его поступить болѣе рѣшительно и, когда это не удается, оставляетъ его съ смертельною ненавистью въ сердцѣ. Онъ ни на минуту не разстается

съ отцовскимъ завѣщаніемъ и, въ концѣ концовъ, превращаетъ его во что ему заблагоразсудится: когда онъ отправляется спать, онъ дѣлаетъ изъ него ночной колпакъ; когда идетъ дождь, онъ превращаетъ его въ зонтикъ, и т. д. Въ своей злобѣ къ Мартыну Иванъ обнаруживаетъ готовность даже примириться съ Петромъ; но тутъ былъ изданъ декретъ объ арестованіи Петра, и Иванъ отказался отъ своего безразсуднаго намѣренія. Послѣдующія приключенія Ивана разказчикъ, къ сожалѣнію забылъ. Смыслъ сказки понятенъ: Петръ это католицизмъ, Мартынъ—протестантизмъ, англиканская церковь, Иванъ—кальвинизмъ англійскіе сектанты, диссиденты.

Въ цѣломъ, «Сказка о бочкѣ», касаясь различныхъ религіозныхъ вѣроученій, существующихъ въ Западной Европѣ, затрогиваетъ глубочайшія чувства человѣка. Безстрашно распластываетъ ихъ Свифтъ на анатомическомъ столѣ, и при помощи своего безошаднаго скальпеля, вскрываетъ и разсѣкаетъ одинъ за другимъ нагноенія, болѣзненные наросты и вообще всевозможныя отложенія человѣческихъ суевѣрій. Она написана, когда Свифтъ не принималъ еще горячаго участія въ партійной борьбѣ, не былъ слѣдовательно поглощенъ партійными страстями, и представляетъ поэтому свободное, не связанное никакими условностями, выраженіе его дѣйствительныхъ мыслей. Впослѣдствіи, когда «Сказка», получившая громадную извѣстность, служила ему большой помѣхой въ устройствѣ личной карьеры, онъ пытался было оправдаться, доказывая, что она вовсе не заключаетъ въ себѣ нападокъ на англиканскую церковь, но врядъ-ли это такъ на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, Свифтъ до конца жизни оставался ревностнымъ приверженцемъ англиканской церкви, но онъ поддерживалъ ее просто, какъ полезное государственное учрежденіе, и въ «Сказкѣ» имѣетъ съ нею дѣло, какъ съ вѣрованіемъ.

«Путешествія Гулливера» появились 30 лѣтъ спустя послѣ «Сказки». Годы эти прошли въ дѣятельной и разнообразной жизни. Свифтъ приходилъ въ столкновенія съ массой людей и завязывалъ съ ними болѣе или менѣе интимныя отношенія; онъ до извѣстной степени направлялъ дѣятельность государственной машины и потому имѣлъ возможность прекрасно изу-

чить силы, приводящія ее въ движеніе. Людей и учрежденія онъ зналъ теперь до тонкостей, рѣдко кому доступныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обострилось и его негодованіе, частью въ силу того, что онъ лучше узналъ людей, частью въ силу личныхъ тяжелыхъ испытаній и неудачъ. Такимъ образомъ «Путешествія Гулливера» являются результатомъ громадной опытности и полной зрѣлости его сатирическаго генія. Содержаніе ихъ шире содержанія «Сказки», а негодующій смѣхъ—злѣе, рѣзче, беспощаднѣе и достигаетъ мѣстами такой высоты, на которой, кажется, гнѣвъ пожираетъ самъ себя. «Путешествія» свои Свифтъ обдумывалъ въ теченіе долгаго времени и писалъ ихъ постепенно. Первоначально въ кругу близкихъ друзей Свифта, Попа, Арбэтиота, образовавшихъ «клубъ писакъ», зародилась мысль написать сообща сатиру, въ видѣ мемуаровъ, осмѣивающую педанта, мнящаго себя всезнающаго. Затѣя эта не была осуществлена, но она дала толчекъ Свифту, который и принялся за работу въ годы своего «изгнанія». Въ 1726 г. онъ привезъ рукопись въ Лондонъ и здѣсь передалъ ее издателю секретно, не обнаруживая своего авторства, такъ какъ опасался преслѣдованія со стороны правительства. Впрочемъ, ближайшіе друзья его, какъ это видно изъ переписки, знали раньше о его работѣ; поэтому секретъ, по крайней мѣрѣ среди общаго круга знакомыхъ, былъ тотчасъ же разоблаченъ. Книга имѣла необычайный успѣхъ; она выдержала подъ рядъ нѣсколько изданій. Ею зачитывались всѣ, безъ различія возрастовъ, пола, положенія. Мало того, прошло болѣе чѣмъ полтора вѣка, но она нисколько не утратила своего интереса, переведена на всѣ литературные языки и стала одной изъ первыхъ дѣтскихъ книгъ, не смотря на то, что написана «мизантропомъ» и притомъ въ отчаянно «мизантропическомъ» духѣ. Страшное противорѣчіе, нисколько впрочемъ не смущающее тѣхъ, кто толкуетъ о грязномъ и ужасающемъ челоуѣконенавистничествѣ излюбленнаго дѣтми писателя.

Мы не станемъ излагать здѣсь общей фабулы «путешествій», дѣлающей ихъ для дѣтей столь занимательными, и указывать на особенности слога и тона самаго повѣствованія, — все это достаточно общеизвѣстно; мы остановимся лишь на вопросѣ,

каково содержаніе этой сатиры и какія цѣли преслѣдуетъ она? Самъ Свифтъ, повидимому, даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ письмѣ къ Попу онъ пишетъ: «я ненавижу всѣмъ сердцемъ и презираю это животное, именующееся человѣкомъ, хотя я горячо люблю Джона, Петра, Томаса, и т. д. На такой то великой основѣ мизантропіи зиждется все изданіе моихъ путешествій... Если бы въ мірѣ можно было насчитать только двѣнадцать Арбэтнотовъ, я сжегъ бы свою книгу». Подобныя же мысли высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Шеридану: «Ожидайте отъ человѣка не больше того, на что такое животное способно, и вы тогда ежедневно станете убѣждаться, что мое описаніе іаху соотвѣтствуетъ болѣе дѣйствительности, чѣмъ это кажется». Затѣмъ онъ говоритъ, что на каждого человѣка слѣдуетъ смотрѣть, какъ на негодя и относиться къ нему, какъ къ таковому. Чего же опредѣленнѣе? Несомнѣнно, Свифтъ — гнусный мизантропъ, а его книга — тяжкое преступленіе противъ человѣчества. Но не торопитесь. Послушайте, что тотъ же Свифтъ пишетъ въ прелестномъ «Письмѣ капитана Гулливера къ своему двоюродному брату Симпсону», письмѣ, приложенномъ къ «Путешествіямъ». «Вотъ уже шесть мѣсяцевъ прошло со времени выхода моей книги, говоритъ онъ съ негодованіемъ, а я не только не вижу прекращенія всевозможныхъ злоупотребленій и пороковъ, — по крайней мѣрѣ на этомъ маленькомъ островѣ, чего я могъ ожидать, но не могу даже нигдѣ прочесть, чтобы моя книга произвела хотя бы въ одномъ случаѣ дѣйствіе, соотвѣтствующее моимъ намѣреніямъ!..» Каковы же эти его намѣренія? «Я ждалъ, продолжаетъ онъ дальше, чтобы вы извѣстили меня: прекратились ли партійные счеты и интриги; стали ли судьи болѣе свѣдущими и справедливыми, защитники болѣе честными и умѣренными; измѣнилась ли всецѣло система воспитанія аристократической молодежи; изгнаны ли врачи; стала ли женщина... болѣе добродѣтельной, цѣломудренной, правдивой и разумной; упразднены ли совершенно и сметены ли прочь съ лица земли дворцы и пріемныя залы великихъ министровъ, вознаграждены ли по заслугамъ умъ, достоинство и знаніе; осуждены ли всѣ позорящіе печатное слово... на то, чтобы

питаться только бумагой и утолять жажду только чернилами? На эти и тысячи имъ подобныхъ преобразованій я сильно рассчитывалъ... дѣйствительно, *все они составляютъ прямой выводъ изъ правилъ, преподанныхъ въ моей книгѣ*». Прилично ли мизантропу говорить такія слова? Не показываютъ ли его «тысячи» всевозможныхъ преобразованій, что онъ—величайшій оптимистъ? Но какъ же примирить все это съ его собственными словами о ненависти къ людямъ и о мизантропіи? Во первыхъ, не подходите къ Свифту съ обыденными шаблонами: его искренность необычайна; то, что всѣ другіе старательно скрываютъ, онъ выпячиваетъ изъ всѣхъ силъ на показъ каждому; боясь быть недостаточно искреннимъ, онъ утрируетъ свою искренность. Во вторыхъ, Свифтъ былъ несомнѣнно глубоко несчастный человѣкъ; я не говорю только о личвыхъ несчастіяхъ; муза гнѣва, *saeva indignatio* не даритъ ласками и улыбками; естественно, что Свифтъ съ особенной рельефностью и исключительностью подчеркиваетъ все то, что вызываетъ негодованіе. Въ третьихъ, «мизантропія» или пессимизмъ очень часто является лишь обратной стороной глубокаго оптимизма, не только очень часто, — это его, можно сказать, почти неразлучный спутникъ. Бываютъ исключительныя любвеобильныя натуры, но они очень рѣдки. Въ большинствѣ случаевъ, кто сильно любитъ, тотъ и глубоко ненавидитъ все то, что позоритъ эту любовь. Съ этой точки зрѣнія мизантропія Свифта не представляетъ ничего загадочнаго и его «Путешествія Гулливера», даже включительно съ ихъ омерзительными іеху, составляютъ необходимую дополнительную часть къ разнымъ утопіямъ, это въ своемъ родѣ выеороченная на изнанку утопія. И Свифтъ не могъ бы написать ихъ, если бы его не воодушевляла въ мечтѣ о лучшемъ будущемъ человѣчества.

Въ первыхъ двухъ путешествіяхъ, къ Лиллпутамъ (карлики) и Бробдньягамъ (великаны), сатира носитъ преимущественно политическій характеръ; она полна намековъ на современныя Свифту событія и лица; но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ непреходящее и всеобщее значеніе, такъ какъ недостатки, осмѣиваемые въ ней, вовсе не временнаго и не случайнаго происхожденія. Здѣсь развертывается передъ вами пестрая кар-

Свифтъ.

тина: короли, придворная жизнь, интриги, министры, партіи, партійные счеты, политическія преслѣдованія, релігіозныя распри, войны, наконецъ, вообще нравы, — всему этому дается надлежащая оцѣнка. Много злобнаго смѣху, но еще больше веселаго забавнаго юмору. Обыскъ Гулливера, тушеніе пожара во дворцѣ, обвинительный актъ противъ Горы-человѣка — все это неподражаемо. У Бродбиньяговъ тонъ становится серьезнѣе; политика занимаетъ все еще главное мѣсто; король Бродбиньяговъ, воплощеніе безстрастно-справедливаго, народолюбиваго короля, выслушавъ пересказъ Гулливера исторіи Англіи, замѣчаетъ, что «исторія эта есть ничто иное, какъ масса заговоровъ, смуть, убійствъ, смертей, революцій и ссылокъ, и, всего хуже, что все это является слѣдствіемъ жадности, партійности, лицемѣрія, вѣроломства, жестокости, ярости, ненависти, зависти, разврата, злобы и честолюбія». Сужденія короля Бродбиньяговъ и въ особенности коня-Гуинггма (въ 4-мъ путешествіи) во многомъ напоминаютъ взгляды первыхъ революціонеровъ и ихъ критику политическихъ учрежденій.

Въ третьемъ путешествіи политика оттѣняется на задній планъ; сатира обрушивается, главнымъ образомъ, на ученыхъ и изобрѣтателей всякаго рода; она становится все свирѣпѣй и свирѣпѣй. Веселаго смѣху здѣсь уже не слышно вовсе. Вы чувствуете одно сплошное и безграничное негодованіе. Свифтъ беретъ васъ подъ руку и съ полной невозмутимостью показываетъ вамъ свою портретную галерею. Вотъ ученый, восемь лѣтъ разрабатывающій «проектъ извлеченія солнечныхъ лучей изъ огурцевъ»; вотъ академикъ, занятый изслѣдованіями о переработкѣ человѣческихъ экскрементовъ въ тѣ питательныя вещества, изъ которыхъ образовались послѣднія»; вотъ физикъ, подготовляющій трактатъ «о ковкости огня»; вотъ слѣпой профессоръ, занимающійся составленіемъ разныхъ красокъ; вотъ профессоръ, разрабатывающій вопросъ «о способѣ пахать землю при помощи свиней»; далѣе идутъ астрономъ, медикъ и т. д. Затѣмъ онъ переходитъ въ спекулятивное отдѣленіе академіи Лагадо и снова даетъ намъ образцы ученыхъ по части умозрительныхъ знаній; затѣмъ къ политическимъ проектерамъ, гдѣ знакомитъ, между прочимъ, съ любопытнымъ проектомъ о примиреніи всякихъ пар-

тійныхъ разногласій, слѣдовательно и объ уничтоженіи крамолы. Для этого по его проекту: «берутъ сотню предводителей каждой партіи и распредѣляютъ ихъ парамп по росту, такъ чтобы головы каждой пары находились на одной линіи, затѣмъ два искусныхъ оператора одновременно спиливаютъ у каждой пары черепъ сверху до затылка такимъ образомъ, чтобы мозгъ раздѣлился на двѣ равныя половины. Тогда, мѣняя отдѣльныя части, прикладываютъ затылокъ съ головы одного на голову другого и обратно». Причемъ онъ приводилъ слѣдующіе доводы въ пользу своего проекта: «двѣ половины различнаго мозга, будучи сложены въ одномъ черепѣ, для рѣшенія между ними спорнаго вопроса, скоро придуть къ соглашенію и произведутъ ту умѣренность и то равновѣсіе мыслей, которыя такъ желательны для головъ, воображающихъ себя призванными стоять на стражѣ общественныхъ движеній и руководить ими». Осмѣявъ настоящее, Свифтъ принимается за прошедшее и вызываетъ тѣни умершихъ знаменитостей. Затѣмъ прочтите его описаніе пріема во дворцѣ Лоньягъ: не смотря на всю фантастичность разсказа, вы чувствуете, что Свифтъ сражается вовсе не съ вѣтряными мельницами... Но что особенно поражаетъ и производитъ страшно угнетающее впечатлѣніе въ этомъ третьемъ путешествіи, такъ это — струльдбруги или безсмертные, въ образѣ которыхъ Свифтъ подвергаетъ жестокому осмѣянію столь свойственныя людямъ пожеланія о безконечно продолжительной жизни.

Четвертое путешествіе, путешествіе въ страну Гуигягмювъ (лошадей) представляетъ сатиру на человѣчество вообще это, какъ говоритъ Лесли Стивенъ, самая лучшая часть книги, самая сильная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе тяжелая, наиболѣе отталкивающая. Дѣйствительно, она не оставляетъ, что называется, живого мѣста въ человѣчествѣ: все пригвождено къ позорному столбу, все оплевано, все утолено въ зловонной грязи... Свифтъ сры аетъ прочь покрывало скромности и показываетъ животныя элементы человѣческой природы во всей ихъ обнаженной наготѣ; онъ признаетъ ихъ за господствующіе въ человѣчествѣ и воплощаетъ въ образѣ іаху. Его собственное душевное состояніе въ это время совершенно на-

поминаетъ состояніе религіозныхъ аскетовъ, старающихся возбуждать въ себѣ отвращеніе къ плоти путемъ сосредоточенія своего вниманія на разрушающемся, гніющемъ тѣлѣ. У аскета есть свой идеаль, во имя котораго онъ такъ поступаетъ, есть онъ и у Свифта: это—его Гуигнимы Безграничная ненависть Свифта къ гнету и насилію заставляетъ его рисовать эту мрачную до полного отчаянія картину человѣческой низости. Но люди вообще предпочитаютъ, чтобы имъ больше льстили, чѣмъ даже сочувствовали; имъ больше нравится человѣкъ, не замѣчающій ихъ слабыхъ сторонъ, чѣмъ тотъ, который видитъ ихъ и сожалеетъ и печалится по поводу ихъ». Непримиримая гордыня Свифта, помимо всего другого, никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не позволяла ему становиться въ такія угодливыя отношенія къ людямъ. «Его неукротимый умъ дѣлаетъ его неспособнымъ примириться даже съ необходимостью, заставляетъ бить лбомъ о стѣну, безъ всякой конечно надежды пробить ее...» Понятно поэтому, что для большинства людей, мнящихъ себя настоящими человѣколюбцами, Свифтъ, какъ прямая противоположность имъ, представляется воплощеннымъ человѣконенавистникомъ. Но мнить не значитъ быть... «Путешествіе къ Гуигнимамъ» это—безпредѣльный гнѣвъ, полный скрытой страсти и огня, противъ жестокости, насилія и вообще животности, присущей человѣческой природѣ.

Изъ остальныхъ многочисленныхъ произведеній Свифта (кромѣ указанныхъ въ предыдущихъ главахъ), мы упомянемъ, за недостаткомъ мѣста, лишь нѣкоторые. Прекраснымъ образчикомъ его шутокъ могутъ служить «Предсказанія на 1708 г. Бикерстѣфа». Нѣкто Партридж занимался изданіемъ календарей и, наполняя ихъ различной чепухой, эксплуатировалъ суевѣрные вкусы публики. Это возмутило Свифта; кромѣ того представлялся удобный случай осмѣять и самыя суевѣрія, различныя предсказанія, примѣты и т. п.; и вотъ онъ, какъ астрологъ, дѣлаетъ рядъ предсказаній и, на первомъ мѣстѣ, возвѣщаетъ о смерти на 29 марта отъ горячки издателя Партриджа. «Я совѣтовался,—говоритъ Бикерстѣфъ,— съ звѣздами дня его рожденія, по правиламъ собственнаго ме-

тогда, и убѣдился, что онъ неизбежно умретъ будущаго 29 марта, около 11 часовъ вечера отъ жестокой лихорадки; совѣтую ему, поэтому, обратить вниманіе на это обстоятельство и привести въ порядокъ свои дѣла, пока есть еще время». Затѣмъ послѣдовало «*Письмо*», въ которомъ Свифтъ описываетъ самую смерть злополучнаго Партриджа. Когда наступилъ конецъ, онъ чистосердечно раскаялся во всѣхъ своихъ издательскихъ глупостяхъ, указывая въ свое оправданіе на то, что онъ иначе не могъ зарабатывать себѣ хлѣба; починка же старыхъ сапогъ давала плохой заработокъ. Такая, плоская и грубая въ устахъ всякаго другого, шутка произвела необычайный эффектъ, такъ какъ она была написана искусной рукой Свифта. Извѣщенію повѣрили. Книжные торговцы исключили Партриджа изъ своихъ списковъ, а португальская пиквициія осудила памфлетъ на сожженіе. Появился отвѣтъ, написанный, якобы, самимъ Партриджемъ, въ которомъ обстоятельно рассказываются всѣ злополучія несчастнаго издателя, какъ къ нему приходилъ гробовщикъ, чтобы справиться, какой гробъ дѣлать, какъ друзья укоряли его, что онъ скрываетъ свою смерть отъ нихъ, какъ онъ слышалъ звонъ на свое погребеніе и т. д. Это только подлило масла въ огонь. Партриджъ сталъ серьезно, съ досадою возражать и доказывать, что онъ живъ. Тогда Свифтъ отвѣтилъ новой шуткой. Партриджу, говоритъ онъ, слѣдовало бы быть нѣсколько воздержнѣе въ своихъ выраженіяхъ, такъ какъ предметъ его спора относится къ вопросамъ умозрительнаго, чисто теоретическаго характера. Партриджъ отрицаетъ свою смерть, но всѣ свидѣтельства говорятъ противъ него. Тысячи читателей его альманаха заявляютъ, что живой человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы написать подобной ерунды. Во вторыхъ, даже его жена, и та ходитъ по улицамъ и «клянется, что у ея мужа нѣтъ ни жизни, ни души». «Если же невѣжественный трупъ продолжаетъ бродить между нами и если ему угодно называться Партриджемъ, то г. Бикерстэфъ не считаетъ себя нисколько въ томъ отвѣтственнымъ»... Затѣмъ слѣдуетъ: въ третьихъ, въ четвертыхъ и т. д.

Такова шутка Свифта. «Если ему встрѣтится смѣшное, го-

ворить Тэнъ, онъ не касается его ради забавы, но принимается изучать; онъ серьезно углубляется въ него, овладѣваетъ имъ вполне, узнаетъ всѣ его свойства, всѣ оттѣнки.... Шутка Свифта въ сущности есть ничто иное, какъ отрицаніе посредствомъ вполне систематическаго абсурда... Въ его смѣхѣ слышится что-то гробовое...»

Изъ послѣднихъ произведеній Свифта упомянемъ о «*Приличномъ разговорѣ*» и «*Наставленіяхъ слугамъ*». Въ первомъ онъ даетъ прекрасную коллекцію безсодержательныхъ фразъ, въ говореніи которыхъ люди проводятъ цѣлые часы; а во второмъ обнаруживаетъ замѣчательное знаніе прислуги и ея нравовъ. Какой-бы сферы ни коснулся Свифтъ, онъ повсюду является господиномъ занимаемаго имъ положенія и обнаруживаетъ удивительное всезнаніе.

Въ литературной дѣятельности Свифта есть еще одна замѣчательная черта, которую нельзя обойти молчаніемъ. Это полное его безкорыстіе: за исключеніемъ «Путешествій Гулливера», доставившихъ ему 200 ф. ст., онъ ни за одно изъ остальныхъ своихъ произведеній не получилъ ни гроша и совершенно не заботился объ этомъ. А между тѣмъ его памфлеты расхватывались моментально, выдерживали подрядъ по нѣсколькимъ изданіямъ, приводили въ смятеніе министровъ, возбуждали страсти цѣлаго народа... Немного найдется писателей, обнаружившихъ такой полный индифферентизмъ къ извлеченію матеріальной пользы изъ своей литературной славы. Да и о славѣ этой Свифтъ заботился мало: всѣ его произведенія появлялись анонимно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, правда, вызывалось опасеніями преслѣдованія, но такихъ случаевъ было собственно не много; кромѣ того, Свифтъ не выставялъ своего имени даже тогда, когда опасенія оказывались напрасными и произведеніе его выходило вторымъ изданіемъ. Нельзя не признать, что онъ и въ этомъ отношеніи представляетъ оригинальнѣйшее явленіе въ литературѣ: гений первой величины, имѣвшій такую массу читателей, какъ, быть можетъ, никто другой въ его время, онъ всѣ свои произведенія отъ перваго до послѣдняго печатаетъ анонимно и не пріобрѣтаетъ на нихъ не только состоянія, но просто—ровно ничего.

ГЛАВА VII.

Послѣдніе годы жизни.

Свифтъ послѣ смерти Стеллы. — Свифтъ, какъ деканъ. — Широкая благотворительность. — «Vive la bagatelle» — Смерть близкихъ друзей. — Страданія Свифта. — Потеря памяти ирѣчи — Учрежденіе опеки — Смерть. — Заключение.

Пока была жива Стелла, въ домѣ декана собирались по воскресеньямъ многіе изъ интеллигентныхъ и образованныхъ жителей Дублина и проводили время въ оживленныхъ и остроумныхъ бесѣдахъ, хотя гости не всегда оставались довольны слишкомъ ужъ экономнымъ угощеніемъ своего хозяина. Но со смертью Стеллы все перемѣнилось. Свифтъ становился все мрачнѣе, угрюмѣе, раздражительнѣе, невыносимѣе. Его скупость превращалась въ мономанію; случалось, что онъ жалѣлъ бутылки вина, чтобы угостить своихъ друзей. Головокруженіе и глухота стали теперь его неразлучными спутниками. Прежде онъ читалъ много, въ особенности по исторіи, перечитывалъ классиковъ, развлекался даже математикой, — но теперь принужденъ былъ все забросить, такъ какъ глаза его испортились, а носить очки онъ по какому-то предубѣжденію не хотѣлъ. Однако болѣзнь не такъ-то скоро могла сломить этого съ желѣзною волею человека; онъ упорно боролся. Со смерти Стеллы прошло цѣлыхъ 12 лѣтъ, прежде чѣмъ онъ лишился разсудка и надъ нимъ назначена была опека.

Свои обязанности декана Свифтъ продолжалъ исполнять до конца ревностно и неослабно. Въ особенности упорно онъ воевалъ съ епископами, отстаивалъ свои права и привилегіи и тѣмъ вызывалъ у однихъ чувство глубокаго уваженія, а у другихъ — досады и раздраженія. Онъ поноситъ епископовъ за то, что они дали свое согласіе на два гнусныхъ билля, на-

правленныхъ противъ духовенства, и говорить, что рѣшилъ не поддерживать болѣе никакихъ отношеній съ лицами, непо- мѣрно напыщенными: «они, чего добраго, захотятъ въ скоромъ времени, чтобъ я цѣловалъ ихъ туфли». Этотъ странный свя- щенникъ избѣгаетъ заглядывать въ карету, чтобы не увидѣть тамъ такой фигуры, какъ епископъ, одинъ видъ которой по- ражаетъ его ужасомъ. По его теоріи англійское правительство назначало епископами въ Ирландію всегда замѣчательныхъ богослововъ, но на пути съ ними случалось необычайное не- счастье: разбойники съ большой дороги убивали ихъ, завла- дѣвали ихъ бумагами, облачались въ ихъ платье и затѣмъ являлись въ Ирландію и преспокойно занимали ихъ мѣста. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно совершалъ службы, наста- влялъ молодыхъ священниковъ, заботился о церковномъ хорѣ, поддерживалъ въ лучшемъ видѣ зданіе собора и радѣлъ о церковныхъ доходахъ.

Несмотря на общеустановившуюся репутацію скупого че- ловѣка, Свифтъ занимался, въ дѣйствительности, широкой благотворительностью. Дилени говорятъ, что онъ охотнѣе от- давалъ пять фунтовъ, чѣмъ какой-нибудь богачъ пять шил- линговъ. Бѣдные въ его приходѣ пользовались большимъ вни- маніемъ и лучшимъ положеніемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Онъ помогалъ не только въ случаяхъ безысходной ни- щеты. Мелкіе торговцы и ремесленники находили у него легко доступный кредитъ. Первые же 500 фунтовъ, какими онъ располагалъ, онъ употребилъ на это дѣло, образовавъ изъ нихъ спеціальныи фондъ и раздѣливъ ихъ на мелкія доли, которыя и выдавались въ ссуду срокомъ на недѣлю. Разска- зываютъ, что такимъ образомъ онъ далъ возможность встать на ноги и устроиться болѣе, чѣмъ 200 семьямъ. Въ Дублинѣ у него былъ цѣлый «сераль обнищавшихъ старыхъ женщинъ»; онъ обыкновенно добродушно здоровался съ ними, расспрашивалъ о дѣлахъ, покупалъ имъ разныя бездѣлушки и всѣхъ ихъ надѣ- лялъ особыми именами. Затѣмъ идутъ личности, родственники и не родственники, которымъ онъ выплачивалъ изъ своихъ средствъ ежегодныя пенсіи въ 20 фун. и больше. Таковъ былъ этотъ «скупецъ». Онъ доводилъ до минимума свои лич-

ные расходы не для того, чтобъ копить и богатѣть, а для того, чтобы имѣть развязанныя руки и быть въ состояніи помочь тамъ, гдѣ онъ находилъ нужнымъ. Кромѣ денежной помощи, онъ оказывалъ поддержку многимъ лицамъ своими ходатайствами передъ лицами, власть имущими. Въ этомъ отношеніи Свифтъ повидимому, никогда не стѣснялся и не испытывалъ того ложнаго опасенія скромпрометтировать себя, которое такъ часто мѣшаетъ человѣку оказать услугу другому. Среди его знакомыхъ было много людей, занимавшихъ видное положеніе въ Ирландіи и въ Англіи, поэтому просьбы его нерѣдко оканчивались благопріятно для заинтересованныхъ лицъ. Однако ему приходилось попадать иногда и въ неловкое положеніе: люди, подобные ему, легко становятся добычею всякаго рода льстецовъ и обманщиковъ. Но во всякомъ случаѣ тотъ, кто знаетъ Свифта съ этой стороны, съ удивленіемъ будетъ слушать розказни о его «человѣконенавистничествѣ».

Годы шли, болѣзнь совершала свою разрушительную работу, настроеніе падало все ниже и ниже. «Самое лучшее общество въ Дублинѣ, говоритъ онъ, еле выносимо, и тѣ, кого раньше можно было еще терпѣть, теперь стали несносными». Онъ не замѣчаетъ, что несносными становятся вовсе не другіе, а онъ самъ. Онъ вачинаетъ вести уединенную жизнь: обѣдаетъ одинъ и потомъ уединяется въ кабинетѣ и просиживаетъ до 11 часовъ, а затѣмъ идетъ спать. Онъ мало читаетъ, за то много пишетъ всякой дребедени, пишетъ и сжигаетъ. Какъ бы въ противоположность надвигающемуся мраку и отчаянію, онъ съ особеннымъ усердіемъ развиваетъ свою излюбленную тему: «Vive la bagatelle». Въ такомъ родѣ всѣ его «серьезныя философскія злокубраціи». Съ немногими друзьями, въ особенности съ Шериданомъ, онъ постоянно обмѣнивается смѣшными, вздорными пустяками. Выше мы видѣли, какъ въ Свифтѣ мизантропія соединяется съ филантропіей, въ широкомъ и узкомъ значеніи этихъ словъ; теперь мы имѣемъ другое подобнаго же рода соединеніе въ его личности двухъ, повидимому, противорѣчивыхъ особенностей: «Saeva indignatio», и «Vive la bagatelle» уживаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ: желать смерти, прощаясь съ дру-

томъ, говорить ему: «доброй ночи, надѣюсь, что мы уже никогда не увидимся больше съ тобой», оплакивать и проклинать, какъ страшное злополучіе, день своего рожденія, и въ то же время говорить: «а все-таки я люблю la bagatelle (пустяки, вздоръ) больше, чѣмъ когда-либо»... Лесли Стивенъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что слѣдовало бы сказать не «все-таки», а «поэтому»: вздорные шутки служили еще единственнымъ спасеніемъ отъ овладѣвавшаго имъ безысходнаго унынія.

Смерть близкихъ друзей—Конгрева, Гея, Арбѣтнота, затѣмъ болѣзнь Попа, все это ложилось крайне тяжело на разбитое уже смертью Стеллы сердце Свифта. Если бы ему пришлось начать новую жизнь, говорить онъ, то онъ никогда не рѣшился бы водить дружбы ни съ бѣднымъ, ни съ болѣзненнымъ человѣкомъ. «Я прихожу къ тому заключенію, что скупость и черствость сердца—вотъ два качества, доставляющія человѣку наибольшее счастье».. Смерть Арбѣтнота «поразила его въ самое сердце»; отлетѣлъ духъ, говоритъ онъ, воодушевлявшій остальныхъ и т. д. Въ теченіе пяти дней онъ не могъ распечатать письма, въ которомъ сообщалось о смерти Гея. Къ Попу онъ пишетъ самыя трогательныя письма: «у меня не осталось теперь никого кромѣ васъ...», изливается ему въ своей горячей привязанности, называетъ его «самымъ дорогимъ и почти единственнымъ вѣрнымъ другомъ»...

Въ 1736 году Свифтъ уже пишетъ: «и годы и болѣзнь разбили меня окончательно; я не могу ни читать, ни писать, я потерялъ память и утерять способность вести разговоръ. Ходить и ѣздить—вотъ все, что осталось мнѣ теперь въ удѣлъ». Смерть была еще не близка; но роковой ударъ, лишившій его разума, былъ уже занесенъ надъ его головой.

Въ 1738 и 1739 году онъ еще продолжалъ бороться противъ своей судьбы; это были годы самыхъ жестокихъ и самыхъ продолжительныхъ страданій. Чтобы избавиться отъ душевныхъ мукъ, заглушить жгучую боль, онъ усиленно начинаетъ предаваться физическимъ упражненіямъ, безостановочной ходьбѣ. Скоро онъ превратился въ ходячій скелетъ, отъ него остались лишь кости да кожа, онъ не могъ уже выхо-

дить изъ своего дома; тогда онъ принялся шагать по пустымъ комнатамъ, подыматься и спускаться по лѣстницѣ. Казалось, что онъ больше всего страшился впасть въ старческое расслабленіе и потому старался искусственнымъ образомъ растратить жизненную энергію и приблизить неизбежный конецъ. Но усилія были тщетны: вмѣстѣ съ тѣломъ страдалъ и духъ. Онъ долженъ былъ испивать чашу своихъ страданій капля за каплей. Въ 1740 году онъ уже почти не можетъ выносить присутствія постороннихъ лицъ, къ смертельной тоскѣ и унынію присоединяется еще потеря или, вѣрнѣе, расстройство памяти. Онъ пишетъ: «Прошлой ночью я чувствовалъ себя опять крайне тяжело, а сегодня я снова совершенно ничего не слышу; страшная тревога овладѣваетъ мною опять. Я такъ отупѣлъ и такъ расстроень, что не могу вамъ выразить, какая смертельная скорбь терзаетъ мое тѣло и мою душу. Я еще не въ агоніи, но жду ее ежедневно и ежечасно, вотъ все, что я могу сказать... Я почти не понимаю ни одного слова изъ того что пишу. Я увѣренъ, что дни мои сочтены: немногіе жалкіе дни!.. И подписывается подъ письмомъ: «на эти немногіе дни остаюсь всецѣло преданный вамъ»; затѣмъ приписываетъ еще: «если не ошибаюсь сегодня суббота, іюля 26, 1740 г.»

Недавно мы схоронили родного намъ писателя, который говорилъ подобныя же рѣчи и писалъ подобныя же письма; мученія его были также ужасны и онъ также принадлежитъ къ перворазряднымъ сатирикамъ...

Съ каждымъ днемъ Свифтъ терялъ все болѣе и болѣе память. Онъ искалъ утѣшенія въ молитвахъ, но одна только молитва Господня сохранилась въ его памяти, и онъ ее безпрестанно твердилъ. Его поведеніе становилось совершенно невыносимымъ. Никто не могъ показаться ему на глаза, и пришлось иногда слѣдить за нимъ издалека, такъ чтобы онъ не замѣчалъ. Онъ обѣдалъ одинъ, по цѣлымъ часамъ оставался у него въ комнатѣ обѣдъ и убирался часто не тронутымъ. Наконецъ, въ 1742 года надъ нимъ была учреждена опека. Опасались, чтобы онъ не наложилъ на себя руки. Нарывъ на глазу, вызванный общимъ воспалительнымъ состояніемъ организма, причинялъ ему нестерпимыя боли; требовалось пять

человѣкъ, чтобы удержать этого семидесяти трехъ лѣтняго старика, находившагося въ медленной предсмертной агоніи, порывавшагося вырвать глазное яблоко. Воспаленіе прошло. Свифтъ погрузился въ полную апатію и молчаніе. Въ такомъ состояніи онъ прожилъ еще три года. Теперь его съ трудомъ можно было убѣдить подняться съ кресла и пройтись. Онъ снова пополвѣлъ и его лицо, принявшее почти дѣтски наивное выраженіе, странно высматривало изъ-подъ густой шапки бѣлоснѣжныхъ волосъ. Спокойствіе и миръ, но неподвижное спокойствіе, но мертвенный миръ, снизошли наконецъ на измученное тѣло и душу гордаго страдальца, потерявшаго умъ, рѣчь, но никогда все-таки «не говорившаго безсмыслицы и и безумныхъ вещей». Казалось, онъ узнавалъ еще своихъ старинныхъ друзей; по временамъ видимое раздраженіе овладевало имъ: онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ и у него вырывались слова: «я дуракъ», или: «я то, что я есть.» Глядя на себя въ зеркало, онъ жалостно произносилъ: «Бѣдный старикъ»...

Онъ умеръ 19 октября 1745 г. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по Дублину, народъ цѣлыми толпами устремился къ деканскому дому, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на того, кто былъ въ теченіе 25 лѣтъ его идоломъ и полновластнымъ диктаторомъ, попросить его волосъ на память. Оставшіяся послѣ него деньги, 12 тыс. фун., онъ завѣщалъ на устройство пріюта для помѣшанныхъ и неизлечимыхъ.

Такъ, въ мучительно-тяжелой агоніи кончилась жизнь этого необычайнаго генія—необычайнаго человѣка. Страстность и холодная серьезность, цинизмъ и нѣжность, свирѣпый гнѣвъ и преданная дружба, язвительный сарказмъ и шуточный юморъ, ненависть ко всякаго рода неискренности, ненависть къ тираніи, необычайная мощь, гордость, наконецъ предразсудки — все замолкло на вѣки. Но слово, сказанное гениемъ, не умираетъ, и страстный протестъ Свифта противъ гнета, насилія и лжи, во имя свободы, независимости и искренности, будетъ вѣчно будить совѣсть людей и внушать отвращеніе къ звѣроподобному существованію.

Въ заключеніе, быть можетъ, спросить, какое же мѣсто

занимаетъ этотъ странный и непонятный умъ среди добрыхъ гениевъ человѣчества? Отвѣтимъ на это словами Тэна. «Свифтъ, говоритъ онъ, былъ великій и несчастный умъ, величайшій въ классическомъ вѣкѣ и несчастнѣйшій въ исторіи, англичанинъ до конца ногтей, вдохновлявшійся и погибавшій вслѣдствіи избытка своихъ англійскихъ качествъ, сообщавшихъ ему всю глубину желанія, составляющую основную черту этого племени, всю непомерную гордость, которую запечатлѣла въ націю привычка къ свободѣ, преобладанію и успѣху, всю основательность положительнаго ума»... Незнающій радости жизни, вѣчно терзаемый то физическими, то нравственными страданіями, преслѣдуемый врагами и судьбою, онъ достигаетъ необычайной высоты, «съ которой, по оригинальности и силѣ своего творчества, представляется равнымъ Байрону, Мильтону и Шекспиру, выражая чрезвычайно рельефно духъ и характеръ своего народа»...

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ изданія **Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ**

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА:

- 1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ одномъ томѣ, съ портретомъ Пушкина, гравирован. В Мате, и съ біограф. очеркомъ, составленнымъ 2) А. Скабичевскимъ, 2-е изд. 1 р. 50 к.
Тоже однотомное изданіе, но иллюстрированное
2 изд. 44 гравюрами 2 „ 50 „
- 3) Полное собраніе въ 10 книжкахъ (съ портр. и біогр.),
3 изд. 1 „ 50 „
- 4) Полное собраніе стихотвореній и беллетристическихъ
произведеній въ прозѣ, съ портр. и біограф. (въ одномъ
томѣ) 2 изд. 1 „ 25 „
- 5) Стихотворенія Пушкина. Полное собраніе съ портр. и
біогр. 1 „ — „
- 6) Большой альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина» (пор-
третъ и 44 иллюстраціи съ подписями). Въ красивой
папкѣ 1 „ 50 „
- 7) Малый альбомъ къ «Соч. Пушкина». Тѣже иллюстраціи,
но меньшаго формата и рѣзанныя на деревѣ лучшими
граверами. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 „ 25 „
Желающіе имѣть «Сочиненія Пушкина» на лучшей глазированной
бумагѣ прибавляютъ къ цѣнамъ изданій № 1 и 2-й по 50 к. За пере-
плеты однотомнаго изданія (кто желаетъ) прибавляется: за покрытый
шагреновой бумагой—40 коп.; за покрытый франц. коленкоромъ съ зо-
лотымъ тисненіемъ—1 р.; за 5 шагреновыхъ переплетовъ 10-томнаго
изданія—1 р.; за 5 роскошныхъ переплетовъ—2 р.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (сентябрь 1890 г.), слѣдующія книги:

Предсказаніе погоды. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна
1 р. 25 к.—**Физиологія души.** А. Герцена, профессора Лозан. университета.
Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.—**Миръ грезъ.** Д-ра Симона.
Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи.
Съ франц. Ц. 1 р.—**Экстазы человѣка.** П. Маптегацца. Пер. съ 5-го
итальянск. изд. Ц. 1 р. 50 к.—**Современные психопаты.** Д-ра Кюллера.
Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.—**Психологія вниманія.** Д-ра Рибо. Пер. съ
франц. Ц. 50 к.—**Психологія великихъ людей.** Жюли. Пер. съ франц. 2-е
изд. Ц. 1 р.—**Берегите легнія!** Популярныя бесѣды д-ра Нимейера.
Съ 30 рис. Ц. 75 к.—**Дарвинизмъ.** Общеизвестное изложеніе Э. Феръ-
ера. Съ франц. Ц. 60 к.—**Первобытные люди.** Дебъера Перев. и допол-
нилъ М. Энгельгардтъ. Со многими рисунками Ц. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 1868—1887.

СОДЕРЖАНІЕ: Новое время и старыя боги. Русское недомысліе. Прудонъ объ искусствѣ. Герои голубиного полета. Теорія Лассаля. Живая струя. Д. Н. Писаревъ. Старая правда. Чего нужно добиваться реальному поэту. Сорокъ лѣтъ русской критики. Герои вѣчныхъ ожиданій. Графъ Левъ Толстой. Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. Три человѣка сороковыхъ годовъ. Сентиментальное прекраснодушіе. Наши грядущіе Бисмарки. Литературныя противорѣчія. Випигредъ современной морали. Наша современная беззавѣтность. Три письма о русской словесности. А. Н. Левитовъ. Н. А. Некрасовъ. Разладъ художника и мыслителя. Эпидемія легкомыслія. Женскій вопросъ. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. Новый человѣкъ деревни. О нравственно-философскихъ идеяхъ гр. Л. Толстаго. Власть тьмы. Пѣсни о женской неволѣ. Русскій историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. Женщины въ пьесахъ Островскаго. А. С. Пушкинь.

Бъ „Сочиненіямъ“ приложенъ портретъ автора, гравированный въ Лейпцигѣ Геданомъ. Цѣна за два большихъ тома (около 1700 стр.) 3 руб.

Въ простомъ переплетѣ—3 руб. 50 коп. Въ роскошномъ — 4 руб.

СОЧИНЕНІЯ Н. ШЕЛГУНОВА.

Въ 2-хъ томахъ, съ портретъ автора и всгупительной статьей *Н. Михайловскаго* — 3 руб., въ простомъ перепл. — 3 р. 50 к., въ роскош. — 4 р.

СОДЕРЖАНІЕ. Статьи историческія: Европейскій западъ. — Убыточность незнанія. — Промедшее и будущее европейской цивилизаціи. Три народности — Американскіе патріоты. — Цивилизація Китая. — Россія до Петра Великаго. — Новый отвѣтъ на старый вопросъ. — Государственный классицизмъ. — Народный романтизмъ (чувство свободы). — Попытки русскаго сознанія. — Фатализмъ историческаго прогресса. — Статьи общественно-педагогическія: Письма о воспитаніи — Статьи социально-экономическія: Рабочій пролетаріатъ въ Англии и во Франціи. — Государственное хозяйство. — Женское бездѣлье. — Социально-экономическій фатализмъ. — Статьи критическія: Талантливая безталанность. — Философія застоя. — Историческая сила критической личности. — По поводу одной книги. — Право и свобода. — Геній молодой Германіи — Первый нѣмецкій публицистъ. — Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла. — Статьи публицистическія: На коммерческомъ основаніи. — Безсознательный піонеръ прогресса. — Колонизаціонное движеніе и новые центры. — Петербургъ и его „новыя“ люди. — Свѣтлыя и мрачныя явленія. — Борьба-ли поколѣвій ведетъ насъ впередъ. — Зачатки общественнаго доброжелательства. **Воспоминанія:** Изъ прошлаго и настоящаго. — Переходные характеры.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (сентябрь 1890 г.), слѣдующія книги:

Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Электрическіе звонки.** Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ авгл. и дополнилъ Д. Головъ. Г 1 р.—**Руководство къ рисованію акварелью.** А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Сельскій со-вѣтникъ.** А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству. по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищева-рыхъ и другихъ веществъ. Ц. 60 коп.

Популярно-научныя книги.

- ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ.** Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ФИЗИОЛОГІЯ ДУШИ.** А. Герцена. проф-ссора Лозан университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
- МІРЪ ГРЕЗЪ.** Дра Симоноа. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, пиклози. Съ франц. Ц. 1 р.
- РУЧНОЙ ТРУДЪ.** Составилъ Графиньи Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р 50 к
- ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА.** П. Монтегацца Пер. съ 5-го италіян. изд. Ц. 1 р. 50 к
- ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ.** Ле-турно. Перевела съ франц. Эл. За-геръ. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУМСТВЕННЫЙ ЭПИДЕМИИ.** Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к
- КОТОРЫЙ ЧАСЪ?** И. Вавилова. Про-вѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнцъ часовъ. Съ 13 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к
- СВѢТЪ БОЖІЙ.** Популярныя очерки миро-вѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
- ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ.** Фла-маріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ.** Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Го-ловъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ В. Чл-колева.** съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.** В. Чиколева Ц. 30 к.
- О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢ-ЩЕНІЯ.** В. Чиколева. Ц. 25 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ** А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасона и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к
- СПРАВЧАЯЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРО-ТЕХНИКѢ.** В. Чиколева. Ц. 75 к.
- ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОВЪ ЭЛЕКТРИ-ЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ.** О. Хволь-сона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
- ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕК-ТРИЧЕСТВА.** Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ** Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.** Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англій-скаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
- СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТЫ** Дра Кю-лера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к
- ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ.** Дра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
- ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ.** Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
- ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ.** Ц. Ломброво. Съ рис. Ц. 2 р.
- ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАР-ВИНЪ?** Съ портретомъ Дарвина. Пере-водъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.
- КЛѢВНЫЙ ЖУКЪ.** Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
- ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ.** Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
- ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО.** Н. Жу-ковскаго. Съ 72-мя рис. Ц. 60 к
- ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ.** Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.
- СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.** Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Па-вленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к
- ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНО-СТИКА.** Профес. Да-Коста Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р 50 к
- ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЬ.** Опытъ популярно-научной философіи А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Па-вленкова 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к
- ДАРВИНИЗМЪ.** Общедост. изложеніе уче-нія Дарвина. Э. Ферьера. Ц. 60 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣ-ды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 623848

